КЛОЧКОВ ИГОРЬ ЕВГЕНЬЕВИЧ

Родился 30 июля 1939 г. в городе Ростове-на-Дону. Окончил Одесский инженерно-строительный институт в 1961-м и ЗВПШ при ЦК КПСС в 1974 г.

В системе Треста «Гидромонтаж» с января 1968 по март 1970 г. на должности старшего инженера производственно-диспетчерского отдела Треста и секретаря парткома КПСС.

В 1970–1987 гг. на руководящих должностях в советских и партийных органах Московской области. Первый председатель Федерации независимых профсоюзов России (1990–1993).

Почётный гражданин Наро-Фоминского района.

Почётный строитель Московской области.

Депутат Верховного Совета РСФСР (1980–1990), депутат Государственной Думы первого созыва (1993–1995). Председатель комитета Верховного Совета РСФСР по строительству и промышленности строительных материалов (1980–1984).

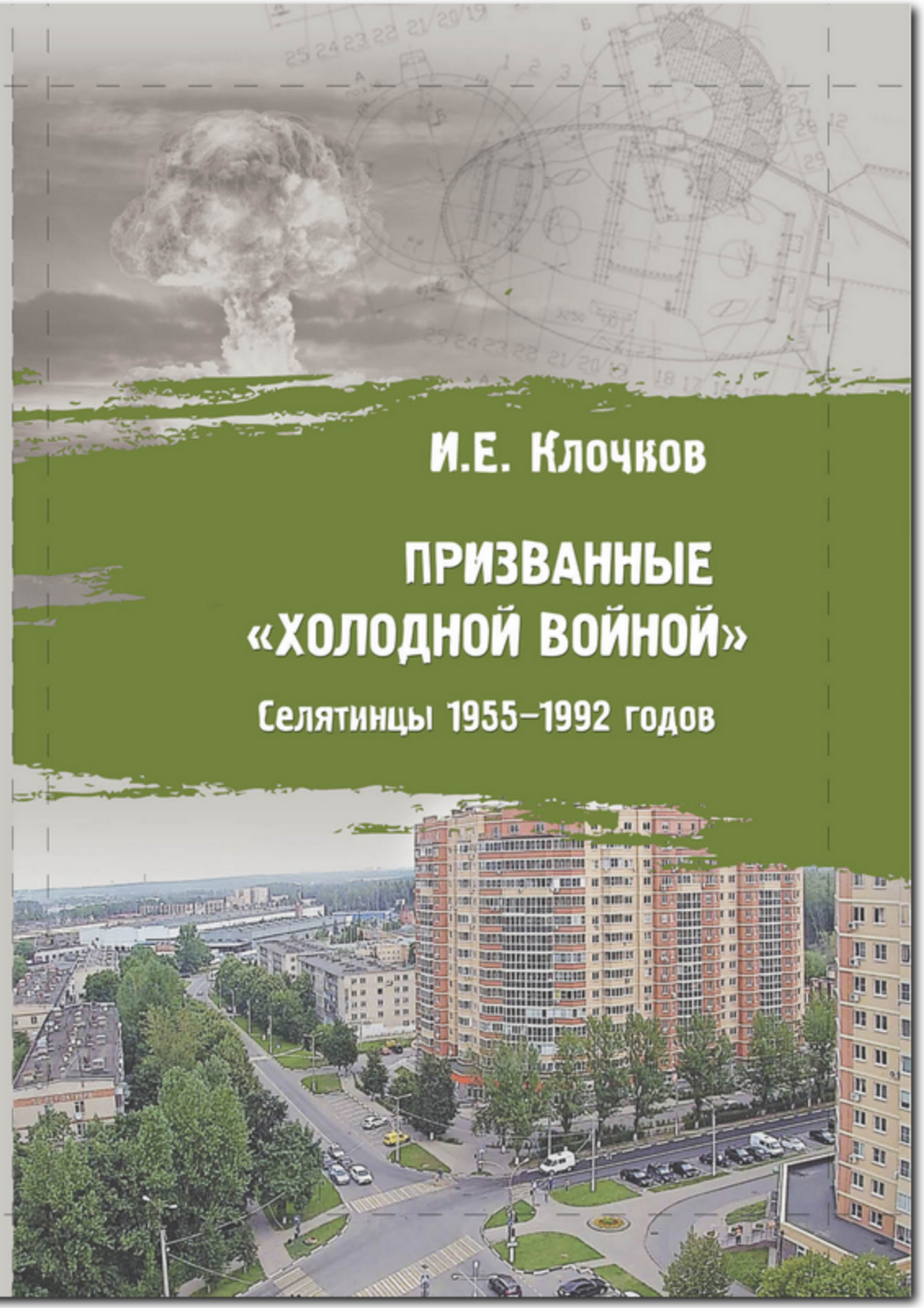
Награды: два ордена «Знак Почёта», орден Дружбы народов, медали.

Автор книги «Исповедь без покаяния».

ISBN 978-5-9500350-4-3

9 785950 035043

И.Е. Клочков | ПРИЗВАННЫЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНОЙ» Селятинцы 1955–1992 годов



И.Е. Клочков

60-летию
посёлка Селятино
посвящается

Призванные «холодной войной»

Селятинцы 1955–1992 годов

Селятино
2017

УДК 621.039
ББК 31.4г
К50

Администрация городского поселения Селятино
МАУК «Библиотека городского поселения Селятино»

В подготовке книги к печати принимали участие:
Наталия Васильевна БЕЗРУКОВА,
Дмитрий Николаевич ГРИГОРЬЕВ,
Светлана Павловна КОРНЕВА

Клочков И.Е.
К50 Призванные «холодной войной». Селятинцы 1955–1992 годов: 60-летию п. Селятино/ И.Е. Клочков: [предисл. Е.Н. Голубева]. – Тамбов: ООО «ТПС», 2017. – 344 с., ил.

УДК 621.039
ББК 31.4г

ISBN 978-5-9500350-4-3

© МАУК «Библиотека
городского поселения Селятино», 2017
© ООО «ТПС», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово главы городского поселения Селятино 7

От автора 9

Глава I. ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ 10
1. Историческая память как оружие 10
2. В министерстве последним не значился 14
Глава II. ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО 19
1. Под дулом «атомного пистолета» 19
2. Маршал «холодной войны» 24
Глава III. КЛЮЧ НА СТАРТ 30
1. От конторы «Техспецработ» к Тресту «Гидромонтаж» 30
2. Всё пошло с малой промбазы 31
3. В полусотне километрах от Москвы 37
4. Посёлок Селятино. Начало 40
Глава IV. ПОЛЁТ НОРМАЛЬНЫЙ 43
1. На взлёте 43
2. Вздымая трепетно за этажом этаж 44
3. Пятиэтажки в зелени леса 45
4. Звенья единой цепи 48
5. Доброе дело не пропадёт втуне 50
Глава V. КАДРЫ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО 53
1. У руля кадровой политики 53
2. Работнику главное внимание 56
3. На первой ступеньке роста 60
4. Учили, снимали, назначали… 62
Глава VI. ОТ МАСТЕРСКИХ К ЗАВОДУ 65
1. Нестандартный завод 65
2. Опытный завод на марше! 68
3. Трубопроводы больших диаметров – любимый «конёк» треста 71
4. «Есть, освоить новые виды продукции!» 73

Глава VII. ТЕХНИКА РЕШАЕТ ВСЁ ... 76
1. Подвижный резерв треста ... 76
2. Простаивать некогда ... 77
3. Автобаза ... 78
4. Построенное как предмет гордости ... 80
5. Жить под боком у столицы надо заслужить! ... 82
Глава VIII. ТАК РАБОТАЛ ШТАБ ... 84
1. Отделы, службы и режим секретности ... 84
2. Высококлассные специалисты – богатство и гордость треста ... 86
3. Картинки тех времён ... 91
4. Ракета «Гидромонтажа» включает вторую ступень ... 95
Глава IX. СПЕЦНАЗ 12-го ГЛАВКА ... 98
1. ЭПРОН как предтеча ... 98
2. Три поколения асов водолазного дела ... 105
Глава X. СПЕЦИФИКА ПОДВОДНЫХ ОПЕРАЦИЙ ... 112
1. Под воду идут одни «старики» ... 112
2. Притопили «шарик» ростом с 8-этажный дом ... 115
3. География подводных работ ... 116
4. Удачливый хозяйственник ... 119
5. Дела и люди ... 121
Глава XI. «БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ» ... 124
1. Первопроходцы ... 124
2. Вода, золото и уран ... 125
3. Гвозди бы делать из этих людей ... 128
4. Города-миражи под белым солнцем пустыни ... 132
5. Комплекс работ с массой забот ... 135
6. Невелика доблесть – бросить камень в раненого льва ... 138
7. Трубовозы вновь выходят в рейс ... 139
Глава XII. ИНЖЕНЕРИЯ КАК БАЗА ПРОГРЕССА ... 141
1. Когда в товарищах согласье есть ... 141
2. О тонкостях организации инженерного труда ... 144
3. О зрелости инженерной когорты ... 148
4. Конец 80-х – время заблуждений и упущенных возможностей ... 152

Глава XIII. БУРОВЫХ ДЕЛ МАСТЕРА ... 155
1. Как силой атома разорвать водораздел ... 155
2. Под новые задачи – новые технологии ... 159
3. Соль Зимы ... 167
4. БАМу никак без буровиков «Гидромонтажа» ... 172
Глава XIV. КАК СДЕЛАЛИ А-БОМБУ ... 177
1. О советском «Урановом проекте» ... 177
2. Предъявить мировому шерифу собственный «атомный пистолет» ... 178
3. Рождение ядерной державы ... 180
4. Некоторые подробности ядерных технологий ... 185
5. Без урана все усилия теряли смысл ... 190
Глава XV. ИСПЫТАТЕЛИ ... 194
1. Из глубины недр под шапку ядерного взрыва ... 194
2. НРС – нештатная радиационная ситуация ... 197
3. Крещённые радиацией ... 206
Глава XVI. ШУМНЫЕ СОСЕДИ БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ ... 211
1. Корчи земли в белом безмолвии ... 211
2. Даёшь большой диаметр и сверхглубину! ... 216
3. «Трудовые будни – праздники для нас!..» ... 218
4. Северный полигон – 35 лет работы ... 226
5. Забурились в вечную мерзлоту ... 228
Глава XVII. «НЕ КОЧЕГАРЫ МЫ, НЕ ПЛОТНИКИ...» ... 233
1. Высотный монтаж как высший пилотаж ... 233
2. Мангышлак – мираж пустыни, ставший явью ... 237
3. Задачи трудные. Контингент разный ... 244
4. Блеснули мастерством за рубежом ... 246
Глава XVIII. РАВНОБОКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК ... 250
1. Как управлялся трест? ... 250
2. Личность, равная Я.А. Кузнецову ... 251
3. Профсоюз в управленческой вертикали ... 257
4. О парткомах ... 262
5. Личности как продукт эпохи ... 264
Глава XIX. ОБРАЗЫ БЫТИЯ ... 268
1. Об образе жизни ... 268
2. Здоровый человек – здоровое общество ... 270

3. В условиях тотального дефицита ... 274
4. А ведь жизнь была интересной! ... 276
5. Культура и спорт на селятинской площадке ... 280
Глава XX. О РОЛИ ЛИЧНОСТИ ... 286
1. Как трест остался вне игры ... 286
2. Я.А. Кузнецов – государственная личность ... 287
3. В Тресте «Гидромонтаж» – новый руководитель ... 296
4. На переломе ... 301
5. Судьба человека как отражение судьбы поколений ... 303
Глава XXI. ЧЕРНОБЫЛЬЦЫ ... 307
1. Нам не забыть тот взрыв, Чернобыльский разлом… ... 307
2. Презрев опасность, в радиоактивное пекло ... 310
3. На пути радиоактивного шлейфа ... 314
Глава XXII. ПРИВАТИЗАЦИЯ ИЛИ «ПРИХВАТИЗАЦИЯ»? ... 319
1. Недолгая дорога вниз ... 319
2. Названия меняются. Дорога вниз продолжается ... 322
3. Смерть по собственному желанию.
Народ безмолвствует ... 326
4. Подковёрные игрища с плачевным финалом ... 328

Вместо эпилога ... 333

Гимн Треста «Гидромонтаж» ... 343

СЛОВО ГЛАВЫ ГОРОДСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ СЕЛЯТИНО

Уважаемые ветераны Треста «Гидромонтаж», участники создания «ядерного щита» нашей Родины!

Уважаемые жители посёлка Селятино!

2017 год – юбилейный для нашего посёлка. Посёлку Селятино – 60 лет! Житель нашего городского поселения, автор этой книги – Клочков Игорь Евгеньевич, проделал большую работу по созданию этой уникальной книги. Книга – экскурс, книга – исповедь, книга – жизнеописание наших героических тружеников.

Историческая память – сильное оружие. Из этой книги мы узнаем, как и зачем жили наши предшественники. Послушаем и увидим их самих – солдат «холодной войны», рассмотрим историю в лицах людей, которые её делали. Невозможно при чтении этих воспоминаний не испытывать чувства гордости и уважения к старшему

поколению, к их самоотверженности и профессионализму. Эта книга является весомым вкладом и дополнением к изданным уже ранее, рассказывающих о посёлке Селятино и селятинцах.

Объединил под одной обложкой все воспоминания наших земляков известный не только в Московской области, но и за её пределами И.Е. Клочков. Игорь Евгеньевич в своё время был секретарём парткома Треста «Гидромонтаж», председателем Наро-Фоминского горисполкома, первым секретарём горкома КПСС. Он избирался в 90-е годы депутатом Верховного Совета РСФСР, трудился в ВЦСПС, был депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ первого созыва.

И.В. Клочков имеет звания «Почётный строитель Московской области» и «Почётный гражданин Наро-Фоминского района».

Уважаемые читатели! Взяв эту книгу в руки, Вы уже не сможете оторваться от неё, не дочитав до конца. Пусть и дальше живёт в памяти людей былая слава Треста «Гидромонтаж», жителей-тружеников посёлка Селятино, сделавших огромный вклад в укрепление обороноспособности нашей Родины, развитие и процветание нашего прекрасного посёлка Селятино.

Глава городского поселения Селятино
Е.Н. Голубев

ОТ АВТОРА

Эта книга о Тресте «Гидромонтаж» – крупнейшем подразделении 12-го Монтажного главка Министерства среднего машиностроения СССР, которое в народе называли атомным. В её основе – воспоминания ветеранов, чья трудовая жизнь с молодых лет была связана с Трестом. Они работали, учились, заводили семьи, росли профессионально вместе со своим предприятием, которое в прямом смысле слова стало для них родным домом. В этой истории в полной мере отразилась судьба могучего государства, строившего свою жизнь на иных принципах наперекор всегда враждебному России Западу.

Счёт времени идёт с 1955 года, трудного времени, когда страна поднималась из руин после тяжелейшей войны, противостоя одновременно новой смертельной угрозе – атомному шантажу геополитического противника. Это было время раскола мира на две системы, «железного занавеса», ожесточённой «холодной войны», которая не переросла в «горячую», лишь благодаря неимоверным усилиям советского народа, помнившего 1941 год и жертвовавшего своим материальным благополучием во имя обороны страны. Благодаря подвижничеству людей, о которых здесь пойдёт речь.

Это был «второй эшелон», идущий за героями-фронтовиками, – их дети, дети войны, чьи судьбы так похожи! Нужда в детские годы, безотцовщина, раннее знакомство с трудом, учёба параллельно с работой. Но какие из них вырастали мастера-профессионалы, специалисты высшей пробы, выдающиеся командиры производства! Какие моральные установки ими двигали? Отнюдь не погоня за длинным рублём, а скорее ответственность перед страной, перед отцами-победителями.

Благодаря им и миллионам других, трудившихся на оборону, у нас сегодня чистое небо над головой. Москву не посмеет атаковать и разрушить ни один негодяй, упивающийся собственной безнаказанностью, что мы видели совсем недавно в древних, мировых столицах – Белграде и Багдаде.

Как бы сегодня выглядела страна, если бы мы делали не А-бомбу, а с тем же энтузиазмом отстраивали сельское хозяйство, дороги, жильё, производили товары массового потребления?

Но можно ли было её не делать?!

Глава I
ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

1. Историческая память как оружие

Если вы поедете по скоростному Киевскому шоссе, ставшему уже внутригородской магистралью «Новой Москвы», в сторону области, то в районе развязки с Малым бетонным кольцом – будущей трассой Центральной кольцевой автодороги, увидите справа поднимающиеся стены 14-этажных домов. Это, по нынешнему административному делению, муниципальное образование «Городское поселение Селятино».

Вместе с городом Апрелевкой оно вклинивается в прирезанные территории расширившейся Москвы, оставшись в составе Наро-Фоминского района Московской области. Их не взяли в столицу – гектаров мало, а население большое, целью же было приобретение незаселённых территорий. Но жителей это не особенно

Старое здание треста Гидромонтаж

напрягает. Качество жизни в Селятино ничуть не хуже, чем в самой Москве. Только рабочих мест не хватает, и потому велика «маятниковая миграция», особенно среди молодёжи.

Некогда градообразующее предприятие – Трест «Гидромонтаж», давший жизнь поселению, скукожился, а новая экономика заместить рабочие места пока не сумела. В Селятино живут ветераны некогда могущественной отрасли – Министерства среднего машиностроения, посвятившие жизнь созданию «ядерного щита», который и сегодня гарантирует России неприкасаемость для любых агрессоров.

Пришли в жизнь следующие поколения – дети, внуки, с другими взглядами и оценками жизни. И уже приходится объяснять тем, кто не в курсе, значение памятника испытателям ядерного оружия и ликвидаторам чернобыльской аварии.

В Селятино любой вам покажет, как пройти в ОАО «Трест Гидромонтаж», которое ведёт здесь жилищное строительство, возводя великолепные высотные дома по технологии «монолит-кирпич».

В тени деревьев, в глубине обширной площади скрывается стройное 7-этажное офисное здание из светлого облицовочного кирпича с вставками красного и широким остеклением окон. Выдвинутый вперёд козырёк нависает над гранитными ступенями, ведущими к входу. Перед стеклянной дверью, слева – мемориальная доска. Из тёмной патины меди выступает барельеф человека в погонах. Волевое лицо, суровый взгляд и надпись – инженер-полковник Яков Андреевич Кузнецов, начальник Треста «Гидромонтаж» 1956–1980 гг. Без всяких ОАО.

«Ничего себе, фирмочка», – думает визитёр, желающий что-то продать. Таково время! Он пока не знает, что этот человек ровно четверть века стоял на капитанском мостике корабля с момента его спуска на воду. Провёл его сквозь неспокойные воды 50–60–70-х годов.

В 1980 году, как положено, передал руль молодому сменщику и с достоинством сошёл на берег.

Старый капитан в кошмарном сне не мог представить, что его детище, его «Гидромонтаж» в 90-х того же столетия, но уже без

него, влетит на полном ходу в бушующий «идеальный» шторм. «Идеальный», так как одномоментно сошлись все негативные факторы.

Это, как лёгкий, летящий над волной чайный клипер с высоченными мачтами, несущими громадную площадь парусов, накручивает узлы, стремясь не отстать в сумасшедшей гонке, влетает вдруг с разбега в самый центр урагана. Он теряет управление, паруса. Бешеный ветер и кипящие волны швыряют его, как щепку, кладут на борт. Кажется, всё, конец.

Но капитан даёт команду – рубить мачты и вместе с такелажем вываливать за борт. Судно выправляется, становится

Офисное здание Треста сегодня

на прямой киль. У измотанной команды вспыхивает надежда. «Ещё не вечер», – говорит капитан, вглядываясь в мутную даль, исхлёстанную дождём, в надежде увидеть признаки неизбежного просветления…

В 2015-м Трест «Гидромонтаж» отсчитал свои 60 лет. Для человека – пенсионный возраст, но для фирмы – исторический отрезок, когда происходит смена поколений.

Многие всемирно известные марки ведут свою родословную сотню лет, а некоторые и больше. Их бренд – золотой фонд, которым дорожат. За век, как утверждают, трижды сменяются поколения мастеров, инженеров, конструкторов и управленцев, двигавших прогресс, закладывавших основы производственной культуры, качества труда, традиции честного ведения дел.

Новичок, пришедший в такой коллектив, попадает в среду, где он обречён придерживаться установившихся канонов или уходить. Как при варке стали – шлак всплывает и сливается.

Не случайно в головных офисах мировых фирм вы найдете на почётном месте портреты отцов-основателей и их преемников. У Треста «Гидромонтаж» на пике могущества, до развала в 90-х, их было всего два – Кузнецов и Захаров.

Потом, с 1992 года, полтора десятка пустых лет, когда менялись и начальники, и собственники, и правила игры. Были утрачены все периферийные подразделения, и даже на селятинской площадке начался процесс дробления и разбегания.

Главным делом новой генерации, как из-под земли возникших «эффективных собственников», стало не производство, как таковое, не создание материальных ценностей, а продажа обретённых активов или, на худой конец, сдача в аренду. В горячке, правда, не продали сам бренд – «Трест Гидромонтаж». Может, не нашлось покупателя?

Некий Довгань в конце 90-х торговал, к примеру, собственным лицом на этикетках, придумав историю выдающегося предка-предпринимателя, в то время как другие отправляли в металлолом начинку доставшихся в собственность заводов. А то и металлоконструкции самих цехов, складывая вырученные капиталы «за бугром».

Подобный процесс шёл по всей стране и назывался, с подачи Гайдара и Чубайса с когортой говорливых «реформаторов», «рыночными реформами» под присмотром понаехавших «чикагских мальчиков».

Но деградация и распад не могут быть бесконечными, а торговля не заменит производства – иначе человечество давно бы одичало. Со сменой руководства страны пошёл обратный процесс – как на морском берегу за отливом следует прилив.

Пришедшие новые люди подняли, как упавшее знамя, старое название «Трест Гидромонтаж». Не согласились ставить крест на советском прошлом, клеймить его, как это делали, захлёбываясь от ненависти к «совкам», либералы-западники. Вспомнили о ветеранах, о былых традициях, о трудовых деяниях предшественников, об их великих свершениях, развернулись к производству.

Историческая память – сильное оружие. Она умножает силы – ведь если они смогли, то мы, их дети, – что, хуже?! Мы же не Иваны, не помнящие родства, не можем в угоду нашим недругам, разрывать живую ткань поколений. Со сменой политической конъюнктуры – всё ломать и строить «светлую жизнь» с нуля, по чужим лекалам.

Вспомним, как и зачем жили предшественники! Послушаем их самих – солдат «холодной войны», рассмотрим историю в лицах людей, которые её делали.

2. В министерстве последним не значился

«Гидромонтаж» расположился в далёком 1956 году у небольшого полустанка Селятино по Киевскому главному ходу Московской железной дороги – меньше часа электричкой до Москвы.

В глазах местного обывателя уже на рубеже 60–70-х годов прошлого столетия воспринимался крупной строительной организацией с развитой производственной базой, собственным ухоженным посёлком и, что весьма важно, лучшей в районе системой снабжения.

У этих «особенных строителей» была и собственная шикарная больница с поликлиникой, дом культуры, стадион с закрытыми спортсооружениями, включая плавательные бассейны,

музыкальная школа, сеть магазинов ОРСа, где товарное обеспечение было и больше, и разнообразнее. Кирпичные жилые дома прятались в чистом лесу, пронизанном солнечным светом и аккуратными бетонными дорожками. Детишки отдыхали в пионерлагерях на берегу Чёрного моря. И самое главное – если ты попадал туда на работу (правда, кого ни попадя не брали), то через несколько лет мог рассчитывать на квартиру. Всё было в твоих руках.

Несмотря на видимые преимущества столичной области, ничего похожего в Наро-Фоминском районе больше не было. Но с чего такая благодать?

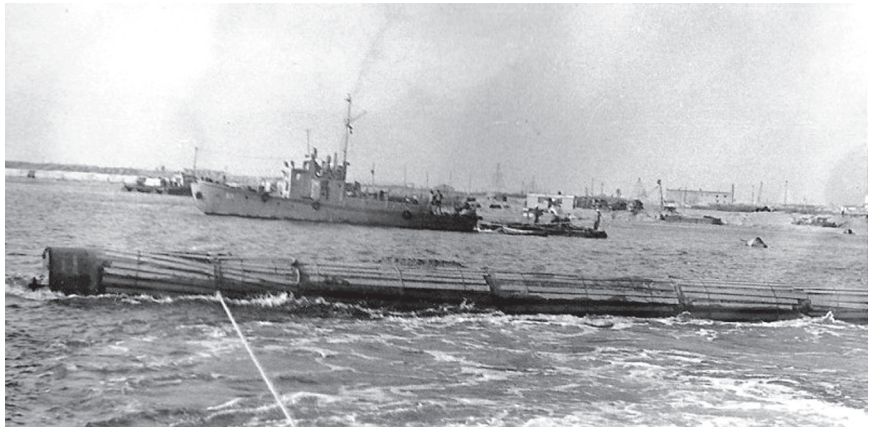
«Это секретное производство», – говорили одни, хотя вокруг посёлка никакой ограды с проходными не существовало. «Да какое там секретное, – возражали другие, пролетая на электричке «Селятино», – посмотрите, строятся-то обычные дома!»

Так было на поверхности. Сведущие же люди знали, что их предприятие – почтовый ящик, часть таинственного и могущественного средмаша – атомного Министерства, государства в государстве, ковавшего ядерный щит и меч страны, которая, в свою очередь, для него ничего не жалела. Так повелось ещё со Сталина, со времён разрушения в 40-х годах американской монополии на атомную бомбу. Времён бешеного строительства сверкающих стотысячных городов в лесной глухомани, вблизи сверхсекретных ядерных объектов. Времён разворота добычи и обогащения урановых руд, строительства испытательных полигонов, когда кадры и сроки решали всё – вопрос жизни и смерти огромной, лежащей в послевоенных руинах страны…

С чистым сердцем можно утверждать, что благодаря воле и самоотверженности тех первопроходцев человечество избежало атомного апокалипсиса. Созданный паритет ядерных сил наложил «табу» на применение нового «адского пламени».

Хотя убийцам Хиросимы и Нагасаки, принесённых в жертву лишь ради того, чтобы предъявить Сталину визитную карточку «хозяев мира», поначалу очень хотелось ещё раз попробовать.

Трест «Гидромонтаж» ядерного оружия не изобретал, не производил. Но его лепта также бесценна – он его испытывал, готовя для взрыва опасных «изделий» уникальные скважины



Прокладка дюкера, г. Каспийск (Дагестан)

и штольни невиданных дотоле размеров. Его люди прокладывали инженерные коммуникации на ядерных производствах, в том числе подводные. Устраняли аварии с утечкой радиоактивности, проводили высокотехнологичный монтаж уникального оборудования, протягивали дюкеры через великие реки.

Монтажники были легки на подъём, являясь резервом Главного командования в руках министра, который бросал их в прорыв.

На третий-четвёртый день страшной чернобыльской аварии «Гидромонтаж» одним из первых, по приказу министра, начал формировать и отправлять на «точку» бригады «ликвидаторов».

С первой разведывательной группой выехал его начальник В.Д. Захаров – одновременно с легендарным министром Е.П. Славским[1].

В то время министру было далеко за восемьдесят, но он не сидел на безопасном удалении, посылая в неизвестность других, а, обладая природным здоровьем и силой духа, шёл сам в первых рядах разведчиков, желая оценить лично масштаб и природу катастрофы.

Тогда всё было в тумане, не доставало даже надёжных дозиметров – имевшиеся зашкаливали. Кто сколько рентген нахватал,

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1. Д. 01-37. Л. 1.

осталось неизвестным, только большая часть первых поплатились ранней смертью. Они с честью продолжили дело предыдущего поколения атомщиков, которые в конце 40-х – начале 50-х создавали атомное оружие, также нередко рискуя жизнью. Такова была школа. Такие были люди. Вечная им слава…

Можно с полной уверенностью сказать, что средмашевцев признавали в осведомлённых кругах кастой. И среди них коллектив «Гидромонтажа» не числился последним.

В конце 80-х его подразделения, разбросанные по Союзу, вместе с главной базой в Селятино, насчитывали до 20-ти тысяч персонала, включая переменный в виде стройбатов и контингента заключённых, которых между собой называли «забайкальскими комсомольцами» – (ЗК).

По сути это был уже не трест, а трестище, или, по нормативам строительных министерств Союза, целый производственный главк. Но таковы были особенности этой отрасли. С учётом масштабов возводимых ядерных объектов основным звеном стали «Управления строительством». Их начальники – крупные всевластные фигуры.

В руках начальника строительства, как у командующего фронтом, сосредотачивались вся власть и полномочия на площадке. А привлекаемые специализированные организации, к которым относился и «Гидромонтаж», выступали в роли субподрядчиков, подчиняясь общему плану и срокам.

Руководству «Гидромонтажа» приходилось иметь дело сразу с несколькими управлениями строительством, демонстрируя не только высокий профессионализм, глубокое знание предмета, но и умение встроиться в процесс, избежать ненужных противоречий и конфликтов, проявлять гибкость, а иногда и дипломатические навыки.

Ещё одним неизменным фактором успеха была высокая мобильность кадров. Обыденностью был постоянный манёвр силами и средствами, переброска подкреплений, командирование – и зачастую на длительный срок – по 5–6 месяцев, а то и до года, тех или иных специалистов и целых бригад. Это давало возможность создать нужный кулак и справляться со сроками. А сроки

всегда поджимали. Плановые задания зачастую устанавливались на пределе сил. Мы будто бы постоянно куда-то опаздывали.

При этом мало кто капризничал, манкировал указаниями руководства. Такое было не в чести. И ведь не из-за страха! Что ему могли сделать? Уволился бы, да и делу конец. Ведь квартиру не отберут, жену не уволят, а ребёнка из садика не попросят. Нет, в каждом отдельном случае всё решала самодисциплина, понимание объективности принимаемых начальством решений. Как бы личная причастность к происходящим событиям. Несогласные постепенно и незаметно отсеивались. Не они делали погоду!

Для сравнения, посмотрите, как сейчас постоянно переносятся сроки, а заодно и неотвратимо растёт стоимость возводимых объектов! Будто мы разучились работать, и сроки всем побоку.

В то же время взгляните на доходы так называемых «топ-менеджеров», сидящих на денежных потоках – ведь и по паре миллионов в месяц – не предел. Будто этим ударникам капиталистического труда регулярно Госпремию выписывают! А если и выгонят по непригодности – будьте любезны принять «золотой парашют».

И наконец – высокий уровень инженерных кадров и мастеров-рабочих. Эти люди были способны решить любую производственную шараду. Не все подряд, конечно. Но костяк – да!

Вообще профессионалы, мастера – штучный товар. И «Гидромонтаж» ими располагал. И надо сказать – дорожил. И в зарплате, и в социальных благах, и в наградах приоритет отдавался им.

Поскольку дикого социального расслоения, с которым мы познакомимся в ходе гайдаровских реформ, не существовало, рабочий – мастер жил ничуть не хуже своего начальника. Эту советскую аксиому можно, конечно, опровергать, называть уравниловкой – только где подтверждение рациональности нынешних порядков не красивыми словесами, а возведёнными городами и заводами?

Глава II
ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

1. Под дулом «атомного пистолета»

Этим «словом» явился Указ Президиума Верховного Совета СССР, подписанный Ворошиловым в июне 1953 года, об образовании общесоюзного Министерства среднего машиностроения СССР – того самого легендарного средмаша.

В единую отрасль собиралась создаваемая атомная промышленность. Американской монополии на атомную бомбу не существует с 1949 года, но на нас продолжают давить, шантажировать, поэтому в кратчайшие сроки должен быть подготовлен адекватный ответ.

Славский Ефим Павлович, министр среднего машиностроения СССР

Министром назначается В.А. Малышев, проверенный войной организатор промышленности (занимался производством танков), он же – зампред Совмина, его заместителем – Славский Ефим Павлович, к тому времени уже матёрый атомщик, Герой Соцтруда за организацию производства оружейного плутония и руководство сборкой первой атомной бомбы, успешно испытанной в 1949 году. Министерству передаются два Главных управления при Совете Министров СССР со своими заводами, НИИ и КБ, занимавшиеся атомной тематикой, а также предприятия и объединения других ведомств, необходимые для становления новой отрасли. Прицел – на создание мощного производственного кулака для решения циклопических задач.

Так подобные дела в Советском Союзе и делались. Политическое решение принимает ЦК партии, а все госорганы обеспечивают потребные средства для его воплощения. В кратчайшие сроки, благодаря концентрации имевшихся даже скудных ресурсов и предельному напряжению людских сил, неподъёмная поначалу задача успешно решается. Если ставится сверхзадача, то на выходе имеют и сверхрезультат. Механизм отлажен и многократно проверен на практике.

Это явление называют сегодня «мобилизационной экономикой». Диванные ниспровергатели её злобно критикуют, не задаваясь, впрочем, вопросом – а был ли у нас выбор? Может, следовало подставиться под американскую атомную бомбардировку? Такие планы заокеанскими «партнёрами» вынашивались. Причём неоднократно в разные периоды нашей слабости.

Зашевелились они и в 2014–2015 годах, пытаясь нагнуть слабую, с их точки зрения, Россию, вышедшую из-под внешнего управления. Повод нашли – Крым. Правда, бомбить Москву, как Белград или Багдад, кишка тонка – удерживает тот самый, созданный тогда, ядерный щит.

Недостаточно освещён подвиг советского народа и советской государственности по эвакуации и размещению в глубине страны тысяч и тысяч крупнейших предприятий с перемещением миллионов людей в тяжелейшем 1941 году, когда Красная Армия не смогла сдержать напор гитлеровского Вермахта и отступала до самой Москвы. Но уже в 1942 году эти предприятия начали давать фронту горы современного оружия, превзойдя вскоре производство всей Европы, «объединённой» под руководством первого евроинтегратора Адольфа Гитлера.

Не менее значим подвиг создателей ядерного оружия, когда также перемещались на гигантские расстояния миллионы людей и материальных ресурсов для того, чтобы в необжитых местах, в условиях строжайшей секретности начать уникальные производства, учиться которым было не у кого.

В 1949 году обескровленной войной экономикой была создана и испытана первая атомная бомба, а в 1953 году – и водородная, испепеляющей мощности в 400 килотонн. Уже полностью наша, без всяких заимствований у американцев.

Добились этого под дулом «атомного пистолета». Дело мира висело на волоске. Разведка докладывала, что американские ястребы склоняют своё политическое руководство к решению нанести по Советскому Союзу превентивный ядерный удар, дабы не было поздно и народившийся советский ядерный монстр не выбрался из колыбели. Планы эти были вполне конкретны.

Получив в августе 1945 года атомную монополию, а вместе с ней и привилегированное положение на планете, финансово-промышленные круги Соединённых Штатов не смогли пройти мимо возможности покончить со своим потенциальным конкурентом радикально, раз и навсегда.

Без атомной бомбы американское влияние в Европе ограничено. Там доминировал СССР и его победоносная Красная Армия. Но вот с бомбой приоритеты менялись. Под угрозой атомного уничтожения ненавистный Советский Союз можно было шантажировать, запугивать, заставить играть по своим правилам.

Разразилась «холодная война», которую инициировал не Советский Союз и которая вот-вот готова была сорваться в «горячую». И запугивание не было блефом. Советская разведка, имевшая после войны агентуру в «святая святых» своих противников, добывала планы превентивного атомного удара по СССР – сначала «Флитвуд», потом «Тройал», позже – «Дропшот».

Поначалу предполагалось начать войну с 1 сентября 1948 года серией ударов стратегической авиацией по 70 советским городам, сбросив на них 133 атомные бомбы. В том числе 8 – на Москву и 7 – на Ленинград. За первые 30 дней рассчитывали уничтожить около 7 миллионов советских граждан. Предполагалось, что под тяжестью потерь советская власть падёт.

Что же их остановило? Отнюдь не человеколюбие, не гуманизм – это для газет и дурачков, которые им верят. Остановил вполне трезвый расчёт.

Они признали, что в первых же налётах будет сбито до 55% всех участвующих самолётов. Будет утрачено до половины

атомных бомб, которые попадут в руки русских, а самое главное – как это воспримут оставшиеся в живых экипажи? Полетят ли снова или пошлют к чёрту своих наставников?

Было также ясно, что в короткий срок многомиллионная Красная Армия овладеет ключевыми районами Западной Европы, сметая в Атлантику англо-американские оккупационные войска, захватит ключевые регионы Среднего, Ближнего и Дальнего Востока.

Несмотря на атомную бомбардировку и высокие потери, моральный дух русских вряд ли будет сломлен. Напротив, воля к борьбе лишь возрастёт. И с чем они останутся, оказавшись изолированными за океаном?

Будто в подтверждение этих страхов, Соединённые Штаты, ввязавшиеся в 1950 году в Корейскую войну, несмотря на гигантские усилия и немалые потери, остались «при своих» – на той же линии, с которой война и началась.

В воздушных боях с советскими МИГами, которые, к великому удивлению высокомерных американцев, оказались не хуже, а в чём-то лучше их «сейбров», а пилоты – великолепными бойцами, они несли ни с чем не сообразные потери, а хвалёные «летающие крепости» – носители атомных бомб – исправно горели.

Мало кому известно, что президентом Гарри Труменом в период массированного наступления дивизий китайских народных добровольцев рассматривался вопрос нанесения атомных ударов в районе пограничной реки Ялуцзян. Но не было гарантии, что не последует ответный удар русских по концентрации американских сухопутных войск и кораблей флота.

СССР уже испытал первую атомную бомбу, что стало полной неожиданностью, а количество наличных зарядов было неизвестно. Какой сюрприз в рукаве держит «дядюшка Джо»? Разработанные планы пришлось отставить, поднакопить ещё атомных зарядов, усилить авиацию.

Не принять вызов, допустить отставание в военной сфере Советский Союз не мог – научила война с Гитлером. Угроза внезапной атомной атаки витала в воздухе. Американский шантаж чувствовал весь советский народ.

Летом 1953 года стало известно, что над нашей страной американской авиацией совершён «звёздный перелёт». Их стратегические бомбардировщики взлетели на Востоке с аэродромов Турции и Пакистана и, пройдя над всей страной, приземлились в Норвегии и Англии. Одновременно взлетели такие же в обратном направлении с Запада. Этим враждебным актом они преподали новому, после Сталина, советскому руководству наглядный урок – мы можем летать и бомбить везде, где хотим.

Лётчики наших истребителей ясно видели врага в чёрном небе стратосферы, но достать не могли.

Почему же они не начали? Боялись! Мы могли ответить, и очень больно. Позже станет известно, что для подобного перелёта их самолёты были предельно облегчены, лишены какого-либо вооружения. Акция имела больше психологическое значение. Подавляющего технического превосходства у них не было. И больше не будет никогда!

Их разведка докладывала, что эти «неправильные» русские готовят экипажи, способные донести до цели в Штатах ядерные заряды через северный полюс, с ледовых аэродромов на острове Рудольф, архипелага Земля Франца-Иосифа, даже с призрачными надеждами на возвращение.

Так у них и пошло – всё что-нибудь да мешало. Но руководство Советского Союза понимало – всё зыбко, ядерных зарядов мало, средства доставки ненадёжны.

Встал вопрос – немедленно перейти от НИОКР[1] и штучных зарядов к серийному производству. В кратчайшие сроки догнать американцев по накопленным боеголовкам и их суммарной мощности.

Отсюда и решение о создании Минсредмаша – родного дома атомной отрасли, объединившей в итоге сотни городов с уникальным производством, горнодобывающих и обогатительных предприятий, атомных электростанций, научных центров, полигонов и воинских частей.

[1] **Научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) –** совокупность работ, направленных на получение новых знаний и практическое применение при создании нового изделия или технологии.

2. Маршал «холодной войны»

В июне 1957 года министром средмаша назначается Е.П. Славский. Этому предшествовала министерская чехарда, вызванная болезнью и смертью одного за другим ещё молодых (54–55 лет) министров.

В 1955 году В.А. Малышева, ввиду ухудшения здоровья, переводят на другую работу, и полтора года министерство возглавляет А.П. Завенягин. В 1957 году его на три месяца сменяет М.Г. Первухин.

В.А. Малышев скончался в 1957 году от лучевой болезни – четыре года спустя после критической дозы облучения, полученной при испытании первой советской водородной бомбы. А.П. Завенягин скончался 31 декабря 1956 года, по неофициальным данным, также от лучевой болезни, хотя по официальному заключению – от склероза венечных артерий сердца.

От этой малоизученной на то время напасти ушёл из жизни и выдающийся учёный, создатель советского атомного оружия И.В. Курчатов и ещё сотни первопроходцев.

В кадровых перестановках в средмаше свою роль сыграла и нестабильность в высшем руководстве страны после смерти Сталина.

Н.С. Хрущёв обрёл реальную власть лишь в 1957 году на Пленуме ЦК после разгрома так называемой «антипартийной группы Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова», которые сами чуть было не отправили в ссылку министром сельского хозяйства драчливого Никиту.

Но зато с приходом Славского в Министерстве на 29 лет наступила определённость с руководством, развернулась грандиозная творческая работа по становлению отрасли. Роль самого Ефима Павловича трудно переоценить.

Людей, работавших с ним, впечатляли государственный масштаб этой личности, многоцветная палитра человека самой высокой пробы. Поражали его разносторонность, широкий круг интересов. Он был не просто технократ-управленец. Он был тонкий политик, государственник, человеколюб.

Курчатов Игорь Васильевич

Достаточно сказать, что, кроме основного производства, Ефим Павлович постоянно занимался развитием социальной сферы для трудящихся своих городов и посёлков. Удивительно сегодня звучит, но он также въедливо, как и в строительство плутониевых реакторов, вникал в эффективность сельскохозяйственной базы в подсобных хозяйствах. Уж за это-то с него в ЦК не спрашивали! Но в условиях магазинного дефицита того времени он понимал всю важность вопроса товарного обеспечения людей. И ведь добивался зримых результатов!

Благодаря его вниманию урожайность зерновых и овощных культур, продуктивность животноводства в хозяйствах Минсредмаша были существенно выше средней по областям России и Казахстана, хотя эти хозяйства находились в северной, менее благоприятной климатической зоне. Не раз это становилось предметом дружеского подтрунивания над местными партийными и советскими руководителями. Поистине, за что ни брался этот человек – всё у него получалось!

Давно известно – скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Ефим Павлович был в давних дружеских отношениях с И.В. Курчатовым, А.П. Александровым – президентом Академии наук СССР, ещё одним гигантом советской эпохи.

Дружил с генеральными конструкторами-ракетчиками С.П. Королёвым и В.Н. Челомеем, министром здравоохранения СССР Б.В. Петровским. Эта дружба государственных мужей, замешанная на общности целей, оборачивалась реальными результатами для государства.

Ефим Павлович лично проследил за строительством барокамер для Первого мединститута, не имевших аналогов в мировой практике, что было совсем в стороне от его ключевых задач, но принесло пользу людям и было отмечено Государственной премией СССР.

Одновременно с выполнением собственных грандиозных проектов, средмашем в кратчайшие сроки были выполнены уникальные работы по строительству большинства ракетных шахт для базирования межконтинентальных баллистических ракет.

Всё сошлось к нужному сроку – компактные термоядерные заряды, спроектированные, испытанные и изготовленные серийно, соединились с мощными многоголовыми баллистическими ракетами Королёва, Янгеля, Макеева. Те в свою очередь получили хорошо защищённые стартовые позиции.

Цена победы – паритет с Соединёнными Штатами, достигнутый к середине 70-х, вынудивший их перейти от гонки ядерных вооружений, ввиду бесперспективности получения какого-либо преимущества, к переговорам по ограничению стратегических вооружений.

Как оказалось, и Ротшильдам с Рокфеллерами, продвигавшими во власть своих президентов и сенаторов – жить хочется не в атомном бункере под землёй, а среди зелёной природы, в роскошных виллах на берегу океана.

В основе этой грандиозной победы – замечательные трудовые коллективы, выросшие в Минсредмаше, как и в Минобщемаше (ракетчики), Минавиапроме и прочих оборонных отраслях.

Результат напряжения сил советского народа во многом – в ущерб повышению качества его жизни. На всё сразу не хватало сил и ресурсов.

Достигать весомых результатов в исторически кратчайшие сроки позволяла плановая система, господствовавшая в экономике. Она служила механизмом концентрации имевшихся в каждый конкретный момент ресурсов и их наиболее рациональное использование.

В стране был создан целый архипелаг передовых производств и мест расселения людей с гораздо более высоким уровнем жизни, чем в среднем по стране.

В конце 80-х – начале 90-х эта система подверглась уничтожающей критике и слому. Тогда нам внушали, что все наши беды от Госплана. Его в первую голову и ликвидировали. И что? Сделали инновационный рывок? Как раз наоборот!

«Невидимая рука рынка» не воспрепятствовала утрате целых отраслей, в первую очередь высокотехнологичных, вымыванию высококвалифицированных кадров, утечке мозгов за кордон. Одни уехали, другие быстро спустились вниз по социальной лестнице.

Эта пресловутая «рука» нашла наиболее лёгкий и привлекательный, с точки зрения быстрой наживы, сырьевой путь. Здесь отечественные капиталы и крутятся. Или прячутся в офшорах.

Мы подсели на торговлю ресурсами, допустили невероятное социальное расслоение, разучились быстро и качественно работать. Спустя 24 года что-то не видно новых сияющих городов с производствами XXI века. Не создано технологических прорывов в нано- и биотехнологиях, информатике, микроэлектронике и фотонике, космосе и ядерной энергетике. То есть по тем перспективным направлениям, где формируется новый технологический уклад согласно «кондратьевским циклам»[1] развития человечества. Опоздаем с этим – окажемся в хвосте мирового прогресса, лёгкой добычей более сильных экономик.

Снова встаёт вопрос о сроках и темпах. Или мы за 10 лет войдём в новый технологический уклад вместе с развитыми странами, или нас сомнут…

Став министром, Е.П. Славский приступил к реализации программы для средмаша, как он её понимал. Её суть – в опережающем развитии подведомственных строительных, монтажных, изыскательских и проектных организаций, с тем, чтобы иметь всё своё в прямом подчинении, никому не кланяться, не бегать всякий раз в Правительство, выпрашивая то одно, то другое. В кратчайший срок нарастить силы для решения грандиозной задачи – достижения паритета в ядерных арсеналах.

[1] **Циклы Кондратьева** (К-циклы или К-волны) – периодические циклы сменяющихся подъёмов и спадов современной мировой экономики продолжительностью 48–55 лет, описанные в 1920-е годы Николаем Кондратьевым.

К тому времени в СССР было сделано главное – разработаны технологии, испытаны первые образцы и налажено производство ядерных зарядов всех типов, включая термоядерные.

Эта победа была достигнута благодаря гению отечественных учёных-физиков, таких как И.В. Курчатов, А.Д. Сахаров, Ю.Б. Харитон, а также сталинской хватке по мобилизации всех сил государства, находившегося в страшной послевоенной разрухе.

Харитон Юлий Борисович

Как сообщили советские газеты в 1949 году – тайна атомной бомбы раскрыта, а монополия США на атомное оружие разрушена.

Но количество наработанных ядерных зарядов не шло в сравнение с американским. К тому же, мы отставали и в носителях этого оружия.

Даже в 1962 году, в период Карибского кризиса, соотношение ядерных зарядов СССР и США оценивалось как 300 к 2500. Хотя и это уже была промежуточная победа, так как даже такого соотношения оказалось достаточно, чтобы из-за неприемлемых потерь искать компромисс.

Пришло время, когда уже не столько физики, сколько строители решали проблему. Славский, получая от страны щедрое финансирование, необходимую технику, строительные материалы и трудовые ресурсы, главной задачей видел создание сети строительно-монтажных организаций.

Курс был на развитие их избыточной мощности, которую всегда можно использовать в народном хозяйстве, но которая позволяла бы нарастить концентрацию сил на «своих» объектах

до самой высокой плотности, обеспечивая, когда требуется, круглосуточную работу в любых климатических зонах.

Условием для достижения этой цели была сильная кадровая служба – подбор и подготовка руководящих, инженерных и рабочих кадров, нацеливание их на системную работу по постоянному поиску самых эффективных способов организации и технологии строительного и монтажного производства, неуклонного роста производительности труда.

Такова была система требований, определившая почерк средмаша на долгие десятилетия.

На истории Треста «Гидромонтаж» можно проследить историю развития строительного комплекса министерства, ту производственную экспансию, которая из года в год вела к накоплению мощностей, способных решить для страны задачи любой сложности. Руководство государства знало – Славскому можно поручить всё что угодно и быть спокойным – этот справится.

До 86 лет ему так и не смогли найти замены. И лишь М.С. Горбачёв, в свойственном ему стиле, скоропалительно, в 1986 году, после Чернобыльской аварии отправил Ефима Павловича Славского на пенсию, не дав доработать нескольких месяцев до 30-летия руководства созданной им отраслью. Этот горе-политик, зацикленный на своей «перестройке», искал после Чернобыля козлов отпущения. Ему требовались громкие отставки, хотя он и не мог не знать, что Славский здесь как раз и ни при чём.

Человек, угробивший страну, походя обидел созидателя и новатора, мизинца которого не стоил!

Глава III
КЛЮЧ НА СТАРТ

1. От конторы «Техспецработ» к Тресту «Гидромонтаж»

В июне 1955 года, согласно постановлению Совмина СССР, в создаваемый Средмаш передаётся 12-й строительно-монтажный Трест Главпромстроя Главного управления лагерей железнодорожного строительств МВД СССР – будущий 12-й Монтажный главк Минсредмаша.

Одним из подразделений переданного Главпромстроя МВД была контора «Техспецработ», занимавшаяся водопонижением при рытье больших котлованов и траншей, эксплуатацией земснарядов, используемых при строительстве дамб, плотин и намыва песка, а также буровыми работами на воду. Располагалась она в Москве, 16 апреля 1955 года ей дали наименование «Монтажно-строительное управление № 8».

Помимо земснарядов и другого оборудования новому предприятию передаётся отряд подводно-технических работ особого назначения (ЭПРОН).

Под новую юрисдикцию переходит и главный инженер МСУ-8 инженер-капитан Яков Андреевич Кузнецов. МСУ-8 получает, как принято в новом ведомстве, закрытое наименование п/я 646[1]. Это и есть будущий Трест «Гидромонтаж». Около года новое предприятие возглавляет В.Г. Мухин, а после его перевода на Урал, в мае 1956 года – эстафету принимает главный инженер Яков Андреевич Кузнецов, которому присваивается звание «Инженер-майор»[2]. На его место назначается старый соратник – Павел Аронович Керцман, работавший заместителем главного инженера.

При этом п/я 646 позиционируется как аппарат управления, а при нём создаётся п/я 1605 – первое производственное подразделение «Гидромонтажа», зародыш МСУ-24, МСУ-28, МСУ-63, МСУ-26, Опытного завода – самых мощных единиц треста. От них позже на базе участков отпочковывались

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 496. Д. 63с. Л. 4.
[2] Приказ МО СССР № 04725 от 05.10.1956 г.

новые МСУ, как в живом организме клетки размножаются делением[1].

Для самого Треста «Гидромонтаж» непосредственным органом управления стал 12-й Монтажный главк. Его аппарат располагался в огромном здании министерства, в кратчайшие сроки построенном в Москве на Большой Ордынке. Первым его начальником был генерал-лейтенант П.К. Георгиевский, главным инженером – полковник А.С. Пономарёв.

Позже П.К. Георгиевский переместится на должность заместителя министра, а Главк возглавит А.С. Пономарёв. Оба они соратники и последователи крупного военного строителя – генерала армии А.Н. Комаровского.

2. Всё пошло с малой промбазы

Как же упомянутая выше производственная экспансия в средмаше действовала? Всё очень просто, как всё гениальное.

Создаётся новая организация. Опираясь на её малую пока базу, на месте порученных работ в любой точке страны открываются прорабства. Высаживается десант, разгружается техника, определяется место базы, где строятся временные сооружения, ремонтная зона техники, бытовки для рабочих. Набирая объёмы работ, расширяя численность персонала, прорабство преобразуется в участок. Это уже самостоятельное подразделение со своей финансовой и материальной ответственностью. Помимо начальника участка вводится должность главного инженера, механика, кадровика, бухгалтера – маленькое самостоятельное предприятие, могущее работать в отрыве от основной базы.

Приходит время, и становится понятным, что в рамках участка созданному коллективу тесновато. Прибывают новые люди, растут объёмы, укрепляются авторитет и надёжность созданного подразделения. Приказом по министерству на базе участка создаётся монтажно-строительное управление с присвоенным номером и наработанной специализацией, численность которого может доходить до тысячи человек и более.

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1с. Д. 31. С. 91–96.

Карпов Лев Фёдорович

Так, получив в наследство небольшую базу в Москве, родился Трест «Гидромонтаж», а пока п/я 646. При этом ответственность его лежала далеко в глубине страны.

Чем же располагало новорождённое предприятие?

Вспоминает ветеран Треста «Гидромонтаж» Карпов Лев Фёдорович:

В 1956 году я был принят в п/я 646 в качестве бурильщика 4-го разряда. Мне было 17 лет. Предприятие находилось в Москве, станция метро «Сокол», далее на автобусе до остановки «Литературный архив». Здание администрации – одноэтажное, ухоженное. В Ленинской комнате имелся бильярд, различная литература. Рядом стоял механический цех, токарный и кузнечный участки. Там ремонтировалась различная техника, буровые станки. К предприятию была подведена железнодорожная ветка.

Якова Андреевича Кузнецова я увидел, когда обучался сварочному делу. Однажды он пришёл познакомиться и посмотреть, чем мы занимаемся.

Мы тогда сваривали большие задвижки к земснарядам. Он посмотрел внимательно, спросил, что ещё нужно для обучения, всё записал и ещё раз объяснил, как необходима учёба для серьёзной работы на периферии. После его посещения нам была выделена хорошая комната для занятий по теории сварки.

Хорошо помню его выступление в связи с переездом в Селятино и строительством будущего посёлка и промзоны. Своей зажигательной энергией он производил на нас, молодых людей, очень сильное впечатление.

По окончании обучения сварочному делу пошли длительные командировки. Одна из очередных встреч с Яковом Андреевичем произошла в Челябинске-40. Там находилось подразделение нашего треста, и Кузнецов в одной из бесед специально подчеркнул, чтобы мы, молодёжь, поберегли себя от гибельной радиации. Потом появилась поговорка: «Если хочешь стать отцом, оберни себя свинцом».

В июне 1964 года я выдержал экзамен по шестимесячной программе обучения при институте «Гидропроект» на право ответственного ведения работ по бурению скважин колонковым, ударно-канатным и роторным способами. В течение года по профессии бурильщика мне присвоили сначала 5-й, затем высший 6-й разряд.

Продолжительное время был мастером, прорабом по бурению водяных и технологических скважин. География моих работ по СССР огромна.

Восточная Сибирь – Краснокаменск, Красноярск-45, Урал – Челябинск-40 (комбинат Маяк – работы по удержанию радиоактивных веществ), Златоуст-20, Пенза-19, Игналинская АЭС в Литве, Чернобыльская АЭС – ликвидационные работы в 1986, архипелаг Земля Франца-Иосифа – буровзрывные работы, Новая Земля – бурение техскважин (штолен) для ядерных взрывов.

Ивашкин Дмитрий Дмитриевич

Ивашкин Дмитрий Дмитриевич, ветеран Треста «Гидромонтаж», верный ему с первого до последнего дня своей трудовой деятельности, в 1959 году окончив Горьковский инженерно-строительный институт, получил направление в Минсредмаш.

Человек, прибывший оттуда, отобрал пять выпускников, среди которых оказался и Дмитрий Ивашкин:

В Министерстве (а чем они занимались, мы не знали) дали

подписку о неразглашении. Мне объявляют: почтовый ящик 646. «А это где?» – спрашиваю. «Это тебе повезло, молодой человек. Это в Москве!»

Мне рассказали, как доехать. По Ленинградскому проспекту на троллейбусе № 49 до остановки «Литературный архив». Приезжаю, смотрю на этот объект. Думал, будет солидное, многоэтажное здание. Прихожу на место: забор повалившийся, одна половина вовнутрь, другая на улицу, и калитка деревянная на щеколде. Открывает охранник. Я говорю: «Вот, почтовый ящик». Он берёт телефон, звонит. Выходит из помещения П.А. Керцман в военно-морской форме, в звании капитана третьего ранга. Я захожу, мы садимся, он спрашивает: – Дмитрий Дмитриевич, как да что. Очень деликатный военный. Он мне говорит: «У нас большой объект в Ангарске, давай мы тебя туда направим на месячишко, а там будет видно?»

Беру я командировочные, подъёмные, еду на Казанский вокзал, беру билет Москва–Пекин, и через 5 дней я уже в Ангарске, вернее, на станции «Титой», не доезжая до Ангарска. А уже Павел Аронович позвонил, сказал, что такого-то числа, таким-то поездом прибудет такой-то, встретьте его. Я выхожу из поезда, подходит ко мне кто-то из отдела кадров, по-моему, Железнов Валентин Иванович. Спрашивает: «Ты Ивашкин?» – «Да, я.» – «Садись, мы тебя сейчас отвезём на предприятие».

Привезли меня к концу дня. Минут через 40–50 появляется на пороге майор в полинявшей гимнастёрке, такого белого цвета, с рассолами на спине. И губы у него обветрены.

Он мне говорит:

– Вот я начальник треста, Кузнецов Яков Андреевич, а ты кто?»

– А я, Ивашкин Дмитрий Дмитриевич.

– Ну, хорошо! Давай мы тебя коротко будем звать Дим-димыч. Ты не возражаешь? – Мы строим систему водоснабжения на Ангарском комбинате № 820 (ныне Ангарский электролизный химкомбинат). Это завод по производству тяжёлой воды, и что-то ещё там параллельно делалось, мы сами ещё не знали. Воду брали из Ангары и обогащали – в её составе есть капля тяжёлой воды. Ангарская вода подавалась на комбинат по каналу длиной

12 километров. А второй канал – на ТЭЦ-9. Эта стройка находилась под контролем первого замминистра среднего машиностроения Чурина. Это был человек из работников Берии – все его боялись, как не знаю кого. Вот Яков Андреевич сам и «прорабил», по существу, на этих обеих стройках. Меня удивило: в пять часов начальство всё собирается и уезжает, а он остаётся, и в двенадцать-час ночи возвращается в гостиницу.

Он мне сказал при первом разговоре: «Ты давай устраивайся в гостиницу, а потом ко мне зайди». Назвал номер кабинета. Я поехал в эту гостиницу, меня устроили. Вечером, когда он вернулся, я зашёл к нему. Он и говорит: «Давай так: я буду днём на стройке, а ты вечером и по ночам». Вот мы и остались с ним вдвоём – я по ночам, Яков Андреевич днём.

Не рассказать, какие там были трудности.

Что представлял собой подводящий канал? 12 километров, грунты-плывуны, перепад местности очень большой, две насосные станции – в начале и в конце.

Земснарядами разрабатывали в основном грубую выработку, а экскаваторами дорабатывали откосы. Делали песчано-гравийную подготовку и начинали бетонировать. Бетонирование никак не получалось. Только бетон клали, как он тут же сползал до дна. Приехали проектировщики, дали решение делать пологие откосы 1:2 – в итоге размашистый в плане канал получился. На втором, соединительном канале грунты были получше, и там поставили шагающий экскаватор. Ковш у него 14 кубов – как черпанёт! Кузнецов сам лично сидел около экскаватора, а я – там, на устройстве откосов.

Потом мы перешли на концевую насосную станцию, на глубину 8 метров. Зимой наверху –40–42 градуса, а внизу +2+3. Грунтовые воды бьют, буквально в 1,5–2-х метрах ничего не видно. А мы арматуру должны укладывать, бетон класть. Занимались водопонижением в жутких объёмах: 5–6 насосов производительностью 300 кубометров в час едва справлялись.

Гидромеханизаторам там было много работы, командовал багермейстер Михайловский.

У нас было 5 небольших земснарядов производительностью по 100 кубометров пульпы в час. Зимой надо было тащить

пульпопроводы диаметром до 300 миллиметров. Все эти шаровые соединения труб пульпопроводов на поворотах и изгибах по горизонтали и вертикали замерзали и лопались часто. Мороз – жуть, а мы в резиновых сапогах! Поэтому я не могу их сейчас надевать, какая-то аллергия к этой резине.

Делали водопонижение и на самом канале, забуривали иглофильтры. Яков Андреевич там был прорабом фактически, наверное, никому не доверял, а я только мастером. В июне объект сдали в эксплуатацию. По этому случаю ему дали звание подполковника. А я с мая был уже в Навои.

Как видите, с первой командировки Д.Д. Ивашкин попал в подобие фронтовой обстановки, прочувствовал, как чёрств хлеб гидромонтажника. Обещанный Керцманом месячишко обернулся годом. Такова была политика – молодому специалисту в Москве делать нечего, всё решается там, куда тебя послали. Там была школа с серьёзными и суровыми учителями. Хочешь научиться плавать – выплывешь! Дмитрий Ивашкин выплыл.

Со временем он объедет в длительных командировках десятки трестовских строек, многое познает, вырастет в крупного и ценного для дела специалиста, войдёт в когорту золотого фонда «Гидромонтажа».

Его воспоминания приоткрывают картину инженерного труда напряжённых, насыщенных большими делами дней. Мы ещё встретимся с ним на страницах этой книги.

Трудовая биография Льва Фёдоровича Карпова – пример становления советской рабочей аристократии, которая двигала вперёд страну. Он вырос в великолепного мастера вместе с родным предприятием, преодолев вместе с ним и неимоверные трудности, и радость побед, оставшись верным ему на всю жизнь.

Он заслуженный строитель Российской Федерации, награждён орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд», Почётной грамотой Совета Министров РФ.

Наличие подобного элитарного слоя в рабочей среде – гарантия преемственности кадров и их способности к восприятию любых инноваций.

Мастерство, рабочий этикет могут передаваться только из рук в руки – живого общения, молодости и опыта не заменит никакая теория.

Мы же сегодня дореформировались до того, что спустя 20 лет не находим мастеров, способных справиться с приобретаемыми за валюту новым оборудованием и технологиями.

Вдруг стало понятным, что деньги не всесильны. Есть ещё человеческий капитал, растратив который, останешься банкротом. С рабочими-неумехами и недоученными инженерами прорыва к технологиям XXI века не совершить.

3. В полусотне километрах от Москвы

В 1956 году последовало указание министерства руководству п/я 646 подобрать площадку в пределах Московской области для строительства промбазы, жилого посёлка и готовиться к перебазированию из Москвы.

Рассматривались Киевское и Белорусское направления Московской железной дороги. Остановились на участке, принадлежавшем Главпромстрою МВД СССР и переданном 12-му Главку на 50-м километре от Москвы между станцией Селятино Киевской железной дороги и старинной деревней Крутилово у Киевского шоссе.

Июльским днём там высадился десант во главе с П.А. Керцманом. Сразу от станции шумел лес – березняк, величественная сосна, хмурая ель. Кто-то припомнил: «Берёзовый лес – для веселья, сосновый – для молитвы, а еловый – для тоски». Будет потом всё это у них в избытке.

Отметили как плюс – подъездные пути превосходные. Киевское шоссе, бетонка, железная дорога – создавали в плане «каре», в котором замыкался жилой посёлок вместе с производственной базой треста. Остававшееся свободное направление было только в сторону леса. В этом видели преимущество для будущего развития – ведь лес не преграда, а великолепная среда обитания. Через десятилетия это казавшееся преимущество из-за каприза чиновников превратится в тормоз при решении вопроса – быть или не быть городу Селятино…

Что касается деревни Крутилово, утопающей в зелени садов и весеннем половодье черёмухи, то это не помеха – наоборот, облегчится набор кадров – решило руководство. Да и девушки там – красавицы! В то время превалировала нехватка рабочих рук, а женский персонал никогда не бывает лишним.

Так оно по жизни и вышло – со временем всех крутиловских мужиков, да и многих женщин, ставших на всю жизнь боевыми подругами суровых монтажников, поглотила селятинская площадка Треста «Гидромонтаж». Как и саму деревню вместе с её знаменитым прудом.

Раньше на этой площадке располагались военные строители, возводившие в 50 километрах от центра Москвы бетонную кольцевую автодорогу, известную ныне как Малое бетонное кольцо. В наше время – это будущая трасса Центральной кольцевой автодороги (ЦКАД), а в начале 50-х – рокадная дорога вокруг Москвы для размещения и манёвра силами противовоздушной обороны столицы.

Атомная смерть могла прийти в любой момент с неба, и потому сразу же после войны начали возводить оборонительные рубежи ПВО. Позже будет построено ещё одно бетонное кольцо – Большое, в радиусе 90 километров, для размещения уже противоракетных частей, действующих до сих пор.

В середине 50-х военные строители, завершив дорогу, перебираются на другие объекты, а 12-й Главк принимает решение разместить на уже оформленном участке свою базу и жилой посёлок для закрепления кадров, с прицелом перевода из Москвы не только п/я 1605, но и аппарата треста (п/я 646).

Материальное наследство оказалось небогатым – шесть типовых бараков и временный растворобетонный узел, производивший не более 100 кубометров смеси в смену. Но и это хлеб – есть за что зацепиться для немедленного разворота строительства жилья, размещения ремонтного цеха для техники, полигона для производства фундаментных блоков, перемычек, лотков теплотрасс.

Здесь размещалось прорабство п/я 1062, переданного Кузнецову и вошедшего в состав его п/я 1605, место базирования которого было определено приказом министерства в Селятино.

Розовский Леонид Ноевич

В него влились инженерные кадры и аппарат упомянутого п/я 1605, а его начальник Житков Анатолий Порфирьевич и главный инженер Розовский Леонид Ноевич возглавили объединённый коллектив.

Запомним последнюю фамилию – с 1964 года этот человек станет одним из столпов «Гидромонтажа» и посёлка Селятино как бессменный председатель Объединённого профсоюзного комитета треста. Розовский, Кузнецов и Керцман создадут сплав энергичного управления, инженерного таланта и непоказушной, глубинной заботы о людях, поставившей во главу угла тот самый человеческий фактор, который позволял неизменно добиваться побед, куда бы ни бросали гидромонтажников воля министра и 12-го Главка.

Первыми объектами строительства стали 2-этажные дома из силикатного кирпича, казармы, баня, здание почты.

Не располагая железобетонными плитами перекрытий и лестничными маршами – обходились тем, что было. Лестницы и перекрытия в этих домах остаются деревянными, и потому пожароопасными, по сей день.

Но тогда вводимое жильё казалось неимоверным благом – там были вода и канализация. Отопление, правда, предполагалось печное. Квартиры из-за острой нехватки жилплощади поначалу заселялись покомнатно. Ввод каждого дома становился праздником. С каждым годом таких праздников становилось всё больше.

Филоненко Филипп Тимофеевич

Какими темпами решались жилищные вопросы, можно проследить по семье молодого инженера ОГМ Филиппа Тимофеевича.

В 1956 году – 16-метровая комната на семью из трёх человек в доме номер два. В следующем году – две комнаты в 3-комнатной квартире в 3-м доме. В 1958 году на 4-х человек он получает 3-комнатную квартиру в 7-м доме.

Люди это видели, надеялись и добросовестным трудом доказывали своё право на жильё. Нарушение дисциплины, халатность карались перемещением в хвост очереди.

4. Посёлок Селятино. Начало

Квартал первых селятинских 2–3-этажных домов несёт на себе печать ограниченных возможностей первого этапа становления треста. Интересно вспомнить, как изящно решил Кузнецов, казалось бы, тупиковую задачу их отопления.

Капитальной котельной не было, её строительство требовало времени. А первые дома уже шли к завершению. И Кузнецов решает, вспомнив свой заполярный опыт, загнать в тупик паровоз и использовать его котёл в нужных целях, отапливая мазутом.

По дорогам страны в то время ещё бегали паровозы. Пригородное сообщение обеспечивали не привычные электрички (это произойдёт в середине 60-х), а рабочие поезда-паровички.

История умалчивает, как Якову Андреевичу удалось реализовать свою идею, так как снять с линии паровоз под какие-то фантазии было нереально. Наверное, помогла пробивная сила средмаша, для которого не существовало никаких крепостей.

Как бы то ни было, вскоре на проложенном боковом пути станции Селятино появился паровоз серии ОВ, в просторечии

«овечка». Настолько древний, что его можно было снимать в фильме «Ленин в Октябре». Но этот устаревший, зелёного цвета паровозик верой и правдой служил всё время, пока строилась квартальная котельная с большими котлами ДКВР. Для его отопления было рекордными темпами спроектировано и возведено мазутохранилище. Главное, в квартирах появилось тепло от центрального отопления.

В 1957 году в дома пришёл газ, позволивший хозяйкам выбросить из кухонь примуса и керогазы. Это был привозной газ из закопанных ёмкостей. До подводки магистрального газа было ещё далеко.

Вообще сегодня трудно представить, как изменилась страна всего за 15 лет – с середины 50-х до начала 70-х. Отдельные квартиры на семью, пусть и тесноватые, но оборудованные природным газом и горячей водой. Электрички, цельнометаллические пассажирские вагоны, незаметно куда-то подевались паровозы. В небо поднялись новые вместительные самолёты, открылись тысячи аэропортов, а воздушный транспорт стал доступным и массовым.

Один из первых домов посёлка Селятино

Возник целый ряд невиданных народом бытовых приборов: телевизоры с большими экранами взамен КВН с увеличительной линзой, стиральные машины, «неубиваемые» холодильники, пылесосы, электрические утюги, электробритвы, магнитофоны и радиолы. Всё – своё, всё доступно любой семье.

Мы уже забыли, что и наши легковые автомобили и мотоциклы тогда не отставали так безнадёжно, как в 90-х. А фотоаппараты и часы у нас скупали заезжие иностранцы.

Живя сегодня в мире вещей, в основном импортных, мы не можем представить, что в первое послевоенное десятилетие ничего этого не было. Что за хлебом стояли бесконечные очереди, а подростки ходили в школу в отцовских ватниках. Велосипед был роскошью, и мальчишки гоняли на пустырях мячи, набитые тряпками.

Но за исторически короткий срок, по качеству жизни, исчисляемому по методике ООН, Советский Союз вошёл в третью десятку развитых стран мира.

Потом наши темпы замедлились, чему, без сомнения, содействовало тяжкое бремя оборонных расходов. Но главная причина была не в этом, а в развитии негативных процессов в экономике, вовремя не купированных.

Политическое руководство в брежневскую эпоху, выручая валюту от продажи нефти, даже не задумывалось о том, что необходимы перемены, что сталинский импульс мобилизационной экономики исчерпан. Что наряду с планом необходимы действенные механизмы саморегулирования, которые даёт рынок.

Впрочем, нефтяной наркотик, как родовое проклятие, расслабляюще действует и в новой, рыночной России, отбрасывая её с пути прогресса.

Но это уже другая тема, мы же лишь фиксируем, что в середине 70-х был упущен момент плавного разворота корабля под названием Советский Союз. Сделали бы это тогда – не было бы погрома 90-х.

Глава IV
ПОЛЁТ НОРМАЛЬНЫЙ

1. На взлёте

В конце 1959 года п/я 646 переезжает в Селятино. Это – аппарат треста. Всё!

Мосты сожжены! Ракета «Гидромонтажа» взмывает в небо!

Кто-то из москвичей ушёл, но костяк специалистов продолжал много лет ездить из Москвы в Селятино. Для них был закреплён специальный автобус, отходивший от здания треста сразу после 18 часов. Этим автобусом всегда пользовался Я.А. Кузнецов, хотя за ним и была закреплена персональная «Волга». Также поступал и сменивший его В.Д. Захаров.

Со временем, с ростом жилищного фонда, всё больше специалистов и руководителей треста и его подразделений оседали в Селятино.

Аппарат треста переехал во 2-й дом, в тесноту, предполагая позже построить просторное административное здание, чтобы удобно разместить все отделы и службы. Штаб должен быть дееспособен, а не ютиться в уголке и не работать «на коленке».

Освоение селятинской площадки пошло полным ходом. Узким местом оказался бетонный завод. Труд там тяжёл и примитивен. Цемент разгружается из подходивших вагонов во временное, не оборудованное хранилище тачками.

Приходившие полувагоны инертных материалов – песок и щебень – в зимнее время превращались в монолит. Их долбили ломами и кирками вручную, круглосуточно, так как нельзя было допускать перепростоя вагонов.

В подобных случаях обычно выручали солдатики из приписанного к тресту военно-строительного отряда.

Пытались подводить пар для прогрева, использовать механические рыхлители, но кардинально задача была решена лишь в 1962–1963 годах, когда на территории КМТС (контора материально-технического снабжения) выросла механизированная башня приготовления растворобетонных смесей заданных

параметров. Был задействован механизированный склад цемента, налажен паровой прогрев песка и щебня.

Уже после реконструкции в цехе ЖБИ оставалось ещё немало проблем по безаварийной эксплуатации оборудования, а также с подачей инертных материалов. Техника часто ломалась. Глядя на это, руководство треста приняло решение о переподчинении цеха ЖБИ Опытному заводу. Более высокая производственная культура заводчан позволила отладить эксплуатацию без серьёзных аварий.

Постепенно был организован выпуск 25 наименований железобетонных изделий, вплоть до преднапряжённых плит перекрытий. Для освоения этой технологии пригласили со стороны Сергея Григорьевича Самгородецкого. Он сумел поставить дело. В результате, из всего набора деталей, только лестничные марши приобретались пока извне.

Заметьте – тактика Кузнецова – там, где не умеем сами, приглашаем специалистов. А это – и прописка, и квартира, и устройство на работу жены, детей в садик и так далее. Будто других дел мало – но оно того стоило, хлопоты с лихвой окупались. Такой же подход мы увидим при комплектовании коллектива Опытного завода и овладении новыми технологиями.

В разное время цехом ЖБИ руководили Юрий Николаевич Демидов, Александр Андреевич Зайцев. Но больше других, запомнилась многим энергичная и успешная Валентина Фёдоровна Савченко.

2. Вздымая трепетно за этажом этаж

Развернувшееся в конце 50-х – начале 60-х промышленное и гражданское строительство потребовало существенного наращивания мощностей не только цеха железобетонных изделий, но и укрепления стройучастка, переросшего затем в МСУ-63, приобретения строительной техники, решения вопросов производственно-технологической комплектации, бесперебойной поставки больших объёмов стройматериалов.

За 10 лет с 1956 года специализированным стройучастком был построен квартал жилых домов в старой части посёлка Селятино – 4 двухэтажных, 4 трёхэтажных и 6 пятиэтажных, баня, клуб «Мечта», школа на 540 мест, детсад, два магазина ОРСа.

Кроме того, шесть административных зданий – для размещения самого управления треста, МСУ-23, МСУ-24, МСУ-28, МСУ-63 и ЖКХ. Был введён цех металлоконструкций, водонапорная башня со всеми магистральными сетями и первая очередь очистных сооружений за железной дорогой с проколом её полотна.

Строительство шло комплексно, широким фронтом, с прокладкой капитальных инженерных коммуникаций и необходимых энергообъектов.

Простой перечень сделанного для людей за те 10 лет свидетельствует о дальновидности и внимании руководителей треста к жизненноважным нуждам коллектива.

А ведь спрашивали с них, и весьма жёстко, за другое – стратегические объекты на периферии. Собственное жильё на втором плане. Тем не менее Я.А. Кузнецов постоянно, из года в год, лично обходил селятинские стройки, вникал в детали, изыскивал ресурсы и необходимые кадры.

Крупное дело никогда само не делается. В нём всегда частица души и сердца его организаторов. Иногда их имена выбивают на мемориальных досках, а иногда они уходят в забвение, или их деяния присваивают непричастные, по принципу – мы тоже пахали. О Я.А. Кузнецове селятинцы будут помнить всегда.

3. Пятиэтажки в зелени леса

В то же время крупным просчётом в проектировании жилой застройки нужно признать её приземлённость, а точнее, утилитарность. И у проектировщиков, и у заказчиков не хватило широты мышления, предвидения перспективы.

Не увидели они в новых кварталах будущего города. Видимо, трудно было тогда представить, что на базе всего лишь треста вырастет нечто большее, чем рабочий посёлок.

Отсюда – неразвитая сеть улиц, отсутствие площадей, выраженного центра, а также примитивность архитектуры типовой застройки. Тем более это обидно, поскольку все строившиеся

города средмаша изначально хорошо спланированы и капитально застроены прекрасными зданиями.

Назовём их: сегодняшние Саров (Арзамас-16), Озёрск (Челябинск-40), Снежинск (Челябинск-70), Железногорск (Красноярск-26), Зеленогорск (Красноярск-45), Новоуральск (Свердловск-44), Северск (Томск-7), Степногорск (Целиноград-25), Заречный (Пенза-19), Краснокаменск, Сосновый Бор, Шевченко (Гурьев-20), Снечкус, куда билет можно было взять только через спецкассы, если ты знал туда дорогу.

В них приятно и удобно жить, так как строились они для людей, а не по принципу – лишь бы дать кров над головой. Во всех этих городах и на их промышленных площадках отметился Трест «Гидромонтаж», оставил свой след, как и своих ветеранов, поселившихся там навсегда.

Но планировались они раньше, когда и сталинские высотки в Москве, и монументальные здания по всей стране, до сих пор называемые «сталинками». Тогда, почему-то, хотя мы и были гораздо беднее, на архитектуре не экономили. Строили на века, чтобы потом не переделывать.

Чтобы лучше понять этот казус, вспомним то десятилетие, когда развивалась селятинская застройка.

Пришедший к власти Хрущёв вылез с постановлением об архитектурных излишествах и типовом проектировании, убившем архитектуру. Разработкой фасадов, сложных кровель вообще перестали заниматься. Качество принесли в жертву количеству.

И добро, если бы это касалось только панелек-пятиэтажек на свободных территориях в городах с единственной целью – быстро расселить людей из подвалов и коммуналок, а лет через 20 отправить под снос. Но ведь под это постановление, превратившееся в кампанию, попадало всё! А кампании у нас – страшная штука – что борьба с «врагами народа», что антиалкогольный закон.

Посмотрите, как уныло выглядит застройка Ленинского проспекта в Москве, совершённая комплексно как раз в то время. Высота зданий непропорциональна ширине проспекта, а плоские фасады и крыши однообразных кирпичных домов смотрятся, как рабочие казармы фабриканта Саввы Морозова.

Как это проигрывает монументальным московским зданиям и целым улицам более ранней застройки. Какими творениями смотрятся дома архитектора барона Османа на Больших бульварах в Париже, перестроенные во времена Второй империи в XIX веке, или питерские эспланады, заложенные императором Петром I, а затем Екатериной Великой в веке XVIII.

А ведь и мы, в середине уже XX столетия, могли сделать не хуже, и парадный «вылетной» проспект украсил бы столицу на века.

Но архитектура – это «каприз королей», стремившихся в камне увековечить своё правление. А Никита Сергеевич «увековечивал» себя другими «капризами».

Понятно, что ни министерство, ни Кузнецов не могли идти против течения и планировать нечто большее, чем обычный рабочий посёлок. В заслугу Якову Андреевичу и его соратникам можно поставить то, что они не пустили в Селятино панельные дома, что было бы тогда и проще, и в струе политики. Они остались верными кирпичу, хотя и более трудоёмкому, но экологичному материалу. Естественный воздухообмен в кирпичных домах вдвое выше, чем в железобетонных коробках, а это – здоровье людей.

В итоге, через руки каменщиков прошли миллионы штук кирпича и тысячи тонн раствора. Но селятинские кирпичные пятиэтажки, утонувшие в зелени сохранённого леса, смотрятся гораздо уютнее «хрущёб», которые рано или поздно пришлось бы сносить. Тем более новая прекрасная застройка «монолит-кирпич», вышедшая позже на первый план, сделала старые, добрые пятиэтажки менее заметными.

Жители Селятино должны помнить первостроителей, вложивших свой труд и душу в создание прекрасной среды обитания для многих поколений. Среди них руководители специализированного участка, а с 1966 года – полномасштабного МСУ-63 – И.Ю. Венцель, С.А. Гольман, М.Т. Гальченко, О.Г. Шнель, В.Ф. Шальнов, Н.П. Двуреченский, А.А. Ловкис; рабочие-мастера и бригадиры: А.И. Бурмистров, Н.Ф. Васькин, В.И. Масленников, А.И. Аверкин, И.Д. Ахромеев, Р.В. Кондревская, А.В. Афонин.

4. Звенья единой цепи

Важным этапом в жилищном и промышленном строительстве стал ввод Центральной котельной, с химводоочисткой и мазутохранилищем.

Всё технологическое оборудование котельной, кроме котлов, изготавливалось на Опытном заводе. Его специалистами проводился и профилактический ремонт при подготовке к отопительному сезону.

В итоге бесперебойно подавались тепло в жилой сектор и на производственные корпуса, горячая вода и технологический пар в цех ЖБИ. Многие годы котельной руководила опытный энергетик Людмила Сергеевна Ивановская. Там же работали КИПовцы и операторы П. Лямичев, Б. Боборыкин, С. Константинов.

Одновременно с цехом ЖБИ и на той же территории развивалась контора материально-технического снабжения (КМТС). Это было типовое подразделение строительного комплекса средмаша.

С ростом объёмов, КМТС преобразуется в Управление производственно-технологической комплектации (УПТК). Один только перечень его функциональных отделов говорит о многом: оперативно-производственный, комплектации, реализации материальных фондов, отдел оборудования, главного механика, юридическая служба.

В структуре управления действовали производственный участок, участок комплектации и погрузочно-разгрузочных работ, железнодорожный цех.

Были построены добротные склады с рампами и наклонными галереями. Обеспечивалась двусменная работа, а когда требовалось – круглосуточная. Число работающих превышало 500 человек.

Службу снабжения организовывали достойные люди – А.Л. Казаков, Л.С. Березницкий, Н.Ф. Ерин, но наиболее запоминающейся фигурой, памятной всем ветеранам, остался Иосиф Давыдович Паркман.

Он был снабженец от Бога, всегда знавший, где, что и каким образом можно добыть для треста. И это в условиях строгого фондирования в стране материально-технических ресурсов.

Паркман Иосиф Давыдович

Свои вопросы Паркман решал за счёт широких связей не только в средмаше, но и в смежных отраслях по всей стране. Шёл обмен материалами по принципу «Ты мне – я тебе». Партнёров, порой, заинтересовывали выполнением специальных работ, на которые обычно требовались лимиты.

Ветеран треста А.С. Бабкин – заслуженный буровой мастер, вспоминает, как их – две группы выпускников Малоярославецкого училища – 60 человек, «купили за кирпич» для МСУ-24, которому на Семипалатинском ядерном полигоне позарез были нужны буровики.

Рыскавшие по стране кадровики «Гидромонтажа» нашли это училище, готовившее подходящие кадры, а Паркман умаслил руководство поставкой партии нужного им, тоже позарез, кирпича.

Однажды на оперативке у Кузнецова при разборе возникшего сбоя стрелы негодования начальства сосредоточились на Паркмане. Он встал, спокойно раскрыл свою знаменитую книжечку-поминальник и доложил: «Машина номер такой-то, вышла тогда-то, ожидаем к сроку». Вопрос был закрыт. Но мало кто знал, что это блеф. Он действительно прошляпил, но важно было разрядить накал, а уж потом исправлять.

Его прощали, так как он и выручал, бывало, крепко. Когда в 1969 году Московский обком партии в лице своего оборонного отдела поручил парткому треста, наряду с другими оборонными предприятиями, организовать изготовление комплектного оборудования для строящихся в области птицефабрик, как говорили тогда, «цельнотянутым» способом – по образцу закупленного

в Голландии, Паркман решил проблему с красителями, стойкими к особо агрессивной среде птичников. Без фондов. Поручение парткома выполнил сполна и с удовольствием.

Вообще, он был кондовый большевик, любил заглянуть в партком, поделиться тревогами и заботами, осудить нерадивых. Нахватавшись формулировок из «Краткого курса ВКП(б)», иногда вставлял в свою речь подходящие цитаты: «Вы понимаете, Яков Андреевич, я с таким трудом это достал, договорился, а тут ортодоксальные большевики нашлись, возражают»…

Сфера снабжения в советское время была в немалой степени «серой зоной», так же как и торговля. Там выявлялось больше всего хищений и злоупотреблений. Так уж устроен человек – кое-кто не может отказаться от соблазна умыкнуть государственное, если есть возможность избежать огласки. Именно на этой стезе процветали разного рода подпольные миллионеры типа Корейко, стоявшие близко к распределительным сферам.

Ещё наш прославленный фельдмаршал А.В. Суворов, прослуживший некоторое время, на заре армейской карьеры, по интендантской части, позже скажет: «Всех интендантов, прослуживших 3 года, можно расстреливать без суда».

Но к чести Иосифа Давыдовича Паркмана и его коллег, за всё время существования их службы не было, да и быть не могло, ничего криминального.

Всё было под контролем, прозрачно, да и жили эти люди так же скромно, как и все остальные.

5. Доброе дело не пропадёт втуне

С вводом всё новых и новых жилых домов и других объектов жизнеобеспечения встал вопрос надёжной эксплуатации растущего хозяйства.

В 1958 году начальником ЖКО п/я 646 назначается Геннадий Михайлович Болобонов, проработавший затем в этой роли 20 лет. Это – неординарный человек, и его тоже можно отнести к числу опорных столпов треста, через десятилетия пронесших свою миссию.

Болобонов Геннадий Михайлович

Жилищные вопросы всегда оставались острыми, в большой степени влияющими на настроение людей, а следовательно, и их отдачу на производстве. Все жители знали в лицо этого неугомонного человека. Всегда обязательного, всегда внимательного к людям.

Благодаря его каждодневным заботам, тотальному контролю, строители усвоили, что строят для себя, а не чужому дяде, от которого можно откреститься, найдя тысячу причин. Но здесь не тот случай! Если где допустишь огрех – тебе же его и исправлять. Бесплатно!

Геннадий Михайлович – яркий представитель той когорты фронтовиков, прошедших огонь Великой Отечественной войны с первого её дня до последнего, которые нашли своё место в мирном строительстве по выведению страны из послевоенной разрухи на уровень мировой державы.

С 1927 года он в армии. В 1930 году окончил Ленинградское артиллерийское училище и прослужил в Советской Армии до 1955 года, занимая командные должности – от командира взвода, батареи, дивизиона, полка до заместителя командующего артиллерией армии.

О том, как воевал Геннадий Михайлович, можно почитать в материалах Ленинградского музея артиллерии. Летом 1941 г. с полком стоял на рубеже обороны Киева под командованием генерала М.П. Кирпоноса. Маршал И.Х. Баграмян в своей книге «Так начиналась война» пишет: «Крепко досаждал врагу 379-й артиллерийский полк под командованием майора Болобонова. На позиции дивизии посыпались листовки со словами:

артиллеристы-болобоновцы, можете в плен не сдаваться, будете повешены».

За вывод полка из окружения с орудиями и знаменем награждён орденом, хотя в тот начальный период войны – времени наших неудач и гигантских потерь, награждали очень скупо.

Затем была Курская дуга в рядах 140-й Сибирской Новгород-Северской стрелковой дивизии, с которой с боями дошёл до Праги. Под Прагой был тяжело ранен – уже не в первый раз.

С 1947 года командовал артполком Таманской дивизии. Закончил службу в армии в 1955-м с местом жительства в Алабино. Такой человек не мог остаться без дела.

Разыскал его и пригласил на должность начальника отдела кадров п/я 1605 в Селятино Леонид Ноевич Розовский, в то время главный инженер этого предприятия. Рекомендовал его Я.А. Кузнецову, и Болобонов вскоре будет переведён на должность начальника ЖКО п/я 646.

Геннадий Михайлович сумел без особого шума навести в этом беспокойном хозяйстве армейский порядок. Его можно было видеть регулярно вместе с начальником треста Кузнецовым при обходах строящегося посёлка.

Разбор дел на месте, оперативные меры по усилению и помощи либо порицанию нерадивых были органичны его командирскому духу и неизбежно приносили зримые плоды.

Этот цельный и сильный человек завоевал уважение и благодарность у всех селятинцев. Прожил большую и насыщенную жизнь. Умер он в 1996 году на 92-м году жизни. Похоронен на Покровском кладбище.

Глава V
КАДРЫ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

1. У руля кадровой политики

Розовский нашёл Болобонова, а Кузнецов – Лебедева Александра Илларионовича, тоже яркую фигуру, ценного для треста человека. Позже он поднимет его до уровня заместителя начальника треста по кадрам и социальным вопросам, хотя тот был производственником со Звездой Героя Социалистического Труда за командование земснарядами на строительстве Волго-Донского канала и Куйбышевской ГЭС.

Лебедев Александр Илларионович

Можно предположить, что дальновидный стратег Кузнецов подыскивал давно подобного человека – шло активное формирование коллектива. И в своих расчётах не ошибся.

Отработав в тресте верой и правдой 18 лет, А.И. Лебедев ушёл на выдвижение в Москву в систему министерства.

О первом знакомстве с Я.А. Кузнецовым вспоминает Флора Петровна Шахназарова, супруга Александра Илларионовича, тоже яркая личность в «Гидромонтаже»:

Я помню, как летом 1959 года к нам домой вместе с Александром Илларионовичем пришёл незнакомый мне гость в военной форме майора. Александр Илларионович мне его представил: Яков Андреевич Кузнецов – начальник предприятия п/я 646.

Он прибыл из Москвы в Куйбышевский обком КПСС с ходатайством от отдела кадров Министерства об откомандировании высокопрофессиональных специалистов-гидротехников,

в частности, коммуниста, Героя Социалистического Труда А.И. Лебедева в распоряжение Минсредмаша, на предприятие п/я 646.

Ранее с этой миссией уже приезжал представитель от предприятия п/я 646 В.М. Липатов, но уехал ни с чем.

Пришёл к нам в гости, чтобы познакомиться с семьёй Героя и уговорить специалиста по лабораторным исследованиям Флору Петровну выехать в Красноярск-26.

И ведь уговорил.

Александру Лебедеву не было в то время и 30 лет. Он окончил Ростовское мореходное училище на отделении дноуглубительных работ и сразу же со всем курсом был направлен на строительство Цимлянского гидроузла на трассе Волго-Донского канала. Работал багермейстером, начальником земснаряда.

Вместе с командой земснаряда был переведён на строительство Куйбышевской ГЭС для освоения земснарядов нового поколения, производительностью 1000 кубометров в час. Без отрыва от работы окончил Куйбышевский индустриальный институт. В 1958 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В системе «Гидромонтажа» после Красноярска-26 у него был Новосибирск, затем должность главного инженера Управления промышленных предприятий в Селятино.

В 1966 году, с вводом должности заместителя начальника треста по кадрам и социальным вопросам, Яков Андреевич без всяких колебаний выдвигает на этот участок Лебедева. Можно предположить, что он рассчитывал на бесспорный психологический эффект.

Лебедеву всего 37 лет. Молод и энергичен. На груди блестит Золотая Звезда. Любому человеку, вошедшему в кабинет, ясно – перед ним не бюрократ, зарывшийся в бумажные отчёты, а производственник, совершивший нечто неординарное.

«Это не заштатная контора, Звёздочки за просто так не дают!» – думает зашедший инженер, техник или ищущий перевода буровой мастер. На несколько порядков возрастает оценка учреждения, куда ты идёшь работать.

Киселёв Геннадий Фёдорович

То, что кадры решают всё – Кузнецов усвоил с младых ногтей. Ему было 20 лет, когда в стране развернулась массовая индустриализация, и усатый Вождь произнёс эту фразу. Жизненный опыт, набитые шишки и душевные шрамы постоянно подтверждали её правильность. Поэтому к постановке кадровой службы, формированию коллективов Яков Андреевич всегда относился трепетно. Тем более эта линия шла от самого министра.

Начальники отдела кадров треста всегда были люди основательные, хорошо знакомые с производством, поколесившие по площадкам и умевшие отличить новичка от профессионала.

Тем более в советское время в очереди на работу не стояли, а профессионалы знали себе цену. Заполучить одного «спеца» – уже удача, а в системе треста трудились люди 110 профессий.

Рассказывает Геннадий Фёдорович Киселёв – начальник отдела кадров треста в 70–80-е годы:

В случае срочной необходимости мне приходилось вылетать в различные города Союза. Так, для МСУ-26 в 1973 году мы с начальником отдела кадров МСУ М.В. Хорошавиным объехали Северный Кавказ – искали монтажников и крановщиков на краны БК-1000 в Нальчике, в Грозном, Невинномысске.

При монтаже оборудования на Ульяновском авиационном комплексе в 1983 году потребовалось дополнительное количество монтажников. Главк разрешил подобрать их на его предприятиях в Ангарске, Зиме, Саянске, куда мы выехали по указанию В.Д. Захарова вместе с полковником Хаджибаевым Мухтаром Мухтаровичем. Он там работал в своё время заместителем начальника

Ангарского управления строительством и знал, где высвобождаются люди.

Когда в Селятино расформировали воинскую часть, работники отдела кадров в 1983 году выехали в разные места в поисках каменщиков, штукатуров, маляров, которые заменили бы военных строителей. Меня вместе с Н.Т. Глебовым В.Д. Захаров послал в г. Шевченко.

Под этих специалистов с семьями была срочно переделана под квартиры одна из казарм, так как мы приглашали специалистов с предоставлением жилья.

Хорошего кадровика, как считал Кузнецов, а за ним и Захаров – как и волка, ноги кормят. И они мотались по училищам, техникумам, вузам, агитируя, уговаривая, приваживая интересными предложениями лучших выпускников и уже зрелых профессионалов.

Руководителями отдела кадров всегда были неординарные люди, такие как В.М. Липатов, Е.К. Уваров, Г.Ф. Киселёв – успешные организаторы и психологи, знавшие, как подойти к человеку, как завоевать доверие и хорошо знавшие производство. Их вклад бесспорен в комплектование не только аппарата самого треста, но и постановке кадровой работы во всех его подразделениях.

Обычно после беседы с кандидатом в отделе кадров, а затем у зама – прохождения «чистилища» – обязательное знакомство с начальником треста. Он никогда на этом время не экономил. Но и не допускал пустой его траты, когда мог сказать: «Кого это ты мне привёл»?

А.И. Лебедев проработал на своей должности 11 лет, оставив хорошие отзывы людей. А Кузнецов вместе с ним получил для треста ещё и руководителя Центральной лаборатории в лице его боевой подруги – Ф.П. Шахназаровой.

2. Работнику главное внимание

Следует сказать чуть подробнее о постановке кадровой службы в министерстве и в тресте. Эта работа, как и везде, возлагалась на отделы кадров, но назвать её лишь задачей найма и увольнения с формальным соблюдением КЗОТа язык не поворачивается. В известной степени, в ней присутствовало творчество.

Создавалась система, где заметную роль играли различные общественные образования: советы бригадиров, молодых специалистов, наставников, товарищеские суды, общественные отделы кадров.

И они работали, принося большую пользу делу и людям, формируя дееспособные трудовые коллективы. Хотя, как и в организации социалистического соревнования (бесспорно, дела полезного) в работе этих инструментов, как сейчас сказали бы, «гражданского общества», присутствовал и формализм. Ведь забюрократить и опошлить можно любое благое дело – и это тоже была проблема кадров. К сожалению, «пофигизм» присущ немалой части «гомо сапиенс».

Инженерно-технические должности в тресте замещались специалистами с высшим и средним специальным образованием, но были и практики. Глупо было от них отказываться – ведь многие из них – подлинные самородки, освоившие свои профессии без всяких дипломов. И это была не их вина – война, разруха, неоконченное образование, но они прошли в жизни «свои университеты».

Тех, кто помоложе, подталкивали к учёбе, других направляли в учебные комбинаты повышения квалификации министерства, а позже и самого треста.

Учитывая специфику работ в отдалённых местах, Правительство разрешило Минсредмашу использовать выпускников военных училищ, полагая, что офицеров можно направлять в приказном порядке в любую точку страны.

Пришедшими в трест молодыми лейтенантами в морской форме занимался военно-учётный стол отдела кадров. Все они были поставлены на линейные должности и отправлены на периферию. Там же на учёте находились рабочие и ИТР, имевшие офицерские звания в запасе.

Находящихся на особом воинском учёте офицеров «Гидромонтажа» военкоматы не могли привлечь на различные сборы и учения. Это была привилегия средмаша, так как в 60-х годах,

после Карибского кризиса, в стране развернулось массовое строительство ракетных баз, и многих молодых инженеров изымали из народного хозяйства в приказном порядке и, надев на них офицерские погоны, направляли на несколько лет возводить позиционные районы стратегических ракет.

Зелёные лейтенанты, пришедшие в конце 50-х, продвигаясь по службе, росли вместе с трестом. Все они закончили её в полковничьих погонах, в ранге руководителей подразделений треста. Их имена: Алексей Михайлович Уланов, Владилен Андреевич Светиков, Леонид Иванович Агибалов, А.А. Борисенков. А Михаил Николаевич Гуменюк – в звании капитана второго ранга.

Хороший был выпуск – он дал тресту не только грамотных инженеров, но и талантливых руководителей. Эти люди вместе со своими семьями исколесили безбрежные просторы Советского Союза, отметились на всех площадках, где трест вёл работы, прошли через все трудности и неустроенность и в итоге поселились в Селятино.

Комплектование рабочими кадрами шло как обычным наймом, так и через сеть профтехучилищ по разнарядке министерства. В 1974 году трестом было построено собственное профтехучилище СПТУ-71, а в 1980-м открыт учебный комбинат, который возглавил опытный инженер и преподаватель СПТУ-71 В.И. Носатов.

Ежегодно в этом комбинате обучались 700–900 человек, из которых половина – военные строители приданного тресту полка, решившие остаться после демобилизации.

Теоретические занятия велись в классах, оформленных наглядными пособиями. Практические – на производстве, на участках, в бригадах.

В здании УПТК была оборудована сварочная учебная мастерская на 20 постов, оснащённая ручной электросваркой, газовой сваркой и кислородной резкой. Там же проходили стажировку и выпускники СПТУ-71.

С имеющими профессию вновь принятыми рабочими занимались повышением квалификации на производственно-

технических и целевых курсах, а также в школах по изучению передовых методов труда какого-либо кадрового рабочего или бригадира в целях овладения новым оборудованием и инструментом.

Как это делалось? Работник ОТИЗ с кем-то из линейщиков проводит хронометраж, описывает приёмы передовика и составляет программу, по которой и обучается группа рабочих.

В 1982 году в МСУ-24 была организована школа передовых методов труда бурового мастера В.Б. Агапова – «оптимальные режимы работы турбобуров и порядок их регулировки». А в МСУ-26 – школа бригадира Н.Т. Глебова.

Прошедшим курсы повышался разряд, а вместе с ним и заработок.

Для инженерно-технических кадров была выработана своя система. Отдел кадров треста обобщал заявки на молодых специалистов от своих предприятий, с учётом их специализации и предпочтительного вуза или техникума и отправлял её в управление кадров министерства. Там имели свою квоту от Правительства на отбор выпускников.

Получив мандат на отбор в конкретных учебных заведениях страны, туда отправлялись кадровики из подразделений треста. А дальше – как у кого получится. Налицо была конкуренция, негласное соперничество – кто и чем переманит к себе лучших.

После собеседования и заполнения анкет данные на отобранных кандидатов высылались в министерство, которое в свою очередь направляло в учебные заведения путёвки, деньги на дорогу и полагавшиеся подъёмные.

Ежегодно в систему треста приходило от 20 до 40 молодых специалистов. И не было случая, чтобы кто-то смухлевал и не приехал.

На предприятиях их ждали, встречали на глухих полустанках и везли к себе в охраняемую зону. Помогали на первых порах адаптироваться, решить бытовые вопросы. Везде действовали советы молодых специалистов, о которых с теплотой вспоминают поседевшие ветераны.

3. На первой ступеньке роста

Так работала плановая система подготовки и распределения кадров. При этом сохранялась свобода воли новобранцев – никого не пытались принудить ехать куда-то, если человек не хотел.

Характерный казус произошёл с Иваном Петровичем Безруком – в бытность молодым специалистом:

Безрук Иван Петрович

В 1961 году, после окончания Харьковского инженерно-строительного института, я прибыл по распределению на предприятие п/я 646 в посёлок Селятино. Здесь меня принял начальник треста Яков Андреевич Кузнецов. У нас сразу же произошла с Яковом Андреевичем не то что «стычка», а случилось какое-то несогласие. Когда пришёл к Кузнецову, он встретил меня очень доброжелательно, мне это на всю жизнь запомнилось. От него веяла какая-то доброта. И манера разговора была очень мягкая. Так вот, при этой встрече он сразу же начал отправлять меня в Казахстан, в Степногорск. Я отказался, так как давал подписку на работу в Сибири и на Крайнем Севере. Но и Кузнецов тоже упёрся, пытаясь мне предложить что-то ещё. Я упорно отказывался. Тогда Яков Андреевич отправил меня назад в министерство, а из министерства меня повторно отправили к Кузнецову.

Приезжаю снова сюда, пивка выпил на станции, пришёл к Якову Андреевичу. Ну, он ничего, ведь только день прошёл, как мы с ним встречались. Я в то время был ещё молодой, и он как-то по-отцовски говорит: «Давай я тебя в Красноярск отправлю». На что я и согласился.

И когда, буквально перед отъездом, вновь столкнулся с Кузнецовым, снова зашёл к нему, объяснив, что нас – несколько выпускников одного института и всех направляли в Красноярск-45, а меня почему-то в Красноярск-26. На что мне Я.А. Кузнецов сказал:

«Ты едешь в такой город, где тебе надо смокинг иметь, чтоб в театр ходить». В то время он курировал Красноярск, так как в 1962–1963 годах важные дела там были. И Кузнецов постоянно туда прилетал. И каждый раз он со мной встречался, каждый раз ощущалась его забота о молодых специалистах.

Въезд в город Красноярск-26 показался страшной «тюрьмой» со сплошным ограждением колючей проволокой, контрольной полосой и вооружёнными солдатами. Но тут же весь «страх» рассеялся, когда я увидел благоустроенные жилые кварталы с прекрасной архитектурой и парком с озером для отдыха.

Участок наш располагался на берегу реки Енисей, где, кроме временного барака-конторы, были склады-вагончики, стенд для сварки труб и причал для катера.

Я приступил к строительству наружных сетей водовода, спецканализации, теплосетей и золотопроводов, монтажу конденсаторов из нержавеющей стали, сбросных трубопроводов диаметром 1460 миллиметров от реакторов охлаждающей воды.

Рабочий контингент состоял из ядра вольнонаёмных монтажников, сварщиков, механизаторов, водолазов и рабсилы из числа заключённых, конвоируемых на рабочие места, и бесконвойных, а также военных строителей.

Так началась моя трудовая деятельность на участке № 1 в качестве мастера.

Действительно, важные дела творили люди в Красноярске-26. Когда в 90-е, в период «политического стриптиза» Горбачёва–Ельцина, на подземный завод и в город Железногорск прибыли американские специалисты–атомщики, их взяла оторопь. Под защитой 200-метрового гранитного монолита высокого берега Енисея, который не по зубам и ближнему ядерному взрыву, в промышленных реакторах нарабатывался плутоний. Тут же рядом, на радиохимическом заводе, велись его извлечение и все технологические

Подготовка водолаза для спуска на реке Енисей

манипуляции по превращению в компонент ядерного заряда. Законченный цикл, способный функционировать в военное время.

В гигантскую подземную полость, перекрываемую мощными накатными дверями, они заехали на «Икарусе» и сразу же заметили электричку, высаживающую на платформе, как в метро, очередную смену. Нечто подобное американцы видели разве что в голливудских фильмах-катастрофах.

Не зря соблюдался столь строгий режим секретности. Всё это грандиозное строительство удавалось десятилетиями скрывать от супостата.

4. Учили, снимали, назначали…

Управление кадров министерства имело четыре института повышения квалификации – Центральный институт в Обнинске и его филиалы в Москве, Ленинграде и Новосибирске.

10–12 инженерно-технических работников треста и его подразделений, зачисленных в резерв на выдвижение, ежегодно проходили обучение в Обнинске. В Новосибирске обучались линейные работники – бригадиры, мастера, прорабы, начальники и главные инженеры участков.

В тресте и в подразделениях проводилась периодическая аттестация. Существовали аттестационные комиссии, на которых заслушивались характеристики, задавались вопросы.

Бывало, по итогам аттестации, в подразделениях понижали в должности, предупреждали о неполном соответствии. Поэтому аттестации боялись, к ней готовились, а руководство использовало результаты как законный повод для кадровых перемещений. Вспоминает Геннадий Федорович Киселёв:

Вызывает меня начальник треста Я.А. Кузнецов. В кабинете сидит А.Р. Никулин (начальник участка МСУ-28 на строительстве второй нитки водовода Аму-Дарья – Зарафшан). Видимо, был серьёзный разговор о работе участка, и Никулин поставил вопрос о снятии главного инженера участка

Строительство водовода Аму-Дарья – Зарафшан. Перевозка трубных плетей на автомашинах

И.Н. Архангельского – молодого инженера, как я полагал, растущего, но с Никулиным не сработавшегося. Кузнецов спросил: «Как можно снять Архангельского, чтобы не нарушить закон?» Я предложил провести аттестацию и освободить его, если он её не выдержит.

Была создана аттестационная комиссия, куда вошли В.А. Светиков (главный инженер МСУ-28), Н.Н. Поспелов (главный механик треста), А.Р. Никулин, Г.Ф. Киселёв (начальник отдела кадров треста). Мы вылетели в Навои. По приезде, члены комиссии выехали рано утром вдоль нитки трубопровода в сторону Сазакино на Аму-Дарье для знакомства с положением дел на участке.

Аттестация для Архангельского закончилась его освобождением от занимаемой должности. В.А. Светиков задержался на участке, а мы с Н.Н. Поспеловым на военно-транспортном самолёте вылетели из Самарканда в Москву.

Но аттестационные комиссии не только выражали недоверие, но и лучших зачисляли в резерв на выдвижение.

Он был трёхступенчатым. По номенклатуре министра – начальник треста, главный инженер и главный бухгалтер. По номенклатуре начальника треста – начальники отделов и подразделений. И наконец, номенклатура самих подразделений.

Ежегодно резерв пересматривался и обновлялся. Все эти меры, каждая в отдельности, не являлись панацеей и не были застрахованы от формализма, но все вместе, в комплексе, безусловно, давали искомый результат. Качество, профессионализм кадров неизменно росли.

За работу люди держались. Текучесть кадров, в среднем, составляла 7–8 процентов, что по тем временам было совсем неплохо.

Глава VI
ОТ МАСТЕРСКИХ К ЗАВОДУ

1. Нестандартный завод

Начиная с 1956 года, с перебазировки в Селятино п/я 1605, шло не только активное жилищное, но и производственное строительство. Строилась база треста. Как рассказывает Владимир Петрович Ильин, пришедший на работу в Селятино в 1958 году, что уже тогда полным ходом работали ремонтные механические мастерские, хотя и расположенные во временных сооружениях, но уже располагавшие внушительным станочным парком, который собирали с миру по нитке.

Ильин Владимир Петрович

Иметь подобные цеха стремились тогда многие строительные организации. Это было следствием недостаточного покрытия текущих потребностей большой промышленностью, строгим фондированием материальных ресурсов.

Это сейчас, когда чего-то не хватает, меняют рубли на валюту и бегут покупать за границей. Порой всякую мелочь и ерунду. Тогда старались сделать сами – другого выхода не было. Слова «не могу» в расчёт не принимались.

В «Гидромонтаже» пошли дальше, создав со временем полномасштабный завод нестандартного оборудования, ставший неотъемлемой частью сложной монтажной технологии на его площадках, важным фактором роста производительности труда.

Добился в «Главмонтаже» разрешения на строительство новых цехов и открытия финансирования Я.А. Кузнецов. Он подкупил начальство доводом, что именно Опытным заводом должны

исполняться идеи, наработанные НИКИМТом – действовавшим при министерстве научном институте конструкций и монтажных технологий.

Первым начальником мехмастерских был В.А. Борискин, работавший с Кузнецовым ещё на Крайнем Севере. Занимались, преимущественно, ремонтом тракторов, бурового оборудования. Номенклатура постоянно расширялась – изготовление фильтров для буровых скважин, навесное оборудование, запчасти для земснарядов, различное нестандартное оборудование, облегчавшее труд на площадках треста на периферии.

Мастерские расположились на старой территории, ближе к станции и подъездным железнодорожным путям. Быстро построили 3 корпуса и оборудовали открытую бетонную площадку, где изготавливалось до трети всей продукции.

Люди работали на установленных фрезерных, строгальных, расточных, долбёжных станках, обслуживали мостовые краны.

Ценное оборудование частично вывезли с московской базы при переезде, но в основном заказывали заново по лимитам министерства.

В первом корпусе проводился ремонт техники, во втором расположились станочное оборудование и электроцех, где ремонтировались электродвигатели и трансформаторы. В третьем изготавливали нестандартное оборудование. Имелась также кузница и участок тросозаплётки, где изготавливались троса и пауки для такелажа.

Постепенно вырастало важное подсобное предприятие, обеспечивающее «Гидромонтажу» высокую автономность. В условиях строгого фондирования всякого оборудования, как и ремонта, такая самостоятельность здорово выручала.

Впоследствии номенклатура заказов менялась, смещаясь в сторону нестандартного оборудования, не выпускаемого в стране серийно.

С января 1963 года мехмастерские были преобразованы в завод. Это – важный качественный скачок. Первым директором завода назначается Амирханян Рачия Левонович,

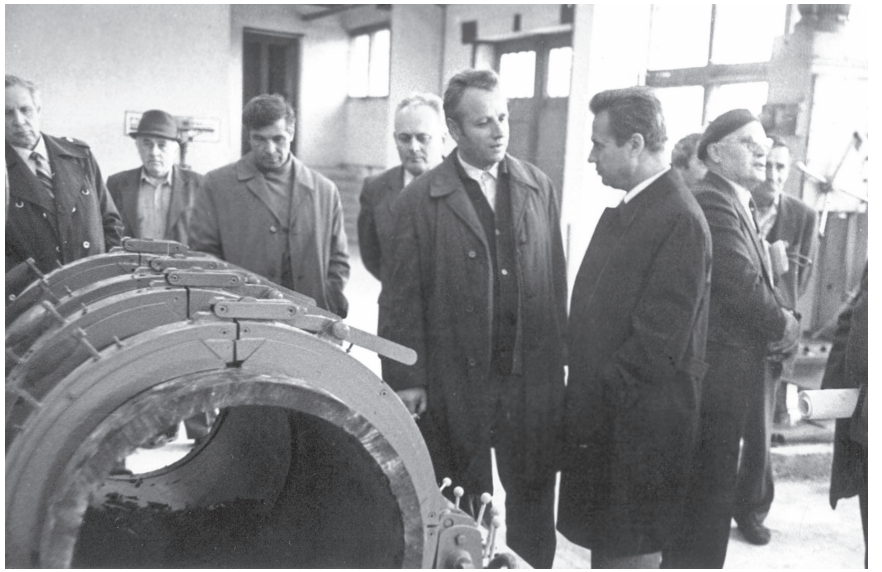
Казаков Юрий Иванович

оставивший добрый след в истории треста и памяти людей. Это был грамотный, ответственный руководитель, в то же время чуткий и внимательный к людям. Он сумел задать более высокий технический уровень, освоить новые технологии, наладить исполнительскую и трудовую дисциплину. При нём завод, закрыв полностью потребности треста, начал принимать сторонние заказы.

Рачия Левонович рано ушёл из жизни. Его сменил Юрий Иванович Казаков, приглашённый Кузнецовым с одного из подольских заводов и сумевший воспринять и развить все начинания Амирханяна. Он привнёс также производственную культуру больших заводов. При нём удалось обосновать и получить финансирование от министерства на строительство блока цехов на новой площадке у кольцевой бетонки.

2. Опытный завод на марше!

Это уже был совершенно другой уровень организации производства. Пять сблокированных заводских пролётов с мостовыми кранами позволяли расставлять оборудование в технологические цепочки в зависимости от характера изготавливаемого нестандартного оборудования и гибко их менять в зависимости от характера производимых работ. Казалось, наступает золотой век монтажника.



Опытный завод. Испытание установки для сварки труб

Однако министерство имело свои виды на новые производственные площади. С вводом блока цехов оно поставило задачу наладить производство металлоконструкций для промышленных зданий и сооружений, а также, металлоформ и поддонов для сборного железобетона уже в интересах всей отрасли.

С начальством не спорят, и руководство треста и завода озаботились поиском и подготовкой профессиональных кадров, знакомых с подобным производством. Требовались конструкторы, технологи, рабочие-сварщики автоматической и полуавтоматической сварки, наладчики сварочного оборудования, слесари-сборщики.

При поддержке министерства были приглашены на работу специалисты из Ангарска, Новосибирска, тульских и других предприятий. Для них срочно построили малосемейное общежитие – 5-этажный кирпичный дом № 20, а также целевым назначением заложили дома № 28 и № 29. Производственные и социальные проблемы тогда решались совместно, и это был тот «золотой ключик», который открывал самые потайные двери.

Среди приглашённых специалистов яркими фигурами, проявившими себя в последующем, стали главный инженер завода Бальцерейт Леонид Гельмарович, главный технолог Дударев Юрий Сергеевич, главный конструктор Ширманов Александр Дмитриевич, начальник производства Перемиловский Герман Григорьевич, главный сварщик Тимохин Валерий Сергеевич. Среди рабочих-мастеров выделялись такие специалисты, как электросварщики Л.П. Денисов, И.А. Серов, В.А. Зимин, наладчики сварочного оборудования Д. Склярук, В.Ф. Ритчер, слесари-сборщики Н.С. Стрельченко, В.Г. Бережной.

Этот далеко не полный перечень людей, собранных с многих родственных производств, свидетельствует об огромной работе кадровиков завода и треста. Можно представить, как и чем они прельщали нужных кандидатов (жильё, прописка, зарплата).

И Ю.И. Казакову, и Я.А. Кузнецову было ясно, что для запуска новых технологий необходим костяк инженеров и мастеров-рабочих, которые умеют это делать и быстро научат своих – доморощенных.

«От осинки не родятся апельсинки». Нужны наставники, за которыми естественным образом будет выстраиваться и вновь формируемый коллектив.

Всё удалось. Новые технологии быстро освоили, выросли собственные кадры заводчан – главный сварщик Н.Р. Костюшкин, инженер-электрик И.А. Терехов, технологи А.С. Хлынцев, Л.В. Казакова, Н.А. Ильина, инженер-конструктор Л.М. Махоткина.

Были приняты экстренные меры по устранению выявившихся узких мест нового завода. Срочно проведена новая железнодорожная ветка с развитыми путями, осуществлена полная реконструкция склада металла. Особое внимание уделили техническому перевооружению рабочих мест слесарей-сборщиков и электросварщиков.

Выполнили централизованную разводку на сварочные посты углекислого газа для полуавтоматической сварки, а также сжатого воздуха, кислорода и пропана для газовой резки.

Приобрели специальное оборудование для полуавтоматической сварки в среде углекислого газа и автоматической под слоем флюса.

Создали собственное конструкторское бюро, которое по чертежам заказчика стадии КМ (конструкции металлические) разрабатывало чертежи КМД – детализированные, с учётом имевшегося на заводских складах металла и действующей технологии.

Исполнителями были главный конструктор А.Д. Ширманов и конструкторы Э. Каминский, П. Дикалов, В. Денисова, В. Каширин.

Разработанные деталировочные чертежи направлялись в отдел подготовки производства (ОПП), где разрабатывалась технология изготовления отдельных деталей и в целом конструкций, а затем производился раскрой металла по копирам.

Позже в торце блока цехов был построен 2-пролётный заготовительный цех, оснащённый мощными гильотинными ножницами, листогибочным прессом, торцерезным и продольно-строгальным станками, газорезательной машиной. Этим цехом долгое время руководил В. Балашов, его сменил А. Васильев. Начальниками цеха, где производились сборка и сварка металлоконструкций и металлоформ, были Андрей Терентьевич Помазан и Сергей Егорович Ермаков.

Все эти мероприятия вкупе с постоянной работой по подготовке кадров позволили создать практически новое предприятие с широкими возможностями, перейти от ремесленничества к заводским технологиям. Производство металлоконструкций со временем выросло до 28 тысяч тонн в год.

Поначалу всё задумывалось для нужд подразделений «Гидромонтажа» с целью повышения производительности труда на основе укрупнённой сборки элементов заводской готовности, а также создания нестандартного оборудования и приспособлений, обеспечивающих скорый и качественный монтаж.

Однако вскоре 12-й Главк осознал, что он приобрёл, и стал выдавать заказы и для других своих трестов. Возникали споры – чей заказ важнее.

Перед Главком удалось отстоять выпуск сборно-разборных комплектов производственных зданий пролётом 12 метров с кран-балкой для базовых ремонтно-механических мастерских и заготовительных цехов всех участков, разворачиваемых на периферии. Эти базы стали типовыми и выгодно отличали гидромонтажников от коллег на разворачивающихся стройках.

Специалисты треста приезжали на точку, на зависть коллегам-строителям, как правило, с комплектом жилых вагончиков, устанавливали РММ, принимали технику и оснастку, которую хранили и обслуживали под крышей. Образовывался городок с подобающими условиями для жизни и работы.

3. Трубопроводы больших диаметров – любимый «конёк» треста

Ряд подразделений треста специализировались на прокладке трубопроводов большого диаметра, настолько большого, что они далеко выходили за принятые стандарты – металлурги их не катали. Так же, как и не существовало в природе элементов их соединения. Но то, что напридумывали проектировщики на атомных предприятиях, надо было исполнять. Приходилось соображать, как это сделать.

Вначале наладили изготовление фланцев, причём сразу по всей линейке – от 250 до 1500 мм и больше. Специально был сконструирован и изготовлен станок, который из стальных полос большого сечения навивал спирали.

Затем они разрезались на кольца, их рихтовали, а стык сваривали под слоем флюса. После обработки колец на токарных

и карусельных станках их сверлили по копирам. Готовые фланцы с нетерпением ждали на монтаже трубопроводов.

Постоянный поиск схем по нестандартному оборудованию вёл технический отдел треста. Целью была – максимальная механизация монтажа трубопроводов большого и сверхбольшого диаметра. Это установки для очистки и изоляции труб, центраторы для их стыковки и сварки, рольганги для подачи труб.

Этим занимались конструкторы ОГТ Алексей Степанович Кирный, Владлен Николаевич Успенский, Анатолий Степанович Шумов. Находясь постоянно в цехах, они по ходу сборки вносили необходимые коррективы. Следует отметить безусловный талант, светлую голову начальника ОГТ Вадима Викторовича Вальковского.

Особым случаем было изготовление труб диаметром 2000 мм, а затем и более для циркуляционных водоводов атомных станций, дюкеров для прохождения коммуникаций через многоводные реки, а также металлической облицовки при сооружении ускорителя в Протвино. В год изготавливалось до 2500 тонн нестандартного оборудования для строящихся атомных станций, 11 000 свинцовых контейнеров для хранения изотопов.

Можно представить всю глубину ответственности за качество работ и надёжность выпускаемых изделий. За авариями и доказанной виной следовала уголовная ответственность. Правда, за все годы выполнения подобных заказов никаких нареканий на качество, а тем паче, отказов техники по вине завода, не поступало.

Выполнялись заказы по изготовлению свинцовой защиты для строительной техники при ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. С заданием по установки этой защиты в Чернобыль направлялось более 20 человек, среди которых слесари В. Попов, В. Прокопов, А. Трусов, которых, к сожалению, уже нет в живых.

В 1969 году в состав нового блока цехов был введён корпус для ремонта строительной техники. Туда перебазировали оборудование из отдельного ремцеха на старой территории,

где уже имелись опытные кадры ремонтников и был освоен ремонт экскаваторов Э-652, тракторов С-100 и Т-130, трубоукладчиков, буровых станков. Изготавливались бары для рытья траншей в мёрзлых грунтах, оборудование для реактивно-турбинного бурения.

Начальником цеха долгое время был Николай Семёнович Балтрушевич, затем Н.Н. Андрияненков и А.Ф. Шибанов.

Цех № 1 выполнял заказы отдела гидромеханизации Треста «Гидромонтаж», которым долгое время руководил выдающийся специалист, заслуженный изобретатель РСФСР Степан Семёнович Кувшинов. Им давались задания в цех по изготовлению рабочих колёс, бронедисков, корпусов и крышек улит и фрез для земснарядов. Производились сборка новых земснарядов, монтаж насосов и изготовление станин с заменой, по указаниям Кувшинова, марок стали на более износостойкие, что давало существенное повышение производительности труда и долговечности гидроустановок.

4. «Есть, освоить новые виды продукции!»

Когда министерству потребовалось большое количество отопительных приборов, на Опытном заводе был организован цех по изготовлению отопительных конвекторов.

Впервые в Селятино появилось полуавтоматическое производство. Изготовление пластин конверторных агрегатов производилось вообще без участия человека. Были задействованы полуавтоматическая покрасочная и сушильная камеры.

Руководителем конвекторного участка назначили Веру Алексеевну Зайцеву. Большую роль в новом деле сыграл бригадир Николай Сергеевич Стрельченко.

Увеличение строительства жилья породило спрос на электрощиты, которые устанавливались в подъездах жилых домов на каждой лестничной площадке. В цехе № 3 наладили штамповку деталей щитов и их сборку, создали бригаду девушек-монтажниц электрической аппаратуры.

Главку это понравилось, и вскоре поступила команда наладить производство щитов и пультов управления для строящихся

средмашем химических комбинатов. Пришлось налаживать серийное производство.

На заводе осваивался выпуск гидравлических листогибочных станков и другого нестандартного технологического оборудования для монтажных предприятий треста. Наличие подобного оборудования на участках снимало массу текущих вопросов и существенно сокращало сроки производства работ.

В структуре завода организовали бюро инструментального хозяйства (БИХ), где изготавливались штампы и различные приспособления для механической обработки деталей и сборки готовых изделий. Здесь трудились высококвалифицированные слесари-инструментальщики и станочники В. Степочкин, В. Головченко, Н. Богомолов, В. Петров, И. Илюхин.

Изготавливались также различные детали и узлы для оборудования котельных. Детали для ремонта и обслуживания котлов ДКВР, а потом и ПТВМ в своей котельной по Союзу не искали, а изготавливали сами.

Одним из последних видов продукции, освоенных на Опытном заводе, были 25-кубовые алюминиевые ёмкости для пищевой и молочной продукции. Особенно трудно досталась технология сварки алюминия, что стало совершенно новым делом. Пришлось обратиться к авиастроителям и ракетчикам, подготовить 30 специалистов, выделить и оборудовать производственные площади. Большой личный вклад внёс в это дело главный инженер треста Сергей Фёдорович Береснев.

Завод служил тресту также поставщиком квалифицированных кадров. В прорабства и на участки МСУ-28, МСУ-24, МСУ-26 в длительные командировки ехали классные сварщики, слесари-сборщики, вальцовщики.

Ехали охотно, так как в таких командировках, в монтажных бригадах можно было значительно больше заработать. Возрастала также вероятность улучшения жилищных условий в Селятино.

Часто ездили Ю. Павлович, В. Малина, Л. Украинцев, газосварщик Хмелевский, токарь-расточник Бурыгин, вальцовщик

Соловьёв, который впоследствии стал лауреатом премии Совета Министров СССР.

В конце 1969 года Юрия Ивановича Казакова на посту директора завода сменил Виктор Кельманович Бодик, затем Кожин Семён Иванович, а с 1976 по 1984 год – Виктор Васильевич Машкович. Последним в этой плеяде ярких руководителей и творческих личностей стал Александр Иванович Науменко (1984–1995).

Главная заслуга этих людей – создание, при постоянной поддержке и опеке руководства треста и его служб, слаженного, работоспособного коллектива, нацеленного на поиск новых технологий, освоение новых направлений работ.

Для этого коллектива не существовало слов «не могу», когда заранее опускают руки – не наш, мол, профиль. Если трест или министерство формулируют то или иное задание, то в ответ идёт не нытьё, а разворачивается поиск путей решения. И, как правило, оно находится.

Трудно переоценить вклад Опытного завода в дело постоянного технического прогресса всего 20-тысячного треста, в рост объёмов выполняемых работ, их сложности, производительности труда.

Идея объединения строительно-монтажного производства с обслуживающими его нужды развитым заводским производством полностью себя оправдала. Заложенный в советский период заряд помог заводу выжить в разгромные девяностые и позже стать самостоятельной хозяйственной единицей.

Глава VII
ТЕХНИКА РЕШАЕТ ВСЁ

1. Подвижный резерв треста

Этот лозунг первых пятилеток, когда буквально вручную создавались индустриальные гиганты, остался актуален и сегодня.

В музее любого предприятия того периода вы увидите бережно сохраняемые фотографии – как их строили. Экскаваторы – большая редкость, в основном лопата, тачка и носилки. О подъёмных кранах и не слышали – кирпич доставлялся наверх цепочкой людей, с приспособлением за спиной, наподобие рюкзака, которые бегали с ним целый день по лесам. Вместо автомобилей – крестьянские грабарки в одну живую лошадиную силу. Как такими средствами подняли такую махину?!

Но за две пятилетки заводы построили, и они стали выдавать разнообразную технику. В 50-х перешли с военной на мирную продукцию, и в экономику пошёл поток машин, в том числе и строительная техника – экскаваторы, скреперы, грейдеры, бульдозеры, краны, путеукладчики, дизель-генераторы, мощные насосы и многое другое, разнообразных типов и мощностей – всё отечественного производства. Все эти «камацу», «катерпиллеры», «либхеры» появились гораздо позже, купленные за нефтедоллары.

Наша техника была достаточно надёжна, неприхотлива, ремонтопригодна, но требовала грамотной эксплуатации, своевременной профилактики. Раздавать её по строительным участкам, оставив без обслуживания, значило быстро угробить. Что и произошло с техникой МТС – машинотракторных станций, созданных для обслуживания колхозов, но разогнанных Хрущёвым, страдавшим, как чесоткой, реформаторским зудом. Он решил передать трактора и комбайны самим колхозникам, мечтая, что те будут использоваться эффективнее, но их тут же раскурочили и поставили под забор.

В средмаше руководили люди рациональные. Они понимали, что со сложными механизмами нужно обращаться на «Вы», и делать это должны специально обученные люди. Поэтому

собирали тяжёлую технику в специализированные подразделения, оснащённые ремонтной базой. Это были типовые УМиАТы – Управления механизации и автотранспорта. Эксплуатация и ремонт – «в одном стакане».

Такое подразделение было организовано и на селятинской площадке. Численность строительной техники и автотранспорта превышала 550 единиц, работающих – 1500 человек.

Министерство постоянно насыщало свои подразделения строительными машинами и автомобилями. А ремонтная база, различные приспособления, усовершенствования и дополнительные механизмы были на совести местных начальников.

Я.А. Кузнецов пришёл в п/я 646 зрелым руководителем, прошедшим школу на стройках Крайнего Севера, где не один год возглавлял отдел механизации строительства № 501. Отсюда, видимо, и его постоянное внимание к УМиАТу и спрос с его руководителей. И нужно сказать, что эта служба в тресте была налажена, работала исправно, умела выходить из любых передряг.

Огромное количество техники, сосредоточенное там, в том числе специальной, всегда с умом использовалось на площадках «Гидромонтажа» по всей стране.

Это был подвижный резерв треста, направляемый туда, где сложно, где требуется немедленное усиление. Как это бывало? На железнодорожные платформы на станции Селятино грузится и крепится по регламенту осмотренная и подготовленная к работе техника. Формируется бригада механизаторов, командированных по приказу, к ним добавляются специалисты из аппарата треста, умеющие оценить ситуацию на объекте, найти единственно верное инженерное решение. И вперёд – за тысячи километров!

2. Простаивать некогда

Помимо строительных механизмов и автомобилей для обслуживания площадок по всей стране, УМиАТом обеспечивалась жизнедеятельность посёлка Селятино. На этом специализировался участок № 3.

В его ведении были узел телефонной связи, инженерные сети, подача воды, тепла, газа, электроэнергии, эксплуатация очистных сооружений, а позже – лифтового хозяйства, а также внутрипоселковые автомобильные дороги, слаботочные сети.

Участок № 2 занимался прокладкой инженерных коммуникаций.

Участок механизации № 1 обеспечивал строительной техникой объекты МСУ-63 в Селятино и Наро-Фоминском районе, имел башенные и козловые краны, экскаваторы разных типов, бульдозеры, мотокатки и тракторные тележки, набор разнообразных строительных кранов на колёсном, гусеничном и автомобильном шасси.

Подобная техника в достаточном количестве поступала по фондам министерства. Насыщенность ею была гораздо выше, чем в среднем по стране в строительных организациях общего профиля.

Имелись квалифицированные специалисты по монтажу башенных кранов, ремонту и техническому обслуживанию механизмов. Действовала собственная служба по надзору за техническим состоянием кранового хозяйства.

Отдельные участки технадзора создали в Протвино, Дубне, Игналине, Жёлтых Водах.

Если с 1974 года в составе УМиАТа было 4 участка, то с 1983 – уже 6 подведомственных подразделений, в том числе гараж на Харабалинском и участок механизации на Семипалатинском ядерных полигонах для обслуживания буровых бригад МСУ-24.

3. Автобаза

Наиболее крупным подразделением УМиАТа всегда оставалась автобаза. Она располагала мастерской по техническому обслуживанию и ремонту автомобилей. Численность работников достигала 500 человек.

Автомобили были всех видов – бортовые, самосвалы, полуприцепы, малотоннажные, автобусы, легковые. Специально для ЖКО закупались мусоровозы, контейнерные машины, автопогрузчики. Отдел рабочего снабжения (ОРС) располагал

автофургонами, авторефрижераторами, хлебовозками. Медсанчасть № 48 так же, как и военный госпиталь, обеспечивалась автомобилями скорой помощи.

Такое разделение труда было характерно для средмаша. С одной стороны – всё своё, и для производства, и для жизнеобеспечения людей, с другой – довольно сложная техника сосредоточена в одних руках, опирается на надёжную техническую базу, позволяющую содержать её в должной кондиции, обеспечивать квалифицированными кадрами.

В 90-е, в период гайдаровских реформ, всю эту, работающую как часы систему, в угоду теоретическим схемам реформаторов с необыкновенной лёгкостью сломали. И жильё, и всю систему обслуживания стали срочно передавать от ведомств в муниципальные органы власти, не подготовленные ни с какой стороны для этого. И всё лишь ради того, чтобы у нас сразу же стало, «как у них».

Результат мы все видели. Потребовалось два десятка лет, чтобы выползти из разрухи.

Автобазу УМиАТа возглавляли в разные периоды В.И. Тарасов и А.М. Борисов. Последним начальником стал В.С. Самгородецкий. Коллектив, складывавшийся годами, отличался квалификацией и ответственностью за дело. Среди многих можно выделить лучших водителей: В. Зорькина, В. Самойлова, В. Мельникова, С. Ковалёва, В. Тетеренкова.

Подбор кадров осуществлялся тщательно. Дисциплина была жёсткой. Все водители перед выездом на линию проходили медицинский контроль.

И, тем не менее, случались ДТП со смертельным исходом. За подобное строго спрашивали с ответственных руководителей. Некоторые аварии рассматривались на уровне министерства, с серьёзным наказанием причастных.

Как рассказывает начальник УМиАТа Ю.А. Боуш, особенно тяжёлым в этом плане стал 1978 год. Тогда в ДТП погибло 8 человек, причём в одном из них сразу четверо.

Сам Боуш получил строгий выговор от начальника Главка, и, в свою очередь принял жёсткие меры к подчинённым, ответственным за данный случай.

Первым руководителем УМиАТа был Михаил Дмитриевич Подлесных, затем Русачков Вячеслав Михайлович, Кленников Александр Михайлович, Журавлёв Юрий Иванович, Боуш Юрий Александрович, Гробовенко Владимир Васильевич, Самгородецкий Виталий Сергеевич.

4. Построенное как предмет гордости

В апреле 1973 года на базе участка № 2 УМиАТа, занимавшегося прокладкой в Селятино наружных коммуникаций и монтажом внутренней сантехники, приказом по министерству создаётся МСУ-23[1]. Начальником назначается В.М. Русачков, главным инженером – В.И. Лиходиевский.

Под натиском всё возрастающего спроса на производство строительно-монтажных работ в растущей экономике пошёл процесс деления подразделений треста с образованием новых МСУ. Это соответствовало политике Славского по развитию министерства – не замыкаться на сугубо специфических задачах отрасли, а встраиваться в народно-хозяйственный механизм страны.

Вновь создаваемые подразделения без проблем брались за объекты местного значения, предлагаемые территориальными властями. С пониманием относились к развитию материально-технической базы совхозов и колхозов.

Примером могут служить объекты Наро-Фоминского района, такие как Кузнецовский свинооткормочный комплекс на 108 тысяч голов, мясокомбинат в Руднево, коттеджная деревня в Софьино, жильё и хозпостройки в совхозах Татищево, Первомайский, Верейский, Новый мир.

Трест «Гидромонтаж» внёс свой вклад в развитие района, где базировался, выполняя работы, помимо совхозов, и на строящемся в Наро-Фоминске домостроительном комбинате, и на объектах Всесоюзного института минерального сырья.

Большой объём по наружным коммуникациям и внутренней сантехнике выполнялся на стройках в Селятино. В эти

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1. Д. 01-01. Л. 46–47.

годы посёлок бурно рос, обзаводясь, помимо жилья, многими жизненно важными объектами – базой ОРСа, ГПТУ-71, спорткомплексом.

Одновременно в МСУ-23 шла внутренняя специализация, перенос трудоёмких работ под крышу цехов. Эту задачу решало отдельное прорабство, занимаясь изготовлением и комплектацией сантехнических заготовок, узлов, а также элементов вентиляции.

Руководил прорабством В.М. Черняев, мастер Г.В. Бирюков. Отлично работали классные специалисты Ф.Ф. Лейпи, И.И. Атрощенко, С.И. Кожуров, А.П. Калинкин.

В Протвино действовал участок № 2. Выполнялись работы на объектах института высоких энергий, ускорительно-накопительном комплексе «Протон», а также в Серпухове, Тарусе, Троицке и Климовске, на объектах микробиологии в городе Оболенске. Следует назвать прорабов Ф.М. Гореева, В.В. Бебихова, а также бригадиров и рабочих Н.И. Золкина, Н.Т. Глебова, П.А. Аржакова, А.Н. Липатова, Г.Ш. Фаизова, В.И. Якушева.

В Дубне находился участок № 3, им руководил Ю.Г. Матьков. Выполнялись работы в институте объединённых ядерных исследований, заводе «Тензор».

В 1976 году управлению поручили ответственные работы по коммуникациям на строящейся АЭС в Игналине в Литве. Начальником участка назначается А.А. Лунин, главным инженером – Ю. Паламарчук. Им предстояло на голом месте создать работоспособный коллектив, вооружить его необходимой техникой и оснасткой.

Но к тому времени у треста была наработана чёткая методика организации процесса. Рабочие и ИТР командировались с других строек – из Шевченко, Степногорска, Томска, Навои. Жили поначалу с семьями в вагончиках, как вспоминают, очень дружно – без жалоб и ссор, понимая, что это временно и трест о них позаботится.

Начали, как всегда, с базы стройиндустрии, подготовки подходов к площадке – устройства лежневых дорог, сланей и так далее по списку. Заметьте – к будущей атомной электростанции.

Об успешности создания работоспособного коллектива в Игналине говорит факт преобразования в 1980 году участка МСУ-23 в новое МСУ-105[1].

По той же схеме на строительстве Томского нефтеперерабатывающего комбината открывается участок № 6, которому поручили сооружение сбросного коллектора, монтаж оборудования насосной станции на реке Томь, монтаж технологического оборудования комплекса очистных сооружений.

5. Жить под боком у столицы надо заслужить!

МСУ-23 – плоть от плоти УМиАТа, всегда работало с ним в тесной связке. Об этом с теплотой вспоминают ветераны из обоих подразделений.

На отдалённых площадках было немало людей, которые никогда не бывали в тресте. Но все без исключения знали о Селятино. Знали, что где-то там, за тысячи километров, есть загадочное и волшебное место, что-то вроде мифической Шамбалы, где течёт совсем другая жизнь. Там находится могущественный трест, который всегда поможет и, если что, защитит. В тресте существовал золотой фонд специалистов – руководителей, инженеров, рабочих, которым дорожили, о котором заботились.

Эта забота выражалась в создании благоприятных условий для жизни, главным из которых оставалось жильё. И каждый надеялся – как и куда бы ни бросала его судьба, а рано или поздно, но и он осядет с семьёй в благословенном Подмосковье, с мягкой среднерусской природой, под боком у столицы, в прекрасном лесном посёлке.

Многие ветераны вспоминают, как получали жильё в Селятино. Все они знали перспективу, примерные сроки, и не было нужды обивать пороги у начальства и доказывать свои права. Они были заранее защищены.

Николай Тимофеевич Глебов, прославленный бригадир механомонтажников МСУ-26 и других подразделений, получал квартиру в Селятино дважды – вначале 2-комнатную, а с ростом

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1. Д. 01-01. Л. 99–100.

семьи – 3-комнатную. И оба раза ордер ему приносили на дом. Это был знак уважения, признания заслуг, привилегированного положения в коллективе. Тогда им обладали рабочие, сегодня чиновники.

Для обеспечения жильём в Селятино периферийных специалистов искали разные способы для преодоления препон в прописке. Не будем забывать, что речь шла о Московской области, где численность жителей подходила к 7 миллионам, и дальнейшее стягивание населения в столичный регион Правительство ограничивало пропиской.

Но лазейки были. Вообще-то нельзя, но если очень хочется – то можно! Наша извечная ментальная особенность.

Нашли закон, по которому приобретение квартиры в кооперативе давало прописку. Этим власти поощряли вкладывание собственных средств в жильё.

В 1969 году в Селятино был построен первый 129-квартирный кооперативный дом. Многие рабочие и специалисты хорошо зарабатывали и могли позволить себе отдать 7–8 тысяч рублей за 3-комнатную квартиру.

Но зато это не только облегчало прописку, но и снимало вопросы по отбору жилья от селятинских очередников. Давало право владеть второй квартирой, помимо служебной на месте работы. Можно было прописать в Селятино тёщу или детей-студентов, чувствовать себя уверенней в преддверии будущей пенсии.

Руководителем МСУ-23 в эти годы был В.И. Лиходиевский, а главным инженером Ю.В. Медведев. В 1980 году, когда Лиходиевский ушёл на выдвижение в Трест «Проммеханомонтаж», управление возглавил Ю.А. Канов.

Глава VIII
ТАК РАБОТАЛ ШТАБ

1. Отделы, службы и режим секретности

В 1966 году вошло в строй здание Управления треста – протяжённое, 4-этажное, без каких-либо намёков на архитектурные изыски. Тяжёлый прямоугольный брусок. Дело товарища Хрущёва жило и побеждало, хотя сам он уже 2 года как был снят с должности.

Но внутри здание было достаточно ёмким – более 3-х тысяч квадратных метров, с разумной планировкой. Широкие коридоры, просторные холлы, светлые комнаты, где помещались и проектировщики отдела главного технолога, и всегда кричащие в телефонные трубки инженеры производственно-диспетчерского отдела или главного механика.

Нашлись места для неплохой столовой, актового зала для больших совещаний, обширной технической библиотеки и архива.

Помимо традиционных отделов – планового, труда и заработной платы, сметно-договорного, кадров, главного механика, существовали специфические функциональные службы – главного технолога, гидромеханизации, главного сварщика, водолазной инспекции, укомплектованные классными специалистами.

На третьем этаже располагался «первый отдел» во главе с бессменным и милейшим Н.С. Садовым. Знаменит он был тем, что в период срочной службы в Кремлёвском полку стоял в почётном карауле у дверей Мавзолея, куда в период смены караула стекалось большое число зевак. Посажен был следить за соблюдением режима секретности исходящей деловой переписки, изучать кадры. Сам Николай Степанович слыл человеком общительным, позитивным и на «цербера» из спецслужб не походил, хотя дело своё знал и исполнял.

Следил, чтобы записи велись в специальной прошитой тетради, которая сдавалась на хранение. Здание треста охранялось, действовала пропускная система.

После 18-ти часов оно пустело. Временной разрыв в 3–4 часа (а то и больше) с периферийными подразделениями блокировал вечернюю связь, так что высиживать по кабинетам по вечерам не имело смысла. Москвичи сломя голову бежали в автобус, а местные, сыграв партийку в шахматы, тоже отправлялись по домам.

Режим секретности, строго соблюдаемый на предприятиях средмаша, играл свою роль. В условиях ожесточённой «холодной войны» он запутывал западные разведки, сворачивая их на неверные оценки. Когда в конце 80-х политика «общечеловеческих ценностей и европейского дома», придуманная Горбачёвым, реализовалась ввиде снятия режима секретности, американцы узнали много для себя нового и неприятного.

Кое о чём они даже не подозревали, делая неверные выводы. Зато поживились задаром или за жалкие подачки продажным людям прорывными технологиями, наработанными в советской оборонке.

Как это у нас бывает, тогдашние власти, дабы понравиться вчерашним противникам, шарахнулись в крайность, раздеваясь, как мазохисты, публично и догола. В ответ, естественно, не получили ничего подобного.

Закон «Джексона-Вэника»[1] продолжал исправно действовать до 2012 года, не давая нам доступа к высоким технологиям. Куда им не надо, наших не пускали.

Также они надули простачка Горбачёва и рубаху-парня Ельцина с «нерасширением НАТО на Восток» и выводом Группы российских войск в Германии в голое поле, в палатки, ограничившись улыбками и похлопыванием по плечу «хорошего парня».

Но кое-что мы всё-таки придержали, и прежде всего в ядерной сфере, как всегда, благодаря высочайшей ответственности конкретных людей – патриотов, истинных средмашевцев.

---

[1] **Поправка Джексона–Вэника** (англ. *Jackson–Vanik amendment*) – поправка 1974 года к Закону о торговле США, ограничивающая торговлю со странами, препятствующими эмиграции, а также нарушающими другие права человека. Предложена конгрессменами Генри Джексоном и Чарльзом Вэником. 21 ноября 2012 года действие поправки в отношении России было официально отменено конгрессом.

По американским оценкам и сейчас в области ядерного оружия и ядерной энергетики Россия находится на передовых позициях. Мы умеем нечто такое, чего не умеют они!

2. Высококлассные специалисты – богатство и гордость треста

В аппарате треста трудилось немало высококвалифицированных специалистов, штаб собирал лучших. Среди них конструкторы и технологи из отдела главного технолога (ОГТ), возглавляемого много лет великолепным инженером и производственником Вадимом Викторовичем Вальковским.

Отдел располагался в просторных и светлых комнатах на 4-м этаже, где стояли кульманы проектировщиков.

Его численность превышала 40 человек, а перечень сделанных проектов производства работ (ППР), среди которых есть подлинные инженерные шедевры, занял бы не одну страницу. Проектировались также производственные базы для подразделений, разрабатывались деталировочные чертежи стадии КМД, крупноузловая сборка при монтаже.

Учитывая многопрофильность выполняемых трестом работ, были созданы и укомплектованы специалистами целевые группы разработчиков: гидротехническая – В.С. Александровский, З.Н. Кудин, В.Д. Захаров, Д.Д. Ивашкин, механоконструкторская – В.Н. Успенский, А.С. Шумов, О.А. Чистяков, А.С. Кирный, санитарно-техническая – В.А. Пашкевич, Н.И. Цвиркун, В.М. Пащук, строительная – К.А. Закаржевский, О.М. Седаш, С.В. Козлов.

Со своими проектами они нередко отправлялись в командировки, где непосредственно участвовали в их реализации, а некоторые оставались на производстве, в том числе на руководящих должностях в подразделениях, поднимая уровень инженерного труда.

Специалистами ОГТ были получены многочисленные авторские свидетельства на изобретения, медали и дипломы Выставки достижений народного хозяйства, а В.Н. Успенский и А.С. Шумов удостоились звания «Изобретатель СССР».

При отделе функционировала обширная группа множительной техники и копирования (до 46 человек).

Сильные инженеры подобрались в отделе гидромеханизации. Помимо упоминавшегося С.С. Кувшинова, крупного специалиста в своём деле, следует вспомнить В.В. Стебелева и В.А. Муравьёва. На них руководство полностью полагалось в части эксплуатации земснарядов, гидромониторов и других механизмов и приспособлений, в том числе подводных, для ведения гидротехнических работ.

На высоком уровне удалось поставить сварочное дело. И не только на Опытном заводе, о чём уже шла речь. Не менее важным было держать марку при организации сварочных работ в полевых условиях. Ведь в тресте работало до 600 аттестованных сварщиков. Поэтому в штате присутствовало не совсем характерное для строительных организаций подразделение – отдел главного сварщика (ОГС).

Начальники ОГС в разное время – Р.А. Ханянц, В.Ф. Балтрушайтис, Г.А. Чернаков, В.А. Харунов. Чтобы руководить людьми, необходимо владеть лично этим непростым искусством. Отсюда – большое внимание обучению. Создавались сварочные лаборатории, учебные классы, снаряжённые по полной форме. Практиковалось присвоение звания «Инженер-сварщик», так же как, скажем, «Инженер-водолаз».

В эпицентре повседневной производственной текучки находился производственно-диспетчерский отдел. Утвердилась практика персонального курирования периферийных подразделений. Задача кураторов была достаточно проста – знать состояние дел, выполнение плана и целевых заданий, узких мест на текущей момент.

Сердцевиной этого знания было обеспечение материально-техническими ресурсами и кадрами. От куратора требовалось – дать, когда потребует начальство, объективную оценку руководящим кадрам, знать резерв на выдвижение. А для этого – регулярно бывать на местах, а в остальное время – на связи.

Как правило, это были люди достаточно опытные, уже «понюхавшие пороха». Среди них: В.М. Ледовский, Г.Г. Очаковский,

В.И. Лиходиевский, В.Е. Дикалов, В.В. Стеблев. В случае отставания создавалась спецбригада, которая могла месяцами сидеть на объекте, пока дело не наладится.

Неудивительно, что многие из них сами числились в резерве, и, когда требовала обстановка, заменяли несправившихся либо переведённых на другие участки работы руководителей МСУ.

В разное время руководителями производственного отдела были Р.К. Русалкин, Б.Я. Савченко, П.Г. Рудаков, В.В. Лукьяненко – опытные производственники.

Важную исследовательскую работу проводили Нормативно-исследовательская станция (НИС) и лаборатория экономического анализа (Я.Г. Штурман, В.М. Шаврин, А.В. Колесов, А.П. Клишин).

Функции заказчика по собственным объектам (производственной базы, жилым, социальным) на селятинской площадке выполнял отдел капитального строительства (ОКС), которым руководили В.Н. Скворцов, Д.Д. Ивашкин, В.М. Пономаренко.

Много лет и с большой пользой для треста проработала старший юрист Крестинская Людмила Ивановна.

Особняком, как неприступная крепость, стояла центральная бухгалтерия. Всем службам треста и руководителям подразделений была хорошо известна сухопарая фигура человека с аскетичным лицом, в очках с большими диоптриями – заместителя главного бухгалтера Ивана Александровича Веселова, имевшего негласное звание «Железный Феликс».

Разнообразные просители слышали от него чаще всего два слова – «не положено». Трестовские закрома были под надёжным замком. Шарма его неприступной личности добавляла общественная нагрузка – секретаря парторганизации аппарата треста. С таким не забалуешь! Облечённый столь большой ответственностью, он всегда был суров и неулыбчив.

Сам главный бухгалтер Николай Лукьянович Толстов был как солнце – с барственной осанкой, яснолик и недоступен. К нему сложнее было попасть, чем к Кузнецову, так как приходилось проходить чистилище у «Железного Феликса». К такому подойти страшно, не то что денег просить…

В министерстве должность главного бухгалтера котировалась высоко, была его номенклатурой наравне с начальником и главным инженером треста.

Считалось, что главбух является некой страховкой против горячих и порой скоропалительных решений первого руководителя, диктуемых производственной обстановкой. Хотя Я.А. Кузнецов, обладавший первой подписью под финансовыми документами, имел право, в случае несогласия бухгалтера, поставить за него второй раз свою подпись, и платёж проходил. Но это было бы экстраординарное событие, а спокойный и выдержанный Яков Андреевич к такому насилию не прибегал. Н.Л. Толстов дело своё вёл надёжно.

Нужным подразделением треста стала центральная лаборатория (ЦЛ). В разное время её возглавляли С.А. Каплин, В.Н. Космодамианский, В.Ф. Балтрушайтис, но наибольший след и добрую память оставила Флора Петровна Шахназарова.

Лаборатория со временем была укомплектована всем необходимым оборудованием и стала важным звеном службы главного инженера треста, его контрольным органом. Всегда действовало правило: «Доверяй, но проверяй!»

Особое внимание уделялось контролю сварочных швов с использованием самых передовых методов, включая радиоактивные изотопы. На этом направлении больших проблем не случалось. Организовывали лаборатории сварных соединений в подразделениях треста и на магистральных трубопроводах. Были заказаны гамма-аппараты в объединении «Изотоп», строились ампулохранилища, обучались люди на курсах НИИ сварочных технологий.

Выявленный в ходе тотального контроля брак не только исправлялся, но всегда следовал подробный анализ возможности его появления. Что немедленно пресекалось.

В 1974 году ЦЛ обретает новое помещение и доукомплектовывается исследовательским оборудованием. Проводится широкий комплекс физико-механических и химических исследований применяемых материалов, образцов сварки на металлографию, ультразвук, магнитографию.

Велись лабораторные исследования на соответствие заявленным сертификатам изоляционных и лакокрасочных изделий, ацетилена, аккумуляторной кислоты, растворов, бетонов, арматуры, труб и металлопроката.

В значительной степени этот контроль ужесточился после неприятного инцидента, происшедшего на Опытном заводе. В 1970 году неожиданно выявилась проблема с уже установленными металлоконструкциями на Калужском турбинном заводе.

Оказалось, что при изготовлении конструкций на Опытном заводе была допущена пересортица металла, потенциально опасная для их разрушения. Дело в том, что перепутали сталь марки КП (кипящую по условиям раскисления при плавке) и марки ПС (спокойную). Это вело к явлению «хладноломкости» металла при низких температурах и обрушению всей конструкции. Подобные факты в народном хозяйстве уже бывали – с человеческими жертвами и посадкой виновных за решётку.

В тресте случился большой переполох. Срочно организовали проверку всех элементов ферм и колонн с помощью высверливания образцов для спектрального анализа. На первом плане оказалась центральная лаборатория. Что могли, делали сами, а что нет – везли в НИКИМТ. Тогда полного комплекта лабораторного оборудования ещё не было.

Несоответствующие детали выявили, «сдули» газосваркой и заменили на надёжные. Большая, незапланированная работа, перерасход материалов, убытки. Виновных наказали, но главное – разработали проект реконструкции самого завода.

Как всегда, «дьявол скрывался в деталях» – в отсутствии порядка в приёмке поступающего металла на склад и его подачи в цеха. В короткие сроки построили заготовительный цех с двумя 24-метровыми пролётами и мостовыми кранами, закрытый склад металла, эстакаду готовой продукции, ремонтный цех также с пролётом 24 метра. Больше подобных проколов никогда не бывало.

Ф.П. Шахназарова проработала в тресте 25 лет, продолжая каждый день ездить на электричке и после того, как мужа перевели в Москву и они переехали на новое место жительства.

Она называет своих соратников: М.И. Крылова, Л.В. Колесников, Г.Г. Клочкова, Э.П. Шнель, В.И. Шарко, А.К. Кондеев, В.М. Романов.

3. Картинки тех времён

Специалисты треста подолгу не засиживались в уютных кабинетах. Обычной практикой было оперативное комплектование командировочных бригад или отправка одиночных специалистов для помощи в разрешении возникающих производственных коллизий.

Они выполняли не столько роль «царёва ока» или «толкачей», сколько, засучив рукава, влезали в гущу возникших проблем. Когда припекало, чертежи, разработанные ОГТ, так же как и остро необходимые запчасти, переправляли самолётами.

Нужно сказать, что спрос за порученное дело в «Гидромонтаже» всегда был жёсткий. Если тебе даны права руководить людьми – будь добр отвечать за результаты. Какие-то частности, взаимоотношения, ссоры начальство не интересовали – или ты можешь организовать слаженную работу людей, или «до свиданья».

Несколько картинок из той жизни. Как-то Д.Д. Ивашкин зашёл в кабинет к Якову Андреевичу, а там сидит Р.С. Гамзатов (начальник МСУ-24), и Я.А. Кузнецов его ругает: «Я тебя однажды так отделаю!» Для уравновешенного Кузнецова это была высшая степень неудовольствия. Тот сидит весь красный. А дело в том, что начальник крупного подразделения, за которым мощный коллектив буровиков и многие десятки единиц сложной и дорогостоящей техники, не озаботился укрыть её в помещения. «Ты не можешь ждать, когда этим озаботится начальство сверху. Зачем ты тогда нужен?»

Рассказывает Филипп Тимофеевич Филоненко, в 1961 году инженер отдела главного механика о своей командировке:

Я.А. Кузнецов приехал из министерства. Почти 20 минут объяснял, какие задачи нам предстоит выполнить в командировке в городе Заозёрный. Подробно объяснял каждому, на что надо обратить внимание. В конце беседы спросил: «Всё ясно?» Далее сказал, что уже дал соответствующие указания отделу кадров

и бухгалтерии. И закончил: «Идите, получайте командировочные деньги, и чтоб завтра вы улетели».

Примерно через две минуты молчания З.Н. Кудин (работник техотдела) обратился к Я.А. Кузнецову и начал загибать пальцы: «По плану отдела я должен закончить проект», второй палец загибает: «До такого-то числа я должен составить план работы отдела». Начал загибать третий палец, и тут Яков Андреевич (я его знаю давно, он не любит возражений) сказал: «Товарищ Кудин, я этот отдел создал, я его могу и ликвидировать».

Нажал кнопку вызова секретаря и попросил пригласить В.В. Вальковского. Кузнецов сказал ему: «Сегодня же освободите товарища Кудина от всех его обязанностей в отделе, потому что он завтра уезжает в Заозёрку».

Я, естественно, тоже имел задачи по плану работы отдела, но об этом помалкивал, но как мне сказать Якову Андреевичу, что я избран председателем участковой избирательной комиссии?

И всё же я решился и сказал. Яков Андреевич так изменился в лице, я его даже на Севере таким не видел. Он лично пригласил секретаря партийного бюро и сказал: «Чтобы до конца рабочего дня (оставалось 2,5 часа) на столе у меня лежал протокол о переизбрании председателя участковой избирательной комиссии. Что, у нас в управлении мало работников, не связанных с производством?»

На следующий день ночным рейсом мы все улетели в Красноярск, а затем поездом добрались до станции Зима.

Но бывало, и сам Я.А. Кузнецов попадал под каток начальственного гнева. В 1959 году на строительстве ангарских водоводов он был ещё в звании майора. На объект прибыл первый замминистра Чурин, человек жёсткий, бериевской школы, в недавнем прошлом – директор атомного комбината. Очевидцы рассказывают, что он отозвал Якова Андреевича в сторону и что-то ему сказал.

Тот вернулся от него «весь красный, взлохмаченный и сильно озабоченный». Успокоившись, передал разговор с замминистра: «Если не сдашь объект вовремя, то не видать тебе не только подполковничьих, но и майорских погон!»

Можно вспомнить другой эпизод, где Трест «Гидромонтаж» и его начальник были обвинены уже другим заместителем Министра в «инженерном бандитизме» и чуть было не попали под уголовное преследование.

Суть в следующем. В Краснокаменске (Читинская область) нашли богатое месторождение урана. Необходимо было построить рудники, горно-обогатительную фабрику и город. В опережающем порядке требуются большие объёмы воды.

Георгиевский Пётр Константинович

Рядом, в 28 километрах, граница с Китаем по полноводной реке Аргунь. Идёт 1969 год. Недавно случился вооружённый конфликт на острове Даманский с кровопролитием и жертвами с обеих сторон. Отношения между странами до предела накалены, и не хотелось бы их дополнительно провоцировать крупными строительными работами по забору воды из общей реки.

На стройку, которую ведёт МСУ-28, прилетает заместитель министра П.К. Георгиевский с целью рассмотреть варианты скрытного проведения работ. Можно предположить, что это было поручение Е.П. Славского, в свою очередь накрученного в «инстанции», как тогда в обиходе называли ЦК КПСС.

На совещании присутствуют Я.А. Кузнецов, зам. главного инженера «Промниипроекта» Маслов. Докладывает А.М. Уланов – начальник МСУ-28, о развороте работ по насосной станции:

– *Не хватает 3-х тысяч киловатт электроэнергии для водоотливных насосов, – завершает он доклад.*

– Какие насосы, для чего? – вскидывается П.К. Георгиевский.

– Для водопонижения грунтовых вод! У меня на 4-х водопонизительных установках работают насосы производительностью по 300 кубометров в час, – отвечает Уланов.

Георгиевский поворачивается к проектировщикам.

– Грунты там сухие, насосы не требуются. Трест «Гидромонтаж» даёт дезинформацию, – докладывает Маслов.

«Пётр Константинович разозлился, – рассказывал позже Я.А. Кузнецов. Говорит мне: – Чего ты мне мозги тут пудришь? – Я аж побелел и позеленел, потому что лично там ещё не был. – А вдруг он прав?»

П.К. Георгиевский обвинил трест в «инженерном бандитизме» и назначил служебное расследование с задачей найти виновных и наказать в уголовном порядке.

При детальном разборе выяснилось, что проектировщики ошиблись, сориентировались не на те рабочие изыскания геологов. Это было официально признано, да к тому же и объём грунтовой воды в котловане говорил сам за себя. Нужно докладывать начальству.

Дальше слово Д.Д. Ивашкину, участнику этого доклада:

Яков Андреевич звонит А.С. Пономарёву – начальнику Главка. Рассказывает ему, как на самом деле всё было.

– Давайте докладывать Петру Константиновичу!

И вот нас вызывают на совещание – мы с Вальковским, Яков Андреевич с Бересневым. А у П.К. Георгиевского в кабинете длинный-длинный стол, мы с Вальковским сидим, как провинившиеся, в конце.

– Ну что, бандиты, как будете докладывать? – говорит он.

Яков Андреевич молчит. А Александр Сергеевич Пономарёв был страшный матершинник. Предварительно он соответствующим образом выразился в адрес проектировщиков.

– Зачем вы так, Пётр Константинович! Вот он и есть бандит! – и показывает на Маслова. А рядом с ним сидит Кораблинов, директор института. Он поднимается: «Извините нас, мы вам неправильно доложили…»

Мы обратили внимание на П.К. Георгиевского. Говорили, что он никогда не возмущался, не матерился, но когда нервничал, начинал свистеть. Он зачем-то полез под стол, что-то там открыл, закрыл, потом говорит: «Ну как же так, вы мне полгода голову морочили?»

На этом вроде закончилось. Тут А.С. Пономарёв высказался уже в адрес Кораблинова: «Ты, старая …, ты куда смотрел, почему так докладывал?»

Затем началась вторая часть – о скрытности работ. Можно спрятаться за сопки, но они в 300-х метрах от уреза воды. Мы дали предложение проложить две трубы по 1600 мм методом продавливания. Эту схему в деталях разработали. Но всё равно ковшевой водозабор надо делать, и расчистку, и подходы. В итоге, с нами не согласились, и мы всё сделали открытым способом. Без всяких последствий со стороны китайцев.

Приезд на объект высокого начальства из Министерства или Главка имел двоякий смысл для руководства треста. Было необходимо встречать, сопровождать, для чего вылетать заранее, чтобы войти в курс дела.

Это забирало время и нарушало собственные планы. Но такие визиты не только будоражили нервную систему – от них была и практическая отдача. Так было заведено самим министром. Этого он требовал и от своих заместителей и начальников главков. Главной целью инспекторской поездки он считал снятие накопившихся заторов, межведомственных и межотраслевых, на что не хватало полномочий на местах.

Но и, конечно, острастка нерадивых, оценка кадров, общего настроя. А память у Ефима Павловича Славского была феноменальная. Он помнил и людей, и конкретные факты, и лучше было с ним не ловчить.

4. Ракета «Гидромонтажа» включает вторую ступень

1966 год ознаменовался рядом важных для формирующегося треста событий – разделением п/я 7, преемника п/я 1605,

на новые предприятия – МСУ-24, МСУ-28, МСУ-63[1]. Образован Опытный завод. Аппарат треста переехал в новое здание в посёлок Селятино. Создана на новом месте материальная и техническая базы.

Предприятие п/я 646 получает открытое наименование – Трест «Гидромонтаж» и новое штатное расписание по аппарату. Закрытый адрес теперь – п/я М-5095[2]. Для того, видимо, чтобы ЦРУ вспотело идентифицировать, что это – новое образование или старое с новой вывеской. Такую работу им постоянно подкидывали.

Я.А. Кузнецов всегда придавал значение надёжной связи, как залогу управляемости всем хозяйством.

Одним из первых шагов после переселения на площадку Селятино стало строительство собственной АТС на 200 номеров (из них 100 – московских). Через московскую городскую АТС выход на свои объекты по стране более надёжен и скор.

Для этого, не дожидаясь милости от Минсвязи, сами, засучив рукава, проложили в столицу 100-парный кабель. Позже АТС расширят до 1000 номеров, а московские номера удвоят. Их будут ставить даже на квартирах.

Сегодня бы сказали – непрофильные активы, отвлечение сил. Но оно того стоило! Всяко лучше, чем содержать футбольные команды и платить заезжим звёздам и тренерам миллионы евро.

Ракета «Гидромонтажа», отработав первую ступень, включала вторую. Темпы роста экономики требовали новых возможностей от строителей. СССР развивался ещё без всякой зависимости от нефтяной конъюнктуры. И развивался быстро.

В составе п/я 7 уже несколько лет функционирует СМУ-28, занимавшееся спецработами и располагавшее квалифицированными кадрами. Действовали его специализированные участки в Селятино и в Серпухово. На их основе и образовали МСУ-28[3]. Первым его начальником назначается Ханянц Рафик Оганезович, главным инженером – Н.К. Либо.

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 164–166.
[2] Там же. Оп. 1с. Д. 31. Л. 95.
[3] Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 30.

Буровики, сосредоточившиеся в МСУ-24, имели десятилетнюю родословную ещё в составе п/я 1096. С них, так же как и с гидротехников, начинался трест.

Руководству министерства было ясно ещё в начале пути, что при возведении уникальных атомных заводов придётся встретиться со спецификой гидротехнических, подводно-технических и буровых работ. Они потребуют подготовленных кадров, высокой инженерной культуры, специальной техники и оснастки. И жалеть денег, экономить на этом негоже.

Базовые трестовские подразделения отправляются в самостоятельное плавание. Они скоро выйдут на существенно более высокий технологический уровень, станут признанными спецами. Если что-то горело по срокам со спецработами, начальники строек просили министра: «Дайте нам „Гидромонтаж“!»

Справедливо говорят – руководить, значит предвидеть. Одной из сильнейших сторон Е.П. Славского было умение предвидеть. Это стало залогом строительства мощной и сбалансированной отрасли.

Характерна его реакция после осмотра разрушенного 4-го блока Чернобыльской АЭС. «Это нужно было предвидеть, передавая АЭС от нас в Минэнерго, – махнул он рукой. – Для нас на первом месте всегда были физики, надёжность реактора, а для них электрики и киловатты».

К концу 70-х Трест «Гидромонтаж» и вся селятинская площадка выросли настолько, что встал вопрос о строительстве нового здания треста, а старое использовать как инженерный корпус для подведомственных подразделений. В новый семиэтажный офис аппарат треста переехал в 1980 году, а в старом здании разместились МСУ-24 и Трест «Оргтехмонтаж».

Глава IX
СПЕЦНАЗ 12-го ГЛАВКА

1. ЭПРОН как предтеча

В 1955 году, формируя будущий специализированный Трест «Гидромонтаж», Минсредмаш по-хозяйски вобрал в себя лучшее, что было на то время в части подводно-технических работ – ЭПРОН (экспедицию подводных работ особого назначения).

Об этой легендарной организации, ставшей предтечей подводно-технической службы 12-го Монтажного главка, исполнявшей впоследствии роль своеобразного спецназа для особых поручений, следует сказать отдельно. Её история овеяна романтикой, обросла мифами. По некоторым из них историки спорят до сих пор.

Рождение ЭПРОНа относят к 1923 году, когда энтузиаст-одиночка Владимир Сергеевич Языков пришёл в ОГПУ с предложением организовать поисковую операцию на месте гибели во время урагана на Балаклавском рейде английского парового фрегата «Чёрный принц» в годы Крымской войны.

Ещё в конце XIX века пытались отыскать его следы, поскольку было известно, что вместе с почтой и рождественскими подарками «Чёрный принц» вёз жалованье за полгода для всей английской армии.

Под давлением общества правительство Его Величества решило поддержать бойцов, воевавших уже не первый месяц в жесточайших условиях наступающей зимы, упорства русских, больших потерь и массовых болезней.

Банкиры Лондонского Сити скинулись и отправили на фронт кругленькую сумму золотом. Правда, официальный Лондон молчит по сей день – и по поводу суммы, и по поводу золота как такового. Однако есть косвенные подтверждения тому, что золото было, о чём свидетельствовали найденные на дне в месте утопления корабля несколько золотых соверенов чеканки начала XIX века.

Как не удивительно, Языкову удалось убедить заместителя председателя ОГПУ Ягоду, и экспедиция, не глядя на скудость

тогдашних ресурсов, была организована. Правда, как сообщалось, безрезультатно.

Поднятый вокруг английского золота шум привлёк вездесущих японцев. В 1927 году они заключили договор на подводные работы на выгодных Советскому Союзу условиях. К тому времени эта островная нация обладала сильной водолазной службой, оснащённой передовым оборудованием. За плечами был подъём русских броненосцев, затопленных в Порт-Артурской гавани в период русско-японской войны, крейсера «Варяг» на рейде Чемульпо, обслуживание подводных частей растущего императорского флота.

Несколько месяцев японцы рылись в иле и камнях на глубине 60 метров, но золота не нашли. Правда, обнаружился интересный факт – если носовая часть и корма корабля как-то сохранились, то средней части просто не существовало.

У сынов страны «Восходящего солнца» сложилось подозрение, что кто-то до них там уже копал и что русские их просто «кинули». С этим нехорошим чувством они убрались восвояси, и тема была закрыта. Но у мировой общественности осадок остался.

Уже в 2000-х годах в средствах информации появилась сенсационная, якобы подкреплённая некоторыми косвенными фактами версия, что английские соверены советскими водолазами были всё-таки найдены. Их переплавили в слитки и без излишней огласки пустили в дело – закупили в Америке по упавшим ценам жесточайшего кризиса начала 30-х годов оборудование для первенцев сталинских пятилеток – Горьковского автозавода, Сталинградского тракторного и Днепрогэса.

Признать, что английское золото послужило Советам, – для благородных лордов хуже оскорбления. Тем более, когда считаешь себя победителем в севастопольской эпопее, где сложили голову цвет британского офицерства и аристократической молодёжи. Отсюда и отстранённость официальных лиц – было ль, не было ли!

Так или иначе, но проведённые в 20-х поисковые работы дали сильный импульс развитию ЭПРОНа. К концу 30-х там трудилось до 3000 высококлассных специалистов, из которых более 600 были водолазами. Ими были установлены выдающиеся

мировые достижения. Всего ЭПРОНом было поднято 1920 судов и боевых кораблей, общим тоннажем свыше миллиона тонн. Проведены уникальные подводные операции, которые были не по плечу никому в мире.

После Великой Отечественной войны большая часть личного состава ЭПРОНа осталась служить в Военно-Морском Флоте. Но сохранилась и гражданская часть – она-то и была передана в Минсредмаш.

В период разворота работ на строительстве плутониевых реакторов на площадке будущего Челябинска-40 – ныне города Озёрска, в конце 40-х годов управлению строительством передаётся 12-й экспедиционный отряд подводно-технических работ Главного военно-речного управления.

Юрий Николаевич Елфимов, проработавший на «Маяке» более 30 лет, вспоминает в своей книге:

Летом 1947 года для форсирования работ по первому водозабору на площадку прибыла большая группа водолазов во главе с Павлом Ароновичем Керцманом. С эпроновцами гидромеханизаторы не только вместе работали, но и жили в одном бараке на промплощадке. А подразделение, как самостоятельный коллектив ЭПРОНа, оформилось окончательно после завершения работ по водозабору.

Так и получилось, что во вновь образованном подразделении объединились не только водолазы-строители и водолазы-монтажники, но и специалисты, рабочие и ИТР, которые имели дело с земснарядами и гидромониторами, дренажными системами и водопонизительными установками, буровыми станками и монтажом труб, целым рядом других работ специального назначения.

С этого времени просматривается фигура П.А. Керцмана – с 1956 года главного инженера Треста «Гидромонтаж» и соратника Я.А. Кузнецова.

В 1956 году Главное военно-речное управление было упразднено, а кадровый состав, включая водолазов, откомандирован в 12-й Монтажный главк Минсредмаша в лице п/я 646. Всем военнослужащим сохранили погоны.

В феврале 1964 года приказом министра в составе п/я 646 создаётся водолазная инспекция, объединившая весь личный состав водолазов на площадках средмаша. Такой подход позволил углублять специализацию за счёт внедрения передовых технологий, подготовки и переподготовки кадров, обеспечения специальной техникой и средствами проведения водолазных работ, охраны труда. Трест «Гидромонтаж» становится монополистом по проведению подводно-технических работ в министерстве.

Одним из первых серьёзных объектов, выполненных трестом, было строительство ковшового водозабора на реке Томь в городе Томск-7, где создавался мощный оружейный центр с 5-ю большими уран-графитовыми реакторами, нарабатывавшими плутоний, а также с диффузионным заводом.

Водозабор вместе со строящейся насосной станцией должен был решить задачу подачи воды для охлаждения атомных реакторов. Работы выполнялись силами участка подводно-технических работ, образованного на предприятии п/я 646. Понятно, что сроки контролировались на самом верху.

Шёл 1959 год. Бешеная гонка атомных вооружений, отстать – смерти подобно. Поэтому на объекте постоянно находились главный водолазный специалист капитан 2-го ранга М.Д. Булынко и главный инженер треста П.А. Керцман. Далее рассказывает Владилен Андреевич, принявший там своё сибирское крещение:

Прибыли мы на это предприятие в январе 1959 года вместе с А.М. Улановым после окончания ВИТУ МВФ в Ленинграде. Стоял сибирский мороз, и пока мы, два молодых лейтенанта в лёгких ботинках и шинелях, добрались до конторы, изрядно замёрзли. Начальник предприятия М.И. Бондаренко, посмотрев на нас, вызвал своего заместителя и приказал выдать нам полушубки и валенки.

Участок подводно-технических работ, куда мы были направлены, возглавлял Н.Ф. Руссов. Сам ковш был разработан земснарядами. Коллективу участка предстояло уложить дно и откосы ковша железобетонными плитами по каменной постели. Для выполнения этих работ на участке были собраны все водолазы треста в количестве 17 водолазных станций, состоящих из 51 водолаза.

Это была незабываемая картина. На сравнительно небольшой площади ковша стояли 17 будок с печным отоплением, где водолазы надевали снаряжение, обогревались и держали телефонную связь с водолазом, работающим под водой.

Светиков Владилен Андреевич

У каждой будки в полутораметровом льду военными строителями вырубались майны для спуска водолазов, подачи бутового камня и сборного железобетона. У каждой майны стоял автокран К-51 на базе МАЗа. По временным ледовым дорогам беспрерывно шли автосамосвалы с бутовым камнем и железобетонными изделиями. Работа велась круглосуточно и была выполнена в установленные сроки.

Для подобных целей в составе треста и было сформировано целое специализированное подразделение – МСУ-28, использовавшееся министерством, по характеристике В.А. Светикова, как «скорая помощь» или «пожарная команда».

Он знает, что говорит, так как отработал здесь с лейтенанта до полковника, в том числе 17 лет начальником предприятия. На собственном опыте прочувствовал, что такое авральные, круглосуточные работы на участках, где срыв или отставание совершили другие, неосмотрительно допущенные к не вполне понятной для них работе.

На первый взгляд, даже битым производственникам, получив экстренный приказ, казалось – «миссия невыполнима». Но слова «нет» в обиходе не было, а богатый опыт, инженерная смекалка, высокая квалификация и самоотверженность людей, как правило, выручали. Решение находилось.

Так и на строительстве завода по переработке ТВЭЛов в Красноярске-44, и на строительстве химкомбината по производству поливинилхлорида в г. Зима.

На этом объекте в узком коридоре между производственными корпусами силами заключённых без должного контроля были вырыты глубокие траншеи, в которые уложили плети трубопроводов, не сварив их должным образом в общую нитку, не опрессовав. Траншею закопали и отчитались. В последующем, когда дали воду, этот узкий коридор сильно обводнился.

Очковтирательство вскрылось, а устранять брак начальство кинуло МСУ-28, его зиминский участок.

Когда траншею снова раскопали, она тут же заполнилась водой. В этих условиях, в воде и грязи, монтажники укладывали трубы, стыковали их с ранее уложенными, а электросварщики буквально ложились в грязь при сварке потолочного шва.

Начальник стройки нервничал и до самого конца не верил в успех, ожидая со дня на день приезда комиссии из министерства во главе с замминистра А.Н. Усановым и громы и молнии на свою голову. Но гидромонтажники и здесь не подвели – аварийные трубопроводы были восстановлены и прошли опрессовку, не сорвав сроков.

Оригинальное инженерное решение было применено при строительстве насосной станции водозабора на Байкале при строительстве Байкальского ЦБК. Его продукцией, помимо высокопрочного корда для авиапрома, должна была стать «белёная целлюлоза», идущая на изготовление высокоэнергетических порохов для твёрдотопливных ракет. Объект был под контролем оборонного отдела ЦК КПСС и лично министра. Установленные сроки – святое!

Устройство котлована с последующим бетонированием остановил сильный приток грунтовых вод, с которым не справлялось никакое водопонижение. Изменение проекта с применением заморозки грунта срывало сроки. И тогда решили не ломиться напролом, а использовать приток воды как союзника.

Гидротехническая группа ОГТ (отдел главного технолога) разработала технологию «плавающего стакана». На заводе

А.М. Уланов, В.И. Солопко, М.Н. Гуменюк

изготовили детали «стакана» диаметром 12 метров, доставили на место и после сборки опустили в заполненный водой котлован. По мере бетонирования днища, стакан постепенно погружался в воду, вытесняя её, пока не оказался на основании, уже подготовленном водолазами. Производством работ руководил А.М. Уланов, сроки были выдержаны.

Что-то похожее применили и на Чёрном море при строительстве волнолома. Предложили строить его из пустотелых коробов, чтобы придать им плавучесть. Короба изготавливались на прибрежном полигоне в 10 километрах по морю. 40-тонные изделия спускались лебёдками по устроенному слипу на воду и буксировались к месту установки катерами. Внутри «кораблика» сидел человек, отчерпывающий перехлёстывающую через борт воду.

С помощью водолазов короба устанавливались на заранее подготовленную постель. Таким образом смонтировали весь волнолом без всяких кранов. Затем короба заливались бетоном методом подводного бетонирования.

Технологически сложной оказалась прокладка туннеля через канал имени Москвы в районе Химок для теплофикации города и завода «Энергомаш», строившего тяжёлые ракетоносители «Протон».

Проект производства работ (ППР) снова разработала гидротехническая группа ОГТ под руководством Д.Д. Ивашкина. Сложность была в том, что диаметр туннеля составлял 2700 мм, а на перекрытие судоходства по каналу давали «окно» не более 3-х часов.

Технология работ была следующая: скреперной ковшовой установкой с мощными лебёдками разрабатывалась подводная траншея глубиной до 4-х метров. Одновременно на берегу собирали секции трубопровода заводского изготовления. После всех контрольных проверок готовая «нитка» со специально построенного стапеля была спущена на воду и вытянулась вдоль канала, не перекрывая судоходства.

В траншее, доработанной водолазами, было устроено щебёночное основание. В назначенное время буксиры развернули «нитку» поперёк течения и, заполняя водой, затопили таким образом, что она точно легла в траншею. Затем её прижали пригрузами, а гидромониторами «замыли», уложившись минута в минуту, в отведённые 3 часа. Воду затем откачали, туннель осушили – и, пожалуйста, прокладывайте любые коммуникации, можно не только свободно ходить, но и ездить.

2. Три поколения асов водолазного дела

Труд водолаза специфичен. Он требует отменного здоровья, отточенных навыков, уравновешенного характера и исключительно высокой ответственности.

Всегда существует опасность: по какой-либо причине передавить шланг воздухоподачи или при монтаже металлоконструкций повредить скафандр.

Переохлаждение, утомление, стресс, да и просто внутреннее беспокойство чреваты потерей сознания под водой. Поэтому – предельное внимание, собранность и ежеминутный контроль на поверхности.

Водолаз МСУ-28 Колесник Иван Павлович
готов к работе по стыковке труб для водовыпуска (г. Кохтла-Ярве)

Водолазная станция состоит из 3-х водолазов, из которых один, наиболее опытный – старшина водолазной службы, и руководит погружением. Товарищ, уходящий под воду, доверяет ему свои жизнь и здоровье.

Особенно трудно работать в море – то шторм, то слякоть. Люди работают с понтонов, их туда привозит катер. Далеко от берега, в бинокль не видно. Надежда, в случае чего, только на себя.

За период работы МСУ-28 в составе Треста «Гидромонтаж» прошло три поколения водолазов, создавших свою специфическую школу и собственный, неповторимый почерк.

Всего их бывало в каждый период до 70 человек. Представители старшего поколения, пришедшие в трест извне и сразу задавшие высокие параметры требований к организации водолазного дела, служили старшинами водолазных станций.

Среди них самые опытные и авторитетные – Степан Иванович Музыка, Анатолий Анатольевич Горбачёв, Юрий Гаврилович Харчин, П.Н. Обручников, П.А. Погодин, Д.Я. Шикин, Г.М. Новосёлов.

Горбачёв Анатолий Анатольевич

Музыка Степан Иванович

Второе поколение – И.П. Колесник, И.А. Санин, А.И. Тарануха, А.П. Мороз, А.М. Трофименко.

Третье поколение комплектовалось за счёт демобилизованных специалистов из ВМФ. Некоторые из них, как например, Николай Котельников, ходил в период службы на Северном флоте на кислородно-гелиевых смесях на глубины до 300 метров.

После водолазных школ на смену отцам пришли их сыновья – Шикин, Драгунов, Тарануха, Санин, Колесников. Складывались трудовые династии.

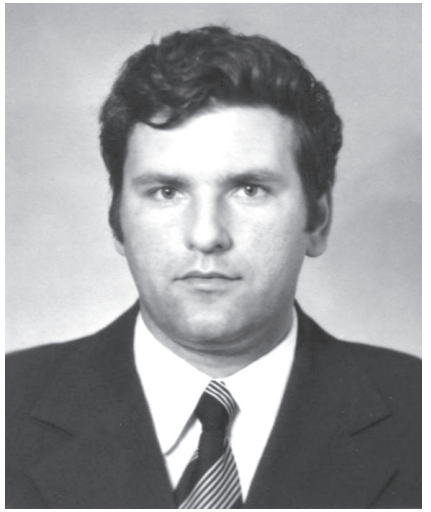
Под контролем треста руководству МСУ-28 пришлось организовать строгий и повседневный контроль за здоровьем водолазов. Необходимо было изучить особенности кессонной болезни. Специалисты имелись лишь на флотах и у космонавтов. Последние были ближе.

Главный водолазный специалист, в то время капитан 2-го ранга В.И. Солопко, договорился о своём командировании в «Звёздный городок», где можно было позаимствовать соответствующую литературу. В условиях господствующей секретности это

было не так просто. Тем не менее его приняли, был налажен контакт с руководителем их соответствующей службы космонавтом В.И. Рождественским. Можно сказать – подружились, свою роль здесь сыграл общительный Алексей Михайлович Уланов. Контроль за здоровьем водолазов в «Гидромонтаже» отныне был гарантирован.

Иногда случались и довольно комичные ситуации, когда смех можно было назвать «сквозь слёзы». На площадку Селенгинского горно-обогатительного комбината прибыл начальник Треста «Гидромонтаж» Я.А. Кузнецов дабы осмотреть организацию водолазных работ на Байкале, где сооружался водозабор.

Там уже находился его заместитель М.Т. Гальченко, ответственный от треста. Была зима, работы проводились со льда. Размахивая руками, Гальченко что-то объяснял Кузнецову. Байкальский лёд настолько прозрачен, что майны, проделанные в нём, практически незаметны. Оба проверяющих, один за другим, шагнули по воде «аки посуху» и ухнули в одну из них. Их выловили, в водолазном вагончике, где всегда топилась печка, натёрли спиртом, необходимого для промывки дыхательных шлангов, дали по 50 граммов вовнутрь и переодели в водолазную робу – ватные штаны, унтята и толстые водолазные свитера. Всё обошлось лишь шутками и смехом.



Лобода Анатолий Иванович

О курьёзном случае вспоминает Анатолий Иванович Лобода:

Приёмка выполненных работ велась жёсткая. Так, например, куратору УКСа завода «Нефтегаз» (ракетные двигатели) Рождественскому очень хотелось проверить подводную траншею на наличие скальных грунтов, так как в проекте и смете скального грунта не было. Но фактические исследования показали, что большая часть подводных грунтов – скальная порода. Дело было зимой. Мы одели куратора в водолазную рубаху – «двенадцатиболтовку» и спустили его под воду. Перед этим объяснили, как надо выполнять погружение и подъём. В шлеме имеется воздушный клапан, при нажатии его головой стравливается воздух и водолаз погружается. Но так как куратор совершенно не имел опыта погружения, он надавил на клапан и, стравив весь воздух, быстро пошёл ко дну. Пока он погружался, воздух набирался снова, и его тут же выбрасывало наверх. Мы ему даём команду, мол, щупай грунт, а он спрашивает, как его (грунт) достать? В конечном счёте его перевернуло вниз головой, и он нам закричал: «Поднимайте меня!» После того как мы его освободили от водолазного снаряжения, он произнёс: «Давайте акт, я подпишу.»

Иван Петрович Безрук, прошедший в МСУ-28 путь от молодого специалиста до главного инженера, рассказывает, как в Красноярске-26 строил трубопровод «от берега до горы». Речь идёт об упоминавшемся подземном заводе на берегу Енисея:

Строительство комплекса рассеивающего выпуска на объекте «0» было поручено прорабству Нестеришина в составе меня и мастера Смирнова. Сварка труб проводилась под надзором инженера-сварщика Нестеришина. Сложность строительства состояла в характере Енисея. Скорость течения значительно превышала допустимую для работы водолазов без дополнительных защитных устройств.

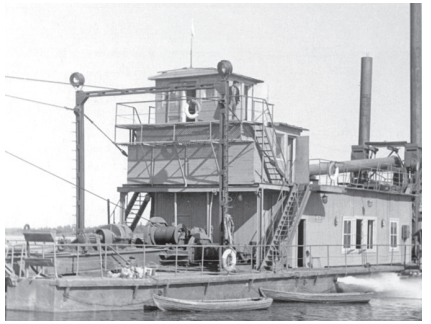
Ледостав и ледоход образовали сплошные торосы и заторы в месте прокладки выпуска. Дно реки сложено до 60% из скального грунта, и разработка подводной траншеи невозможна без предварительного рыхления водолазами при помощи отбойных молотков и взрывов.

Работать можно было только зимой со льда. Благодаря самоотверженной работе водолазов под командой старшины П.С. Погодаева и всего нашего прорабства, в том числе заключённых, прокладка рассеивающего выпуска была выполнена своевременно.

Правда, когда мы протянули трубы по траншее и начали заниматься демонтажем хвостовой опоры и тросов на льду, вдруг лед тронулся, пошёл ледоход, ломая торосы со страшным грохотом, налезая на берега и сметая всё, что ещё оставалось на льду (бетонные балки, отрезки труб и прочее).

Водолазы и монтажники аварийно были сняты со льда, но хвостовую опору отсоединить от береговой лебёдки не успели, и тут же тросы диаметром 80 мм натянулись, как струны гитары, и срезали крепёжные болты хвостовой опоры. И она (громадина!) величаво двинулась со льдом вниз по течению Енисея.

Но трубы были уже уложены, и ледоход не мог нанести им урон. Эксплуатация этого объекта намного улучшила экологическое состояние реки Енисей, а следовательно, и качество жизни жителей населенных пунктов на его берегу.



Земснаряд готов к работе

В Тресте «Гидромонтаж» завели собственный флот – на Чёрном море 15 единиц плавсредств (ВРД, буксиры, сейнеры, появился даже списанный военными тральщик), на Каспии – 3, на Балтике – 5.

Разработали и успешно внедряли фирменные технологии по разработке грунта под водой любого состава – скреперными лебёдками, земснарядами и гидромониторами, пробовали даже электрический мини-бульдозер. Хорошо набили руку пробивать траншеи в скальном основании, освоив в полном объёме взрывотехнику.

Труд водолазов был востребован и почётен. Их средний заработок в середине 70-х и до конца 80-х составлял 400–450 рублей, а на некоторых участках и 600–800, и даже до 1000 рублей. Они в первую очередь получали жильё, покупали машины.

Их отмечали высокими правительственными наградами. Анатолий Антонович Горбачёв был награждён орденом

Вручение наград

Октябрьской Революции, двумя орденами «Знак Почёта» и семью медалями.

Этот человек, как и Степан Иванович Музыка, – легенда водолазной службы. Они были первыми и принесли с собой эпроновский дух и железную дисциплину. Их авторитет в профессиональной среде и у начальства был бесспорен.

Какие случаи могли порассказать – причём каждый в своём роде!

Анатолий Антонович Горбачёв – признанный аристократ духа, глубоко начитанный и образованный человек. Друзья ему и звание присвоили – «Сэр».

Подводниками так дорожили, что был издан специальный приказ по тресту – где бы они ни работали, должны жить с семьями. Жильё выделяли заказчики – те комбинаты, где велись работы: в Краснокаменске, Каспийске, Кирово-Чепецке, в Саянске, Зиме.

Глава X
СПЕЦИФИКА ПОДВОДНЫХ ОПЕРАЦИЙ

1. Под воду идут одни «старики»

Специалистами МСУ-28 за время своей работы проведён ряд уникальных в своём роде работ. Среди них – керосинопровод через Ангару для подачи топлива в Иркутский аэропорт, десятки дюкеров через полноводные и быстрые реки, морские подводные кабели.

Достаточно сложной инженерной операцией стала протяжка дюкера через Обь в районе Новосибирска. Труба диаметром 1220 мм, длиной по водной поверхности – 1500 метров. На левом берегу устанавливался полиспаст, тяговое усилие тросом диаметром 48 мм обеспечивал трактор С-100. На правом берегу трубы сваривались в единую плеть, изолировались и обшивались деревянной рубашкой для защиты изоляции.

По дну русла земснарядом промывалась траншея. Затем тяговый трос закреплялся на оголовке трубы, 5 мощных трубоукладчиков чуть приподнимали плеть, и по радио подавалась команда на движение. По трассе дюкера закреплялись разгружающие понтоны. Погружаясь, труба заполнялась водой и плавно ложилась на подготовленное основание.

Все усилия и последовательность операций рассчитывались в проекте производства работ (ППР), выполненном конструкторами ОГТ. Успех зависел от синхронизации всех действий. Но команда уже имела необходимый опыт, и всё завершилось с первой попытки.

Послушаем свидетельства тех, кто лично выполнял подводные работы. Рассказывает В.Е. Громов, водолаз, ставший в итоге замначальника МСУ-28 по подводно-техническим работам:

В Прибалтике мы делали выпуск сброса отработанной воды от завода по переработке сланцев в море. Длина выпуска 1800 метров. Параллельно укладывали нитку аварийного сброса длиной 500 метров. Траншея для выпусков проходила по скальному грунту. Делать её нужно было методом взрыва. Рыбоохрана дала «добро» на взрывы мощностью не более 30 килограммов тротила. Когда приходил рыбнадзор, мы соблюдали эти условия, а в их отсутствии закладывали заряды по 150 и более килограмм. Меньшая мощность была пустой хлопушкой.

После взрыва водолазы собирали со дна рыбу, чтобы скрыть следы «преступления». После укладки основной нитки делали траншею под трубу аварийного сброса. Подготовили заряд – 3 тонны. Начался шторм и сдвинул заряд под основную трубу. Рванули, в итоге пришлось в сложных условиях делать новую вставку с подводной сваркой. Кузнецов сильно ругался, а Уланов сказал: «Главное, люди целы, а трубу мы привезём».

При прокладке дюкера через реку Даугаву длиной 2003 метра и диаметром 1600 мм, допустили просчёт по разгружающим понтонам. Труба дюкера, чтобы попасть в промытую траншею, должна опускаться плавно. Затем прижиматься Т-образными железобетонными пригрузами.

Собрали дюкер вдоль течения, перекрыли судоходство по Даугаве, развернули трубу поперёк реки и начали топить (заполнять водой). Глубина там 18 метров. Труба пошла, а понтоны «выстрелили», всё поотрывало. Не хватило разгружающей силы. Я был на одном берегу, а он на другом. Он принял решение – топить. Нам повезло, труба легла точно, куда надо.

Гуменюк Михаил Николаевич

Рассказывает Михаил Николаевич Гуменюк, главный водолазный специалист треста, опытный подводник, имеющий 3500 часов под водой. Не всегда бывало всё так красиво и гладко, как писали газеты:

Подводные работы дорогие, от их объёмов зависела

Громов Валерий Ефимович

зарплата водолазов. Однажды выявились приписки. Обманули А.И. Лободу. Дело было на «Маяке». Заказчик поднял бучу. Я срочно был направлен туда, спустился под воду, сделал обмеры. Все работы были остановлены на время разбирательства, а затем переделаны до нужных отметок. Водолазов наказали, отправили на базу, а здесь тариф. Они потеряли в 3–4 раза зарплату, заработали выговоры и так далее.

Второй случай был в Заозёрске. Там делали переход через реку, нужно было сделать траншею в глине твёрдых пород. Для того чтобы увеличить объёмы, водолазы со всей округи собрали валуны и показывают прорабу – скала. Вызывают проектировщика из Новосибирска, тот тоже говорит – скала. А это – буровые и взрывные работы под водой, разработка скальных грунтов. Это очень дорого. Пересчитали смету, начали работать.

Прошлись скреперной лебёдкой, валуны убрали – снова пошла земля. Опять меня туда отправляют разбираться.

Такие случаи бывали и в Крыму, у Л.И. Агибалова. Поэтому вышло положение, что все прорабы, начальники участков, кто годен по состоянию здоровья, направлялись на месяц на курсы в школу водолазов для получения квалификации «Водолаз» с правом спуска под воду для осмотра выполненных работ, но без права выполнения самих работ. То есть он спустился, посмотрел, что и как они сделали – на чертеже всё нанесено.

Многие прорабы пошли учиться, но оказалось, что кто-то боится идти под воду. Как курицы, ходят вокруг воды, но туда не идут. Валерий Ефимович Громов очень хотел под воду. Мы его

послали в московскую школу водолазов. Он обучился и ходил под воду – человек волевой, упёртый.

Водолазный труд тяжёл. К примеру, трубы сваривались в плети по 8 метров на заводе. На месте их собирали – самое сложное было – вывезти их и затопить. Две плети на дне требовалось стянуть, состыковать по фланцам. Основная тяжесть ложилась на водолазов, помощниками были сварщики.

Так или иначе, работу выполняли и сроки не срывали. В 80-х Громова поставили замом по производству в МСУ-28. До последнего дня здесь он и проработал.

2. Притопили «шарик» ростом с 8-этажный дом

Об интересном факте выполнения в конце 80-х уникальных работ, ранее строго засекреченных, рассказывал позже, когда сняли секретность, начальник Треста «Гидромонтаж» В.Д. Захаров.

Речь шла о создании бронекамеры для проведения имитационных взрывов. Не ядерных, а так называемых подкритических, позволяющих смоделировать ядерный взрыв, чего требовали физики для продолжения исследований по дальнейшему совершенствованию ядерного оружия.

Но сделать это так, чтобы сейсмостанции в мире и этих взрывов не фиксировали, и наши противники не узнали об этом. Действовал объявленный Горбачёвым односторонний мораторий, он хотел казаться белым и пушистым и, на всякий случай, перестраховывался. Американцы подобные вещи делали на ядерном полигоне в Неваде, никого не стесняясь.

Непосредственным участником финальной операции был откомандированный трестом М.Н. Гуменюк:

Изделие называлось Я-13. Это был обычный шар из титанового сплава, диаметром 24 метра, с толщиной стенки 700 мм. В Северодвинске, на заводе атомных подводных лодок, сделали два таких шара. Он имел крышку, как комингс-площадку, внутрь закладывалось оборудование, датчики.

Чтобы шар не обнаружили, было принято решение, в районе пустыни Харабали сделать колодец диаметром 27 метров и глубиной 24 метра. Оболочка колодца – бетонная стена толщиной

1,5 метра. В этот колодец заливалась вода, как в бассейн, сверху он закрывался металлической крышкой с задвижкой. На колодце сделали платформу. На полигон в Харабали шар доставлялся по внутренним водным путям. Его осадка была 9 метров, а вес составлял 900 тонн.

Перевозил Я-13 «Мостранстрест». Сделали специальный трейлер, вкопали его на суше. Во время прилива, когда вода поднималась, его надвигали, а когда вода опускалась, шар потихоньку ложился на трейлер.

Меня руководство назначило отвечать за «Шарик». Операция была строго секретной. Каждый мой шаг контролировался спецслужбами. Буксировали «Шар» тремя буксирами. Ведущий буксир впереди прокладывал путь, а два других – один спереди, другой – сзади, «Шарик» буксировали. Для его транспортировки посуху трейлером сделали хорошую дорогу, кругом была охрана.

Привезли «Шарик» к колодцу. Он оказался на 2 метра выше от земли. Мы сделали платформу и на 40-тонных лебёдках на громадных балках закатили «Шар» на колодец. Затем разрезали балки и вместе с балками опустили в колодец. Потом их достали водолазы.

«Шарик» утонул, мы его сдали специалистам института ядерных исследований в Троицке. Я познакомился с представителями института, они сказали, что испытания идут, ни одна станция их не зафиксировала.

Надо было ставить второй «Шар», но сказали, что хватит и одного. Его порезали на металлолом. Когда я в 90-х встречался со специалистами института в Троицке, «Шарик» работал, но никто об этом в мире и не подозревал.

3. География подводных работ

Из года в год нарастали объёмы подводных работ на Юге страны, в Азово-Черноморском бассейне. МСУ-28 едва успевало открывать новые прорабства и участки под поступающие заказы. «Царил» там Леонид Иванович Агибалов – выпускник Ленинградского военно-инженерного училища, действующий офицер.

Агибалов Леонид Иванович

Обосновался он в Ялте. В 1967 году там открывается участок от МСУ-28, где начальником назначается В.А. Светиков, главным инженером Л.И. Агибалов – два однокашника в звании капитанов. Уже на следующий год Светикова перебрасывают в другое место, и бразды правления переходят к Агибалову.

В 1979 году на базе крымского участка приказом по министерству создаётся МСУ-108[1]. Л.И. Агибалов получает звание полковника, а из действовавших прорабств образованы участки со своими расчётными счетами и другими атрибутами самостоятельности в Судаке, Евпатории, Керчи, Новороссийске, Севастополе, Очакове.

Трест «Гидромонтаж» выбрасывает свои протуберанцы по всему югу Союза – прорабства в Одессе, Бердянске, Симферополе, Черноморске, Геленджике, Адлере, Сухуми, Пицунде, Мариуполе.

Они наполнялись техникой, профессиональными кадрами и, со временем, в полном соответствии с экспансионистской политикой Министерства, вполне могли вырасти в новые МСУ. Можно представить, как выглядел бы «Гидромонтаж» 20 лет спустя, если бы его не «подстрелили на взлёте». Возможно, разделился бы на два треста, да плюс третий – буровой. Целый Главк спецработ!

Что же такого делали под водой в хозяйстве Л.И. Агибалова? Рассказывает он сам:

В 1963 году начальник треста Я.А. Кузнецов направил меня в Ялту с задачей организовать прорабство для строительства берегового укрепления: буны, волнолом и морской водозабор

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1. Д. 01-01. Л. 95.

с выпуском. Техника шла из Селятино по железной дороге. Своих кранов ещё не было – приходилось для разгрузки ловить автокраны и договариваться за свои деньги. Весь берег был усеян крупными валунами-скалами, приходилось бурить, и, рискуя, взрывать – разлёт взрыва был большой. Оцепление поставили из водолазов и солдат. Ответственность была большая, но без рыхления скальных выходов на пляж буны не построишь.

Одновременно, прямо на берегу, велось бетонирование 40–50-тонных массивов и 16-тонных берменных плит. Заняли весь правый угол «Золотого пляжа». Ни много, ни мало – 70 массивов и около 120 берменных плит. Одновременно велось подводное бетонирование корневых частей бун.

Для установки массивов нам нужен был 100-тонный плавкран. Об этом я доложил в Трест «Гидромонтаж».

Я.А. Кузнецов вышел на Е.П. Славского с просьбой обратиться к командующему Черноморским флотом о выделении плавкрана и буксира на 4 месяца для строительства береговых сооружений.

Письмо за подписью министра фельдсвязью срочно доставили в Ялту, и я поехал в Севастополь к командующему флотом. Требуемые плавсредства нам выделили. Авторитет Славского был непререкаем!

Большое внимание строительству в Ялте уделял главный инженер треста П.А. Керцман. Он требовал, чтобы в сложных ситуациях я звонил лично ему в любое время суток.

Следующий объект. В Севастополе велись скреперные работы у Константиновского равелина по подготовке траншеи по прокладке кабеля. Прорабом был водолаз Ю.Г. Харчин. Скреперование результатов не дало. Пришлось завезти 20 тонн аммонала, разложить под водой мешок к мешку и взорвать. Траншея была готова сразу на полный профиль.

Далее пошла прокладка кабеля Севастополь – Варна. Прорабом был В.П. Дмитриев. Три водолазных станции, в соответствии с проектом, скреперовали в три смены. Траншея не получалась – грунт был плывун. Приняли решение, как и в Севастополе, делать взрывом. Завезли взрывчатку, взорвали. С корабля-кабелеукладчика уложили три кабеля и замыли специально доставленным гидромонитором.

В районе порта Варна взаимодействовали с болгарскими водолазами. Траншею тоже подготовили взрывом в скальном грунте. У меня был переводчик полковник Христо Стефан. Объект был под контролем ЦК КПСС. Кое-кто был против работ ввиду их сложности и непредсказуемости.

Но после нескольких переговоров с начальником треста Я.А. Кузнецовым мы получили «добро». Он лишь предупредил о серьёзности объекта и предстоящих работ и ответственности за их выполнение.

Выполнили всё блестяще. Командующий Черноморским флотом объявил благодарность Тресту «Гидромонтаж» и послал ходатайство на присвоение мне очередного звания «Инженер-майор».

В 1970 году в Казачьей бухте построили уникальный объект – «Дельфинарий». В 30 метрах от берега предстояло забить массу свай. Перед забивкой каждой сваи место под водой расчищалось от артиллерийских снарядов, мин и бомб времён Великой Отечественной войны. Риск был большой, так как могли подорваться и водолазы, и сваебойщики. Но всё обошлось. «Дельфинарий» работает и по сей день.

4. Удачливый хозяйственник

Всё рассказанное – лишь небольшая часть огромного объёма работ, выполненных МСУ-28, а затем и МСУ-108 не только в Крыму, но и на кавказском и одесском побережьях Чёрного и Азовского морей.

Производственно-техническая база неуклонно росла, всё необходимое преимущественно было своё. Рос авторитет организации, заказчики буквально рвали её на части.

Леонид Иванович Агибалов оказался на редкость удачливым и самостоятельным хозяйственником. Нет слов, что в командировку к нему всегда ехали с удовольствием – всё-таки не белая холодная Сибирь и не знойные барханы Кызыл-Кума.

На берегу, по соседству с Крымским институтом виноделия, в местечке под названием Магарач, Леонид Иванович установил типовые вагончики, в которых жили прикомандированные

водолазы с семьями, но всегда оставался резерв и для командированных из треста, кто не желал поселяться в городской гостинице. Да и просто для сотрудников, решивших провести недельку-другую отпускного времени в чудном природном уголке, на уединённом пустынном пляже.

Давно была протоптана дорожка на экскурсию в винные подвалы Института виноделия, где обязательной процедурой была дегустация вин, а в выходные дни не возбранялось выйти в море на водолазном боте – порыбачить и понырять с аквалангом. При этом, в суровые годы горбачёвской антиалкогольной борьбы, имевшийся на борту штатный спирт шёл не только для протирки иллюминаторов водолазных шлемов и дыхательных шлангов, но и с удовольствием вовнутрь, под обжаренную рыбку и огромные крымские помидоры.

В переломные годы конца 80-х Леонид Иванович умудрился по цене металлолома приобрести флотский мореходный тральщик приличного водоизмещения и на ходу.

В условиях либерализации всего и вся того времени строились планы похода в Турцию за всяким товарным дефицитом, используя открывшиеся шлюзы для торговцев-челночников, куда подались многие представители советской интеллигенции, лишившиеся работы в своих НИИ. Чем всё обернулось в итоге, знает только сам Леонид Иванович.

С приходом нового времени менялся и уклад работы. Слабела непререкаемая дотоле дисциплина подводников. М.Н. Гуменюк рассказывает о трагическом случае, имевшим место в это время:

Когда начался развал, я создал ЭПРОН как частное предприятие и позвал Валерия Ефимовича Громова к себе замом. Работал он у меня около 3-х лет до того времени, когда случился несчастный случай. Он был командирован на ростовскую атомную станцию для очистки оголовка водозаборного сооружения на Цимлянском водохранилище.

Работали водолазы, наши селятинцы, я подобрал молодых ребят, и в том числе работал Хавлюк Василий Михайлович, очень хороший был водолаз.

16 часов, скоро конец рабочего дня. Нужно пойти под воду, осмотреть место работы. Поднялся штормовой ветер, Хавлюк предложил пойти завтра утром. Но Громов приказал идти под воду.

Там стоял понтон, был он расшвартован на 4 стороны капроновым концом. Водолаз пошёл под воду. Дунул штормовой ветер, натянулись наши капроновые концы в одну сторону, потом обратно. Когда концы сработали, понтон перевернулся. Все, кто был на понтоне – в воду, а водолаз под водой. Глубина всего 6 метров.

Тот водолаз, который стоял на шлангах, на финальном конце, бросил эти шланги. У нас в правилах водолазной службы записано: «Сам погибай, но шланг-кабель водолаза не бросай». Он тоже опытный был, с Калининской атомной станции, но всё бросили и скорее на берег, и он с ними. Второго водолаза начали спускать – оказалось, нет воздуха в акваланге…

В результате водолаз погиб. Получил обширный обжим и баротравму лёгких. Была большая комиссия из министерства, туда и я выехал, врач, разбирались. Решили – просто несчастный случай. После этого Валерий Ефимович Громов ушёл с работы. Он говорил, что эта смерть водолаза его преследует, он ему снится. Больше он не работал. Завёл себе пасеку, пару ульев.

5. Дела и люди

МСУ-28 стало одним из крупнейших подразделений треста. Число участков, разбросанных по стране, доходило до десяти. Его численность составляла около 1300 человек. Все специализированные субподрядные работы, связанные с водой, министерство поручало Тресту «Гидромонтаж», и в большинстве случаев исполнителем был коллектив МСУ-28.

С ростом объёмов от него отпочковывались новые, самостоятельные МСУ с тем же профилем работы: МСУ-108 в Крыму, МСУ- 45 в Игналине, МСУ-105 в Озёрске, ставшее в новое время, после развала треста, ЗАО «УралГидромонтаж».

МСУ-28 имеет на своём счету ряд уникальных строек. Кроме уже названных – это сбросной и подводящий каналы для охлаждения реакторов на Ленинградской, Игналинской и Башкирской АЭС (после «перестройки» работы были остановлены).

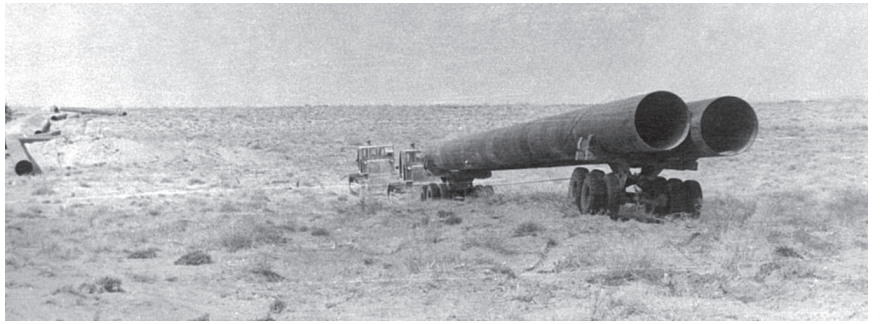
Дюкеры различного назначения через Обь в Новосибирске, Волгу в Дубне, Ангару в Ангарске. Глубоководные, многокилометровые морские выпуски и водозаборы на Чёрном море и Балтике. Подобных работ в Союзе до них не выполнял никто.

Поточно-совмещённый способ укладки магистрального водовода Аму-Дарья–Зарафшан

Одной из дорогостоящих работ стала прокладка водовода от водозабора на реке Аму-Дарья до Зарафшана через пустыню Кызыл-Кум.

Совершенствование технологий и используемой техники инженерной службой МСУ-28 по подводно-техническим и водолазным работам позволили не только выполнять целевые задачи и сокращать сроки строительства, но и обеспечивать высокие технико-экономические показатели и безопасность работ.

В технологические процессы закладывались самые прогрессивные методы, известные в то время. Они постоянно совершенствовались и дополнялись собственным творчеством. Все достижения инженерии этого управления здесь привести невозможно, скажем хотя бы о части из них: спуск оголовков



Перевозка трубных плетей на тракторных плетевозах

до 500 тонн; установка сальниковых компенсаторов различного диаметра; отмыв на дне и уборка валунов весом до 10 тонн; разработка подводного грунта канатно-скреперными установками с тяговым усилием 40–60 тонн; монтаж пригрузов на стыке труб; внедрение 20-тонных якорей при укладке выпусков; монтаж трубопроводов длиной плетей до 2,5 километров методом протягивания и свободного погружения; применение специальных понтонов с открывающимися днищами; подводная сварка и резка стальных труб; переоборудование земснарядов для работы в морских условиях с погружными электродвигателями; подводное бетонирование; буровзрывные работы.

В МСУ-28 выросла целая плеяда талантливых специалистов и руководителей, чей жизненный путь можно назвать гражданским подвигом.

Кроме уже названных имён, нельзя забыть таких людей, как Руссов Николай Фёдорович, которого многие руководители почитали своим учителем; Лобода Анатолий Иванович – талантливый инженер и удачливый руководитель – начальник уральского участка, позднее МСУ-105 (сегодня ЗАО «УралГидромонтаж»); Морозов Владимир Андреевич – заместитель начальника МСУ-28, отмечаемый многими как блестящий организатор производства. Начальники предприятия – Уланов Алексей Михайлович, Захаров Валерий Дмитриевич, Светиков Владилен Андреевич, каждый из которых был на своём месте и внёс личный, достойный вклад в достижения коллектива МСУ-28.

Глава XI
«БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ»

1. Первопроходцы

Это любимый фильм целого поколения советских людей начала 70-х. Как в заправском голливудском вестерне, в нём действуют универсальный герой, его сотоварищ из местных и абсолютное зло в лице бандита, «плохого парня» – тоже из местных. Добро побеждает зло – с юмором, прибаутками и незримой связью с нашим временем. Сопровождающий фон – пески, пески и белое солнце пустыни. Прекрасный подбор актёров, великолепная режиссура покорили миллионы зрителей. Фильм так пришёлся по душе, что его тут же растащили на цитаты, а сопровождавшая музыка, звучавшие песни стали культовыми. А все последующие поколения советских и российских космонавтов ритуально просматривают его в ночь перед стартом, заряжаясь его жизнеутверждающей силой.

Через такие же раскалённые барханы, под тем же белым солнцем пустыни прошли механизированные колонны «Гидромонтажа», двигаясь навстречу друг другу, протягивая водовод в сотни километров длиной, неся живительную воду, драгоценную в этих краях, за сотни километров в новый город и строящийся горно-металлургический комбинат.

Прошли дважды – в конце 60-х и через 10 лет снова, со второй ниткой. Два слова сдвинули с места большие массы людей и техники – «золото» и «уран».

Это был уникальный бросок, не имевший до этого аналогов в СССР. Большое, государственное дело. Учились по ходу событий, вобрав весь опыт, какой могли разыскать.

География работ Треста «Гидромонтаж» охватывает 76 регионов Советского Союза, все его природно-климатические зоны. Во многих из них бывало несладко. Но есть две точки, совершенно выпадающие из общего ряда уж совсем крайней своей экстремальностью.

Это водовод Аму-Дарья – Зарафшан через пески Кызыл-Кума и Новая Земля, где буровики и монтажники жили и ра-

География работ треста

ботали в условиях бесконечной ночи, среди «белого безмолвия», по соседству с полярными медведями. Обычные люди там не селились.

Это безмолвие, правда, изредка взрывалось адским грохотом и корчами земли, когда окрестные горы меняли свой абрис. Для того там и работали.

Мы расскажем подробнее о каждом из этих, полярно отличных мест, где отметился «Гидромонтаж», где ступила нога его первопроходцев.

2. Вода, золото и уран

В Зарафшане волшебным словом, по велению которого вырос сказочный город, было «золото». О его присутствии в этих краях слышали очень давно, ещё в легендах Хорезма. Не зря название реки можно перевести как «золотая река».

В 50-х – начале 60-х геологи, искавшие уран и попутно нашедшие золото, оценили его запасы и оконтурили карьер первой очереди. Золото было самородное, очень мелкое, дисперсное, рассеянное в породе – шесть грамм на кубометр породы.

Карьер предполагался открытым, глубиной до полукилометра, с дроблением породы взрывами. Технология извлечения –

флотация, требовавшая много воды, как и жизнедеятельность людей в новом городе в пустыне.

Но воды на сотни вёрст вокруг не было. Река Зеравшан, питающаяся горными потоками, никуда не впадала, теряясь в песках. Воду можно было взять в Аму-Дарье, почти за 220 километров от задуманного города, и ещё 15 км до золоторудного карьера в Мурунтау. Министерство поручило провести работы в сжатые сроки Тресту «Гидромонтаж» в лице его МСУ-25. Его начальником был назначен опытный инженер и управленец Рафик Оганезович Ханянц, главным инженером – Николай Иванович Худасов.

В отделе главного технолога треста гидротехническая группа разработала проект производства работ. На трассе 220 километров предполагалось построить водозабор речной воды и 8 насосных станций. На берегу Аму-Дарьи в Сазакино – ёмкости для осветления воды. Диаметр труб водовода составлял 1220 мм.

Предварительно побывали на площадках газовиков и нефтяников, где те прокладывали свои трубопроводы. В это время разворачивалось строительство магистрального газопровода Бухара–Центр, тоже через пески. Всё полезное взяли на вооружение, правда, труба у них была поменьше.

Предполагалось, что механизированная трубоукладочная колонна будет состоять из шести мощных 35-тонных трубоукладчиков. Они должны перевозить по две плети длиной 30–36 метров каждая. Погонный метр трубы весил 360 килограммов, а вся плеть – 11–12 тонн.

Поначалу хотели использовать «Ураганы» на базе МАЗов, на которых возили ракеты. Но, в конце концов, предпочтение отдали КРАЗам и трёхосным «Уралам», а более тяжёлые «Ураганы» перевозили экскаваторы.

Кроме трубоукладчиков, развозивших трубы по трассе, в колонне шли очистная и изолировочная машина и автоматизированный стенд для сварки труб, который обслуживали двое рабочих. Такой же стенд стоял на ближайшей насосной станции, где готовились плети.

Обязательными были вагончики и всё необходимое для жизнедеятельности людей в пустыне под палящим солнцем.

До прокладки трубы предстояло подготовить параллельную трассе водовода дорогу в барханах для прохода тяжёлых грузовиков и выкопать саму траншею под трубу. Здесь сразу же возник интересный вопрос, ценой которого были миллионы полновесных советских рублей и десятки единиц техники.

Проектировщики, рассчитывая объёмы земляных работ, приоритет отдали самой траншее, проигнорировав непредсказуемость песчаных барханов, через которые предстояло пробиваться. Объёмы вышли небольшие.

Практика показала, что барханы, достигавшие высоты в 30 метров, располагались бессистемно – за одним следовал другой, но уже под углом к предыдущему, и чтобы пробить трассу, необходимо было в прямом смысле перелопатить горы песка, миллионы кубометров, где объёмы самой траншеи терялись из-за ничтожной малости.

Чтобы доказать правоту, трест обратился в институт «Промниипроект», который занимался проектированием рудников, карьеров, и у них была достаточно мощная вычислительная техника (1967 год, минские ЭВМ Б-12 и Б-20). Электронщики сделали программу по алгоритму, представленному разработчиками ППР. Затем в присутствии их представителя, в течение часа машина насчитала семь миллионов кубометров выемки и перемещения грунта. Расчёты заказчиком были признаны – а это большие деньги.

Следующей серьёзной проблемой оказались трубы. Диаметр 1220 мм выпускал единственный завод в СССР – Харцызский трубный в Донбассе. У их трубы продольный сварной шов. Но когда на площадке в Сазакино стали испытывать первую 24-метровую плеть, сваренную из стандартных 6-метровых труб, наполнив её амударьинской водой, труба развернулась по продольному шву.

По приказу П.А. Керцмана в Харцызск летит Д.Д. Ивашкин, руководитель гидротехнической группы ОГТ. Он ходит по цехам, знакомится с технологией, говорит с людьми. Потом – к директору. Директор флегматично: «Да, это бывает, у нас старое, вывезенное в 1945 году из Германии оборудование».

Когда Ивашкин стал объяснять всю важность ведущегося строительства водовода и ответственность завода и самого директора, тот, вздохнув, заявил: «Газовики меня тоже пугали, но они отстали».

Пришлось мириться с тем, что есть, проводя более тщательно выбраковку труб. Этим недостатком проблемы с трубой не исчерпывались. Оказалось, она имеет недопустимую эллипсность. Когда соединяли торцы труб – одна кромка выступала над другой на целый сантиметр и даже больше. Ручными центраторами выправить трубу диаметром 1220 мм с толщиной стенки 12 мм невозможно.

В стране имелся Научно-исследовательский институт по строительству трубопроводов. Обратились туда. Оказалось, что они занимаются не только наукой, но и изготовлением головных образцов оснастки.

Они взялись за дело и вскоре разработали опытный образец центратора с электрогидроприводом. Внутренняя болванка разжимала сразу оба среза состыкованных труб до нужного размера. Заключили договор с институтом на изготовление 2-х центраторов – один работал на стенде, на базе, другой – на трассе.

Поначалу так и мучились с этими трубами. Однако, технический прогресс в стране шёл, и снабженцы разузнали, что газовики перешли на цельнотянутые трубы из стали Г-45 повышенной прочности. Эти трубы по спецзаказу Мингазпрома выпускал в ограниченном количестве Челябинский трубный завод.

Керцман предложил обратиться в ЦК партии. Через Министерство (а перед Средмашем открывались все двери) договорились о приёме в оборонном отделе ЦК. Вопрос был решён.

Фонды открепили от Харцызского завода и прикрепили к Челябинскому.

3. Гвозди бы делать из этих людей

На рассвете, когда первые лучи чуть высунувшегося из-за горизонта солнечного диска окрашивали в розовый цвет верхушки барханов, а резкий переход от света к тени напоминал лунный пейзаж, на базовых площадках уже ревели моторы тяжёлой техники. В эти рассветные часы открывалась грандиозная

панорама бесконечного и безжизненного пространства пустыни сродни «Марсианским хроникам» Рэя Бредбери.

Люди ловили утреннюю прохладу и подобие тени, чтобы успеть продвинуться вперёд с назначенными на день метрами водовода, пока белое, как сталь в мартеновской печи, солнце не накалит металл до 90 градусов и не остановит работу.

Первым шёл тяжёлый экскаватор «драг-дайн», пробивая в барханах дорогу для техники и полосу складирования грунта из траншеи. Затем другой экскаватор – проверенный трудяга Э-652 с обратной лопатой, отрывавший траншею под трубу.

Выбору землеройной техники предшествовало изучение имевшегося в стране опыта. Вопрос курировал сам П.К. Георгиевский, заместитель министра. Использование роторно-фрезерного экскаватора высокой производительности, работу которого наблюдал посланец треста на строительстве Шерабадского канала в Гиссарской долине, признали непригодным к работе с песком из-за его сыпучести. По этой же причине отказались и от многокубовых скреперов.

Итак, впереди идут уступом два экскаватора. По их следам движутся трубовозы, раскладывая на бровке траншеи сваренные на базе плети. Затем – спецмашина для очистки трубы до металлического блеска и навивки изоляционной ленты.

Эта изоляция «ПИЛ» (поливинилхлоридная изоляционная лента) стала открытием. Она изготавливалась на заводе средмаша в Свердловске и была гораздо эффективнее предыдущих технологий изоляции стальных трубопроводов. А от качества изоляции зависит долговечность. В это время газовики ещё мучились с битумной мастикой, разогревая и распыляя её форсунками с последующей навивкой со шпуль закрепляющей крафт-бумаги. Бумага рвалась, битум плавился на солнце, стекая с трубы. Тяжёлые испарения, опасность ожога. Изоляция типа «ПИЛ» снимала все вопросы. Последним шли мощные бульдозеры, возвращая пустыне её однообразие.

Непростым оказался способ сварки труб в плети с их последующим укрупнением. Нужен был стенд, чтобы сварщик, вращая трубу на роликах, не варил бы потолочный шов.

Как вышли из положения, рассказывает Д.Д. Ивашкин:

Газовики использовали ПА-602, довольно примитивную установку, но она сваривала трубы диаметром до 600 мм, а у нас 1220 мм. Сделали стенд сами. Взяли две полуоси КРАЗовских, поставили рядом, трубу на них. Вращатель от двигателя внутреннего сгорания, а другой – ведомый. Никаких чертежей, шли путём рационализаторских решений. Сделали два таких стенда – один в Сазакино, другой в Зарафшане. Так и варили.

Когда труба вращается, сварщик в нормальных условиях держит электрод, или вообще автомат стоит под флюсом. Но корень шва всегда варили вручную. Первый шов – самый ответственный, а потом заполнение шва. Показатели были хорошие. Один сварщик – Злоказов, он получит орден Ленина, был отменный мастер. Он мог столько швов варить, как никто другой.

Сваренные в единую плеть трубы длиной 1–1,5 километра навьючивались на 5–6 трубоукладчиков для аккуратной укладки в траншею. Условия работы – жесточайшие. Невыносимая жара – до 55 градусов Цельсия. Колючий песок, забивающий глаза и секущий лицо. Частый выход из строя техники – из-за высокой абразивности во всех движущихся узлах машин.

Поэтому, особое внимание – организации обслуживания и ремонта техники. Обязательный резерв стоял в полной готовности на базе, призванный не допустить сбоя по всей линии из-за поломки одного экскаватора или трубоукладчика.

Люди жили в передвижных вагончиках, которые из-за отсутствия хоть какой-то тени за день прогревались до невозможности отдохнуть днём, когда работа прерывалась. Дозированное количество воды.

Павел Аронович Керцман, прочувствовав на себе всю тяжесть ситуации для людей, посылает гонца в Баку разведать, что за кондиционеры там выпускаются.

В то время в Советском Союзе бытовые кондиционеры производил единственный завод в Азербайджане. Назывались они «Апшерон» – большая квадратная «бандура», достаточно капризная, требующая ухода. Необходимо было 20–30 штук.

На заводе сказали – для такого дела можем поставить, давайте фонды. И помогли.

Для координации работы на протяжённой трассе требовалась надёжная связь. Радиосвязь на гражданке тогда была редкостью. Пришлось пройти все инстанции, получить разрешение на частоты, раздобыть сами радиостанции.

Руководство для обследования трассы водовода и оценки всей картины строительства периодически использовало самолёты – безотказные и неприхотливые АН-2 и вертолёты МИ-2. Эта авиационная техника была в распоряжении директора Навоинского горно-металлургического комбината З.П. Зарапетяна – «начальника пустыни», как называли его подчинённые, который никогда не отказывал нам в предоставлении авиации.

Постоянной головной болью и тяжким прессом для руководства треста были сроки. Это объяснялось просто – водовод оказался на «критическом пути» в сетевых графиках всей стройки. Без воды ни о каком золоте нечего и мечтать.

Можно представить искреннюю радость людей, измотанных пустыней, когда две колонны трубоукладчиков, идущие навстречу друг другу, встретились и состыковали «золотое звено». Проделана была колоссальная работа. Построены 8 насосных станций, 560 колодцев, уложено 15 тысяч кубометров монолитного и 7 тысяч сборного железобетона.

Вода пришла в Зарафшан и на карьер 27 мая 1969 года. Оцените сроки – в 1967 прогремела первая серия взрывов в золотоносном карьере, рыхлящих породу. В 1968 – начало прокладки водовода, а в сентябре 1969 получен первый слиток золота весом 12 килограмм. Всего через 25 месяцев после разворота гигантского строительства!

По окончании строительства первой очереди уранового комбината в Навои, которое велось в этот же период в едином комплексе, прилетел Славский, была созвана конференция строителей, где он поздравил всех с победой. Всем желающим дали подержать в руках этот слиток, который потом отправили в Москву, в Оружейную палату. Надпись под экспонатом гласит: «Первое золото Мурунтау».

Правительственные награды, уже в Москве, вручил министр. Орденами Трудового Красного Знамени были награждены Я.А. Кузнецов и Р.О. Ханянц. Главный механик треста Поспелов, начальник отдела кадров Уваров медалями, а руководитель группы ОГТ Ивашкин – орденом «Знак Почёта». Награды получила большая группа рабочих и ИТР.

Д.Д. Ивашкин вспоминает, как после вручения их напутствовал министр: *«Ребята, когда будете отмечать, много не пейте, так… в меру». Пальцем ещё погрозил. Заехали мы после награждения на Арбат, в «Лабиринт». Еле оттуда выбрались, но до Селятино доехали нормально.*

4. Города-миражи под белым солнцем пустыни

Независимый Узбекистан пожинает сегодня плоды трудов тех ударных лет. Золото Зарафшана пошло потоком, составляя 30 процентов от всей добычи в СССР и превосходя золотоносную Колыму. Сегодня по потенциальным запасам золота Узбекистан занимает 4-е место в мире после ЮАР, США, России. Открытие советскими геологами золото-серебряной провинции у южного подножья гряды Мурунтау на Западе назвали «открытием века».

Изумрудным оазисом стоит в пустыне сказочный город Зарафшан. Уже в другой стране. Творение рук людей другой эпохи, приведших в город рукотворную реку, породившую прекрасные парки, работающие фонтаны, массу уличной растительности.

Этот город без окраин. Стена 9-этажных домов встаёт перед путником прямо из барханов, как волшебное творение джина из лампы Аладдина.

Двенадцать жилых микрорайонов домов с улучшенной планировкой. 70 тысяч жителей. Школы с бассейнами, детские садики, дома культуры и спортсооружения. Таких тогда ещё в Москве не строили те самые «русские оккупанты», которых без зазрения совести поносят националисты сегодня в бывших союзных республиках, собирая крохи никчёмной популярности, играя на самых тёмных людских инстинктах.

В те же годы солнечный Узбекистан получил ещё один новый город – Навои, такую же прекрасную жемчужину пустыни. Своим рождением он обязан открытию в 1952 году стратегического месторождения урана в районе посёлков Учкудук и Кермине.

Город начали строить на 5–6 лет раньше золотого Зарафшана, как и урановый комбинат, в полутора десятках километрах от города. Его проектировали ленинградские архитекторы, найдя ряд оригинальных градостроительных решений, применимых именно к городу в пустыне. Их труд оценят по справедливости Государственной премией СССР. Здесь живёт 134 тысячи жителей – это центр промышленной Навоинской области.

О своих впечатлениях на раннем этапе трудовой деятельности рассказывает Юрий Андреевич Канов, прошедший в тресте путь начальника спецучастка, главного инженера, начальника, генерального директора МСУ-23:

Канов Юрий Андреевич

Навои поразил меня своей необычной красотой. Город возникает, как мираж в пустыне – белоснежные дома, похожие на корабли, необычная архитектура сооружений соцкультбыта, широкие улицы, разнообразная и необычная зелень и всегда яркое, синее небо над головой. Ни дождей, ни серых туч, ни серых зданий.

Город проектировал институт «Ленгипрострой», а авторский надзор осуществляли восемь молодых архитекторов-ленинградцев. Они старались в каждый проект внести что-то необычное, оригинальное.

Зарапетян Зарап Петросович

Те, кто бывал в Навои, наверное, помнят мощную статую Фархада, добывающего воду узбекской земле. Она возвышается возле Дома культуры, здание которого отделано розовым армянским туфом, привезённым из Армении по личному распоряжению Зарапа Петросовича Зарапетяна, начальника НГОК и практически хозяина города.

Забавная фигурка Ходжи Насреддина на ишаке в парке возле Комсомольского озера. Это было рукотворное озеро, мы жили как раз напротив него, и с нашего четвёртого этажа открывался прекрасный вид. Квартиру мы получили сразу двухкомнатную в доме галерейно-палубного типа.

Дома планировались не просто красивые, похожие на корабли благодаря этим белоснежным галереям-палубам, но и комфортные в жарком климате. Двери всех квартир выходили на галереи вдоль фасада, а ажурные лестничные клетки располагались снаружи с торцов. На противоположных фасадах были сплошные белые лоджии.

Такая конструкция дома позволяла осуществлять сквозное проветривание в любой квартире, что немаловажно в условиях жары. Ещё проектом этих домов предполагалась идея наливных крыш.

На крыше делаются мощная гидроизоляция, высокие пандусы и наливается небольшой слой воды с постоянной подпиткой. В жару постоянное испарение воды с большой поверхности обеспечивает постоянную температуру крыши. Но, к сожалению, какие-то «рационализаторы» это отменили, ссылаясь на дороговизну и сложность эксплуатации. А жаль. Мы это прочувствовали на себе, когда жили на 4-м этаже 4-этажного дома. Крыша за день так раскалялась, что никакая ночная прохлада не спасала. Часто спали на лоджии, там было прохладнее.

5. Комплекс работ с массой забот

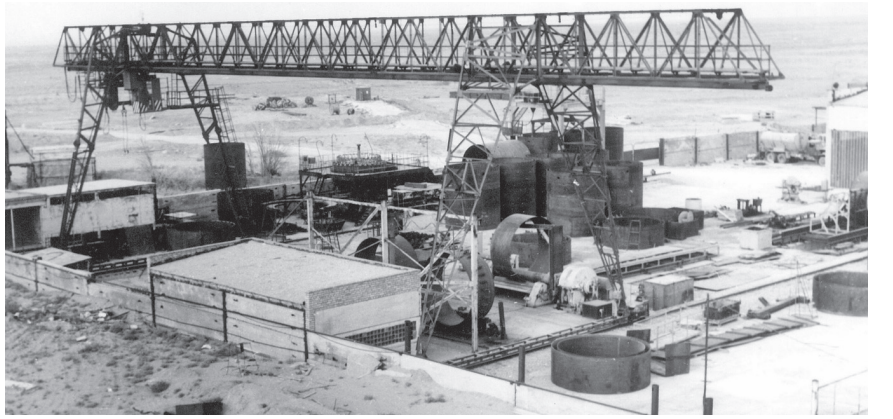
Всей этой рукотворной красоте предшествовал тяжелейший труд многих тысяч людей, пришедших в пустыню, чтобы добыть Родине уран. В треугольнике Учкудук, Кермине, Зарафшан, в песках пустыни Кызыл-Кум развернулась гигантская стройка. Всё делалось с нуля.

Вернёмся в самое начало 60-х. Тресту «Гидромонтаж», только-только набиравшему силу, поручен комплекс работ по возведению гидроузла для обеспечения водой строящейся ГРЭС. Первая очередь – 240 мегаватт.

Руководство стройкой, а её возглавил с 1958 года прибывший из Норильска матёрый директор З.П. Зарапетян, поступило расчётливо, организуя опережающее возведение объектов энергетики, дорожной сети, инженерных коммуникаций и базы стройиндустрии.

Никакого красавца-города ещё не было, Навоинский горно-металлургический комбинат делал первые шаги.

Город Зарафшан и золоторудный карьер только предполагались. А был небольшой полустанок Кермине.



Комплекс оборудования для изготовления шахтной крепи, г. Зарафшан

Рядом размещался полк военных строителей. Стояли 3 дома для ИТР – деревянные бараки без удобств.

Всю динамику и колорит разворачивавшихся работ передаёт в своих воспоминаниях Дмитрий Дмитриевич Ивашкин, тогда ещё молодой специалист, уже отработавший год под руководством Я.А. Кузнецова на Ангаре, нюхнувший там пороху и переброшенный приказом в Навои:

Гидроузел включал в себя следующие сооружения: плотина береговая – почти полтора километра длиной, водосливная с тремя пролётами, береговой водозабор, подводящий, соединительный и сбросовый каналы, циркуляционные водоводы и насосная станция, которая подавала воду непосредственно на ГРЭС и в город.

Первым туда приехал Морозов Владимир Андреевич, прораб водопонизительных установок, поскольку начали делать фундамент здания станции, и в котловане было много воды. Там были лессовидные, просадочные грунты, поэтому фундаменты мощные, сложные. Прорабом на монтаже турбин был Рудаков Владимир Иванович, будущий начальник нашего 12-го Главка.

Наши проблемы заключались в том, что при всей безводности района мощные грунтовые воды нас просто губили. Река Зеравшан никуда не впадала, а уходила в пески, в жаркие месяцы вообще высыхала. Вот она и насыщала подземные горизонты.

Вторая проблема была в грунтах. Там, где мы строили гидроузел, грунты были галечниковые – обычная речная галька. Но настолько она спрессована! 7–8-й категории по крепости. Никакой экскаватор взять не мог. Мы бурили скважины, закладывали взрывчатку, взрывали, а потом разрабатывали экскаваторами.

Экскаваторов у нас было много – кубовый «драг-лайн», Э-801 костромского завода, прямая лопата. А вот кранов не было. Я прорабом работал. Вызывает меня Ильясов Михал Михалыч, начальник п/я 10:

– Знаешь что, давай-ка ты, молодой, неженатый, а у нас все женатые, у нас семьи, давай-ка вгрызайся в работу. Ты будешь начальником ПТО. Твоя обязанность – снабжение, документация, механизмы. Где ты будешь это брать – мне неинтересно.

– А я где возьму?

– А вот сколько предприятий родственных, туда иди и заимствуй!

Набрался я наглости и пошёл на приём к Зарапетяну Зарапу Петросовичу – начальнику НГОКа, просить кран. Сижу в приёмной. Он выходит – такой колоритный, крупный мужчина, чуть прихрамывающий. Его звали за глаза «Король пустыни». Большой начальник.

Он выходит из кабинета, а я сижу.

– А ты кто? – спрашивает.

– Я – почтовый ящик 10.

– И чего тебе надо?

– Кран нужен! – говорю.

– Кран? Ну, давай, зайди.

Я захожу, он звонит в свой отдел главного механика: «Слушай, тут хорошие парни есть из почтового ящика 10, им помочь надо, у них техники нет грузоподъёмной».

Он раз дал, два, ну мы и стали к нему ходить.

Подходит срок сдачи гидроузла. Осталось перекрыть Зеравшан. Предполагалось перекрыть проран методом направленного взрыва. Местному населению мы об этом не объявляли, но в намеченный день собралось человек сто стариков-узбеков. Расселись на берегу, а нам взрывать надо. Мне говорят: «Иди, уговаривай их, ты знаешь, как с ними разговаривать!». Я к одному подхожу, к другому – они слушают и молчат, лупают глазками. То ли не понимают, то ли делают вид.

Тогда я попросил прораба из Намангана – работал такой у нас. Он поговорил с каждым в отдельности, и они метров на пятьдесят отошли. Мы взорвали, всё нормально – вода пошла в город и на ГРЭС.

А какие были проблемы с водой! Придёшь с работы, а помыться нечем, воды нет. Вдоль дороги арыки прорыты, в них шла вода с гор, но загрязнённая – арбузные корки, всякая дрянь. Закрываешь глаза, садишься в арык, и вода тебя обтекает.

Жили мы в бараках, в старом городе Кермине, а новый строился километрах в пяти. Прорабов, инженеров со всей стройки было много. И написали они «телегу» Зарапетяну – если не дадут воды, то на голосование (там как раз были объявлены какие-то выборы) они не придут.

Я как раз к нему по какому-то делу зашёл, и он мне говорит:

– Слушай, успокой своих бандитов, а то они меня тут пугают, что на выборы не придут.

Я ему:

– Ну, а воды-то нету, помыться людям негде!

– Будет вода, скажи им, что вода будет!

– А можно записочку?

Он вырывает из блокнота листок и пишет, что такого-то числа вода будет, колодец построим, и там будет гидрант. Вот чётко в этот срок вода была подана, а через два дня мы пошли на голосование.

6. Невелика доблесть – бросить камень в раненого льва

Без сомнения, З.П. Зарапетян был выдающийся руководитель, умевший сплотить тысячи людей и направить их энергию на решение общей грандиозной задачи. Он не только строил комбинат, он строил чудные города в пустыне, держа для себя приоритетом заботу о людях.

Да, он был строг к руководящим кадрам, держал многих в страхе. Ругался, но никогда не сквернословил. Как вспоминают соратники – больше грозил, чем приводил угрозы в действие. Не жалел и самого себя. Был доступен для человека любого уровня, если это касалось интересов дела. Обладал феноменальной памятью и полагался больше на неё, чем на какие-то бумажки.

Журналисты называли его «начальником пустыни», «королём урана». Мужественное лицо с крупными чертами, пронзительный взгляд, своеобразная, мощная жестикуляция. Яркий, самобытный, ни на кого не похожий, неугомонный директор, который, казалось, никогда не спит.

В 1970 году ему присвоили звание Героя Социалистического Труда и удостоили Ленинской и Государственной премий СССР. И это было справедливо. Так это и восприняли в коллективе.

Подобные фигуры в средмаше выступали как опорные якоря, на которых держалась на плаву вся система.

Но в 1972 году грянула беда. Группа работников управления комбината обратилась с жалобой в ЦК КПСС. Суть её в том, что директор комбината проявляет грубость, самодурство, некомпетентность. Много было и всяческой другой грязи. В ЦК и раньше поступали подобные письма, и, в конце концов, его персональным делом занялась специально созданная комиссия КПК (Комитет партийного контроля, грозный орган, который возглавлял член Политбюро Пельше).

Там были подобраны люди, натренированные действовать, как свора борзых, спущенная на зайца, после команды «фас». Или доберманы-пинчеры из известной книжки, которые несутся, уткнув носы в землю, за указанной целью.

И машина завертелась. На беседу в комиссию стали таскать людей. Нашлись в НГМК слабые, а то и подлые индивидуумы, решившие не упустить свой шанс и кинуть камень в раненого льва. Крупная, неординарная личность всегда вызов ничтожеству. Таким до боли хочется унизить её, особенно когда это безопасно.

Но нашлись люди в окружении Зарапетяна, которые его не сдали. К тому же был среди них и Славский. Его роль документально не подтверждена, но такие дела и решаются лишь в личном контакте с высшим руководством.

В итоге З.П. Зарапетяна от работы освободили, но из партии не исключили, ограничившись выговором. Генпрокуратура порочащих его фактов не нашла. В возрасте 58 лет он назначается заместителем директора Института ядерных исследований АН СССР. Под его руководством построены здания московской мезонной фабрики, Баксанская нейтринная обсерватория, институт и город науки Троицк. Скончался он в апреле 1998 года на 85-м году жизни.

7. Трубовозы вновь выходят в рейс

В 1978 году, через 10 лет после прокладки водовода, Трест «Гидромонтаж» получает задание проложить вторую нитку с продлением её до Учкудука в 80-ти километрах севернее Зарафшана. Как всегда, срочно. Растущим двум городам требовалось всё больше воды. А лишней в пустыне она никогда не будет.

На этот раз работы будет выполнять набравшее силу МСУ-28. Начальником там был Валерий Дмитриевич Захаров, главным инженером Владилен Андреевич Светиков. Организуется новый участок во главе с А.Р. Никулиным.

В Зарафшане устанавливается стенд для подготовки плетей и их развоза по трассе. Металлурги уже катают трубы 1220 мм диаметром, длиной по 11 метров, что сокращает вдвое количество сварных швов. Трубовозы выезжают на рассвете, везя каждый по 3 плети длиной по 33 метра каждая.

Рассказывает Владилен Андреевич Светиков:

Нам, конечно, было полегче, чем Ханянцу – мы знали, что можно ожидать и к чему готовиться.

На трассе действующего трубопровода была электроэнергия, поданная по воздушной линии, через 25–30 километров стояли насосные станции, где была вода и можно было организовать питание людей. Притрассовая дорога тоже существовала, хотя кое-где её и перемели барханы.

Та же убийственная жара, песок и поджимающие сроки. Но отработанные технологии позволяли их сокращать.

Особенно тяжёлой была операция ручной проварки корня шва при соединении плетей. Сварщику приходилось забираться в трубу диаметром чуть больше метра, раскалённую солнцем, обваривать там всю окружность и потом 33 метра выбираться наружу.

Это было не просто трудно, а опасно для здоровья. Как водолазам, в трубу нагнетался свежий воздух, правда, тоже не прохладный.

Водовод закончили в 1978 году, уложившись в установленные сроки. Вторая нитка значительно повысила надёжность рукотворного потока. В случае аварии подача воды сокращалась, но не прерывалась вовсе, что в условиях пустыни является решающим фактором. Достаточный водный баланс позволил наполнить озеро в Зарафшане. В пустыне это дорогого стоит.

Глава XII
ИНЖЕНЕРИЯ КАК БАЗА ПРОГРЕССА

1. Когда в товарищах согласье есть

Взлёт Треста «Гидромонтаж» в объёмах выполняемых работ и в их сложности во многом был предопределён грамотной инженерной службой. В советское время в производственной сфере – на промышленных предприятиях, в строительстве, на транспорте были два руководителя, наделённых почти равными полномочиями – директор и главный инженер.

Если директор, как первое должностное лицо, отвечал за всё в коллективе, включая выполнение плана, финансы, дисциплину, то главный инженер – за качество продукции, производительность труда, технику безопасности. То есть первый был больше администратор, второй – инженер. Сфера техники и технологий – его каждодневный хлеб. Там, где удавалось удачно подобрать этот тандем – дела шли заметно лучше. Удивительно, но в тресте до его краха в 1994 году были всего два начальника и всего два главных инженера. Министерство удачно подбирало кадры!

Керцман Павел Аронович

Первым главным инженером, пришедшим вместе с Я.А. Кузнецовым, был Павел Аронович Керцман, которому сослуживцы дают высокую оценку как неординарной личности. Он, как и Кузнецов – военный, дорос до звания полковника, только в отличии от него ходил в чёрной морской форме, будто бы подчёркивая свою глубинную связь с названием треста.

Он был чистый гидромонтажник. Если Яков Андреевич немало лет отдал строительству железных дорог, то Павел Аронович всегда был связан с водой.

В 1956 году, в возрасте 39 лет, его назначают главным инженером к Я.А. Кузнецову. Формируется новое специализированное подразделение Монтажного главка, и управление кадров Минсредмаша находит специалиста-гидротехника с большим практическим опытом.

П.А. Керцман – коренной одессит, окончил в 1941 году в родном городе институт инженеров водного транспорта, а с началом войны был направлен на учёбу в Военно-морское училище подводного плавания. Затем в Артиллерийское училище. Воевал в частях береговой обороны в Севастополе командиром батареи, заместителем командира дивизиона. В партию вступил на фронте в 1942 году. Учитывая подготовку, его переводят в 1943 году в распоряжение службы аварийно-спасательных и судоподъёмных работ.

Далее служит в подразделениях Главного военно-речного управления МРФ СССР. В 1956 году вместе с передачей экспедиционного отряда подводно-технических работ (ЭПРОН) Главного управления МРФ в систему Минсредмаша переходит и его командир П.А. Керцман. Вначале на должность заместителя главного инженера монтажно-строительного управления № 8, а через несколько месяцев – главным инженером.

В это время они с Я.А. Кузнецовым пребывают в майорских званиях. Но у них всё впереди. Уже ясно, что предстоит перебазирование их хозяйства из Москвы в Московскую область на станцию Селятино с разворачиванием нового треста. В этой связке они проработают 12 лет, когда П.А. Керцмана переведут в 1968 году на должность заместителя начальника строительства Прикаспийского горно-металлургического комбината.

Министерство решило, что Керцман себя перерос и его надо двигать по службе. Тем более начались ненужные трения с Я.А. Кузнецовым.

Менять начальника треста резону не было, Кузнецов справлялся и был на своём месте.

Многие вспоминают, что эти два полковника на гражданском предприятии гармонично дополняли друг друга. У Керцмана имелась своя епархия, на которую начальник треста не покушался, когда дела там шли нормально.

Рост выполняемых объёмов требовалось обеспечить не просто ростом численности, но прежде всего оснащением, новыми технологиями, сильной инженерной подготовкой, производительностью труда. Такова была установка министра и 12-го Монтажного главка.

По штату у главного инженера были два заместителя. В его ведении находились отделы главного технолога, главного сварщика, технический, водолазная инспекция, гидротехническая группа, техническая библиотека, центральная лаборатория.

Его влияние, как и прямой контакт, распространялись на главных инженеров подразделений и их инженерные службы.

Комплекс работ в направлении инженерии был поистине огромен и регламентировался требованиями министерства, делаясь всё более системным. Эта система затягивала в свою сеть даже нерадивых, заставляя двигаться по проложенным рельсам. Пришедшему в подразделение треста новичку становилось постепенно ясно, что совершенно недостаточно просто читать чертежи и следить за их исполнением. От него требуется большее.

Технические службы треста и подразделений, возглавляемые главными инженерами, выступали как техническое сообщество, которое разрабатывало целевые программы и организационно-технические мероприятия по механизации и новым технологиям, доводя их до участков, цехов и прорабств.

Создавалась атмосфера творческого духа. Вопросы технического прогресса постоянно обсуждались на технических советах при главном инженере, на партийно-хозяйственных активах, парткомах и профкомах. Заслушивались отчёты ответственных руководителей по применению новых материалов, их обработке, производству работ, внедрению методов узлового, блочного и поточного монтажа.

И пусть не кривят лицо скептики советской системы – она работала, давая реальные плоды. Публичность постановки

инженерии, подкреплённая персональным спросом, регулярными аттестациями, которую можно было и провалить, без сомнения, давили на самолюбие любого инженера, заставляли, хочешь не хочешь, работать над собой, расти профессионально. Лодыри и «пофигисты» рано или поздно через фильтр отбора не проходили.

2. О тонкостях организации инженерного труда

От Министерства шли импульсы в определении критериев инженерного труда, выраженных в конкретных цифрах. Разрабатывались планы внедрения, методика оценки их полезности. Основные направления этой работы можно свести к пяти простым пунктам: трудосбережение, ресурсосбережение, энергосбережение, экономическая эффективность, безопасность и экология.

По каждому пункту определялись направление, объём внедрения, сроки, место, ответственные исполнители, затраты. Расчёт эффективности проводился по утверждённой министром методике.

Рост производительности труда и экономии превалировали в оценках результатов. Первостепенное внимание обращали на создание новых стендов, машин и станков, оснащённых новейшим инструментом и оснасткой, использование изобретений, образцов новой техники, внедрение рационализаторских предложений.

В системе 12-го Главка функционировало исключительно важное подразделение – Научно-исследовательский и конструкторский институт монтажных технологий (НИКИМТ). Его создание в 1961 году на базе действующего с 1956 года проектно-монтажного управления стало находкой Славского.

Институт был призван выполнять разработку технологий монтажных работ, специального оборудования и оснастки для монтажа ядерных объектов, готовить предложения по технологиям устранения утечек радиоактивности. Там были собраны крупные силы конструкторов и учёных во главе с бессменным директором Кедровским.

Руководство «Гидромонтажа» всегда дружило с этим институтом, черпая оттуда массу полезного для практической работы, сверяя с его специалистами все свои доморощенные идеи и разработки.

Не случайно в 1976 году, именно на селятинской площадке, рядом с платформой электрички Алабино силами треста был построен комплекс зданий под названием «База Кедровского». Тот самый завод, где изготавливались головные образцы новейших разработок.

Кооперация с родственными монтажными трестами и заводом НИКИМТа по сводному плану новой техники и технологий позволяли привлекать широкий круг инженеров и передовых рабочих к участию в освоении и внедрении научных разработок и прогрессивных методов работы. Хорошим стимулом являлась система регулярного премирования за новую технику. Повышая самооценку инженера, оно имело важный моральный эффект.

90% всех денежных премий от эффекта внедрений приходились на непосредственных участников. Наряду с отраслевыми премиями группе разработчиков присуждены были две премии Совета Министров СССР.

Особую роль во внедрении поточного, узлового и крупноблочного монтажа играло повышение степени заводской готовности монтажных заготовок. В этой связи максимальное внимание уделялось развитию промышленных предприятий и участков производственно-технологической комплектации, которые были созданы в каждом подразделении. На них же велось и изготовление монтажной оснастки.

Назовём некоторые разработки конструкторов и технологов треста, давшие большую экономию труда. Это стенды для сварки, обвязки и изоляции труб различного диаметра, автоматическая линия для изготовления спирально-фланцевых труб для круглых воздуховодов вентиляции. Использование вертолётов для монтажных работ. Гидравлические центраторы для монтажа труб большого диаметра, приспособления для нанесения битумоперлитной и полимербетонной изоляции при бесканальной прокладке трубопроводов.

Изготовлены опытный образец роторной автоматической линии по производству конвекторов, поточная линия по производству грузоподъёмных стропов, оснастка и технология изготовления опрессовочных агрегатов на базе танковых двигателей для испытания водовода диаметром 1220 мм. Сварка труб из нержавеющей стали в среде аргона, передовое станочное оборудование, в том числе станки с числовым программным управлением (ЧПУ).

Налажен агрегатный капремонт строймеханизмов и машин, чтобы не везти их через всю страну на капитальный ремонт, а отправлять только необходимые агрегаты и узлы.

Для механизированной разработки мёрзлой земли внедрялись мощные гидромолоты, ковши с активными зубьями для экскаваторов, бульдозеры на тракторах в 330 лошадиных сил, способные специальным зубом рыхлить не только мёрзлые, но и скальные грунты.

Всё это лишь часть тех внедрений, которые были осуществлены инженерной службой треста за годы работы. Они давали высокую эффективность в росте производительности труда и снижении себестоимости выполняемых работ. Становились гарантией выполнения работ любой сложности и в те сжатые сроки, что устанавливались.

Инженерная мысль, организационная хватка позволяли, как правило, за редким исключением, справляться с плановыми заданиями, которые неизменно росли.

Из названных выше 5-ти пунктов технического прогресса, ставших катехизисом инженерной службы, последний – безопасность труда, был тем камнем преткновения, за что больнее всего били главного инженера.

Как бы ты ни отличился по предыдущим четырём пунктам, пятый мог всё смазать.

Аварии случались, иногда со смертельным исходом, с инвалидностью. Всегда это рассматривалось как самое большое ЧП. Следовало тщательное расследование, принимались меры по недопущению ЧП впредь, и строго привлекали к ответственности виновных и прежде всего главного инженера. Диапазон

был от лишения премии до понижения в должности. Это подкреплялось взысканием по партийной линии.

Читая взятое из архива личное дело П.А. Керцмана, обращаешь внимание на длинный ряд аттестаций. В них, помимо текста аттестационной комиссии, подписанного главным инженером 12-го Главка, обязательно присутствует партийно-производственная характеристика за подписью секретаря парткома и секретаря Наро-Фоминского горкома партии.

Имеется «отдельное заключение и отзывы старших начальников», где 5–6 подписей. Можно представить всю серьёзность этого действа, число людей, участвовавших в нём, а также переживания самого фигуранта.

Все аттестации П.А. Керцмана положительные, но отнюдь не расточают елей. Имеются и замечания, и порицания. Один выговор партийный, без занесения в учётную карточку, от 1962 года, за использование служебного положения в личных целях. Детали не поясняются.

Другое взыскание – «предупреждение о неполном служебном соответствии», подписано начальником 12-го Главка А.С. Пономарёвым в 1964 году – «за недостатки в руководстве работой по охране труда и необеспечению безопасности труда в подразделениях». Через год снято.

Имеется в архиве копия удостоверения № 838, выданного П.А. Керцману в том, что он закончил обучение по программе повышения квалификации руководящих работников и специалистов с высшим образованием при Московском инженерно-экономическом институте на курсах руководящих работников, по обучению методам сетевого планирования и управления в промышленности и строительстве[1].

В период обучения изучил «Основы применения ЭВМ в управлении производством» – 8 часов; «Систему сетевого планирования и управления (СПУ)» – 56 часов.

Это январь 1965 года, до компьютерных сетей ещё ой как далеко, но в министерстве уже озабочены подготовкой

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Личное дело П.А. Керцмана.

руководящих кадров к новому, электронно-вычислительному явлению в управлении.

Нетрудно догадаться, что по образу и подобию вышестоящей инстанции стремился строить работу и сам Павел Аронович в своей епархии. Он заложил хорошую основу трестовской инженерии. Ветераны его вспоминают добрым словом.

3. О зрелости инженерной когорты

Пришедший после него Сергей Фёдорович Береснев ступил на взрыхлённую почву. Он был грамотный и ответственный инженер. Закончил в 1964 году Иркутский политехнический институт по специальности «Теплоснабжение и вентиляция». С 1965 года работал в Обнинске. Переведён в «Гидромонтаж» с должности начальника п/я 15 родственного Треста «Энергомонтаж» 12-го Главка. Наработал там немалый опыт.

Береснев Сергей Фёдорович

Всё было сделано объективно. Свои кадры для столь ответственной работы на то время ещё не подросли.

Проработал Сергей Фёдорович верой и правдой в Тресте «Гидромонтаж» 25 лет до 1993 года, когда должность главного инженера за ненадобностью была упразднена. Из них 13 лет с Я.А. Кузнецовым и 12 лет с В.Д. Захаровым[1].

В 1968 году трест находился уже на ином, более высоком техническом уровне. Ушли в прошлое настроения, что достаточно искать «выгодные» работы, добиваться удорожания проектов, наращивать численность.

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1-лд. Л. 126–156.

Инженерный корпус нацеливался на интенсификацию производства. Речь шла о внедрении вычислительной техники (АСУ). В связке с НИКИМТом разрабатывались целевые программы. Дважды трест отмечался министерством за достижения по научной организации труда (НОТ) и многократно – за изобретательство и рационализацию. Участвовал в выставках и отраслевых строительных конференциях.

Шевченко Владислав Архипович

С.Ф. Береснев вписался в систему, завоевал авторитет. Правда, в силу особенностей характера, быстро заводился, нервничал, накаляя и так достаточно напряженную атмосферу.

Но он не был злоблив, не преследовал человека за резко высказанное мнение, всей душой болел за дело. Он умел организовать слаженную и эффективную работу своих подчинённых, каждый из которых был крупным инженером и самобытной личностью.

Четверть века (с 1963 г.) проработал заместителем главного инженера треста Владислав Архипович Шевченко. Блестящий инженер-организатор производства, он внёс неоценимый вклад на важнейших вводных объектах урановых комбинатов в Степногорске и Мангышлаке, и на десятках других строек. Владислав Архипович – фронтовик с июля 1941 года по январь 1945 года. Командовал батареей полковых 76-мм пушек. В наступательных боях в октябре 1944 года получил тяжёлое проникающее осколочное ранение в голову. Награждён боевыми орденами.

В 1945 году поступил, а в 1950 году с отличием окончил Харьковский инженерно-строительный институт и был направлен в систему Главпромстроя МВД СССР. С этого времени его жизнь

навсегда связана с Минсредмашем, где он прошёл путь от прораба до главного инженера строительно-монтажного треста в Ангарске в 1961 году.

В 1963 году Владислав Архипович Шевченко переведён в Трест «Гидромонтаж». Зарекомендовал себя как квалифицированный инженер-практик, умеющий в длительных командировках организовать людей и обеспечить выполнение задачи.

Планирование службой главного инженера разделов научно-технического прогресса (НТП) по пятилеткам и годам дисциплинировало инженерные кадры. Не позволяло растекаться «мыслию по древу».

12-й Главк ввёл единые методические рекомендации по разработке оргтехмероприятий (ОТМ) для монтажных и промышленных предприятий. Утверждался график ежегодной их защиты с выездом в трест главного инженера Главка и участием всех служб и общественных организаций треста.

Целевые программы представляли задания и отчёты по выполнению в физических объёмах, тысячах квадратных метров и кубометров, комплектах, штуках, тоннах, высвобождения численности работающих. Отвертеться при подведении итогов было невозможно – это оценка главного инженера – от участка, управления до треста.

К примеру, план ОТМ на 1975 год предусматривал: раздел «А» – новая техника; механизация; рационализация и изобретательство; научно-техническая информация; сетевое планирование и ЭВМ.

Раздел «Б» – улучшение использования механизмов и автотранспорта; организации труда и материально-технического снабжения.

МСУ-28 предоставило в 1975 году экономический эффект по разделу «А» в сумме 533,9 тысячи рублей. По разделу «Б» – 235,2 тысячи рублей. Экономическая эффективность по тресту достигала трёх миллионов рублей, с условным высвобождением численности работающих 250 человек.

Архивные документы показывают, как от года к году, последовательно и целеустремлённо шли в тресте по программе

трудосбережения, росту эффективности, что по существу является ростом производительности труда.

По каждому году, с 1963 по 1991 год, скрупулёзный отчёт – что внедрено, какой эффект в рублях, сколько человек за счёт внедрённых мероприятий условно высвобождено. Год от года видно, как менялась оснащённость строительного и монтажного производства, насколько усложнялись задачи, которые перед собой ставили.

В 1965 году внедрено 15 мероприятий с экономическим эффектом 481 тысяча рублей. Освоены монтаж вертикальных резервуаров методом наращивания, применение полиэтиленовых труб, разработка мёрзлых грунтов барами, сварка и изоляция труб на стендах и многое ещё в том же духе.

В 1987 году – уже несколько иной набор осуществленных мероприятий. Идёт перечень авторских свидетельств на изобретения: система дистанционного управления кранами – авторское свидетельство № 218391; грунтонасосы 10ГРУТ 8КУ – авторские свидетельства – 3; шахтный ствол диаметром 3,6 метра – авторские свидетельства – 4, с соответствующими номерами. Листаем отчёты дальше – 1985 год – по всем мероприятиям использовано 20 изобретений. В 1981 году трестом в министерство внесено обоснованное предложение о строительстве специализированного завода для изготовления средств малой механизации, монтажной оснастки и специального инструмента для предприятий 12-го Главка.

Оно продиктовано волюнтаристским решением Главка загрузить отстроенный и оснащённый трестом Опытный завод всё возрастающими заказами по изготовлению металлоконструкций в ущерб интересам «Гидромонтажа». Счёт пошёл на десятки тысяч тонн и выходил за рамки потребностей министерства. В 1980 году был выполнен заказ на изготовление конструкций наклонных осветительных башен для Олимпийского стадиона «Динамо».

Совместно с НИКИМТом проведена огромная работа по комплексному обследованию технологических процессов по видам работ на монтаже и в промышленности с целью

использования отечественных научно-технических достижений и мирового опыта.

Если это не зрелость инженерной когорты «Гидромонтажа», то что? Застой? Отставание от «цивилизованного» мира, как гудели в конце 80-х – начале 90-х младшие научные сотрудники московских и ленинградских НИИ, представители творческой интеллигенции и «продвинутые» журналисты, бегавшие на митинги свергать советскую власть.

Свергли (она и не сопротивлялась), расчленили страну, поверили на слово заезжим консультантам. Под восторженные восклицания соорудили новую финансово-экономическую конструкцию, а теперь опять, прицепив белую ленточку (символ непорочности), кричат о нашей отсталости и нефтяной зависимости, о тирании Кремля! А сами, значит, ни при чём? Сторонние наблюдатели, гвоздя забить в общий дом не желающие!

Порочная роль общественно-активной интеллигенции, вечно не знающей, чего ей надо – «то ли Конституции, то ли осетрины с хреном»…

4. Конец 80-х – время заблуждений и упущенных возможностей

Исследуя историю «Гидромонтажа», приходишь к выводу, что всё, чем занимался его многотысячный коллектив, было востребовано экономикой. Строительные мощности Министерства среднего машиностроения всё больше переключались с ядерных на другие народно-хозяйственные объекты. В том числе в сельском хозяйстве и жилищном строительстве, где был непочатый край работы. Где нужен был немедленный и качественный рывок в интересах населения.

Не оставляет мысль – взялись бы за это дело всерьёз, как за создание атомной промышленности, и ведь лет за 10–15 отстроили бы эти отрасли в лучшем виде! Об этом говорит изменение облика хозяйств Наро-Фоминского района, где приложил руку Трест «Гидромонтаж».

Инициативная застройка усадебными домами деревни Софьино в совхозе «Нара», осуществлённая трестом (МСУ-63,

МСУ-63. Строительство посёлка Селятино

МСУ-23), показала огромную привлекательность такого вектора жилищного строительства, могущего, при наличии политической воли, стать столь же массовым явлением, как в 50–60-е хрущёвские пятиэтажки.

Только с одним существенным плюсом – привлечением личных средств граждан и льготного банковского кредита. Государство не взваливало бы на себя всю неподъёмную ношу, а должно было лишь помочь на старте и подсобить организоваться самим застройщикам. Люди на такой порядок откликались с огромным желанием, получая новое качество жизни.

Сочетание отстроенных совхозов и колхозов с комплексами первичной переработки и хранения продукции, как центров притяжения на селе, с фермерскими хозяйствами, которые заполнили бы ниши рядом с ними, могло изменить всю картину в сельском хозяйстве. Как и в сфере производства потребительских товаров и услуг, где нельзя было давить дальше планом всё и вся. Но отпускать в свободное плавание с умом и не всех подряд, как сделали реформаторы в 90-х, а последовательно, по мере готовности.

И не хуже, чем в Китае, вырос бы и у нас к началу 90-х малый и средний бизнес, а полки магазинов заполнились бы товарами, которые сейчас покупаем в Китае и Европе.

Только Горбачёв не прагматик Дэн Сяопин! Он оперировал высокими материями – «общечеловеческие ценности», «европейский дом», полагая, что к красивым словам экономика сама приложится.

«Прорабам перестройки» оказалось крайне важным охаять социализм и в одночасье соорудить «чистый» и «справедливый» капитализм, полагая это дело пустяком – будто переобуться из лаптей в лакированные туфли.

При этом каяться и каяться за то, что «натворили» в прошлом. И не важно, что в этом прошлом сотворили ракетно-ядерный щит и нефтегазовую отрасль, на которых и сегодня стоит Россия. Создали с нуля передовую авиационную и космическую промышленность.

По сей день спорят – какой в Китае строй – капитализм или социализм. А там рыночная экономика в сочетании с государственным планированием и руководством КПК. Там до сих пор вся банковская система государственная, а у нас – частная.

И результат? Китай – первая экономика мира с 2014 по паритету покупательской способности! Обогнали США и пошли дальше, не оглядываясь. И никакой доллар им не страшен! У них всемогущий юань!

Глава XIII
БУРОВЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

1. Как силой атома разорвать водораздел

Буровые работы изначально, вместе с гидротехническими, стали основным элементом сформированного в 1955 году предприятия п/я 646 – будущего Треста «Гидромонтаж». Специалисты и некоторое оборудование тогда пришли вместе с конторой «Техспецработ», переданной в состав 12-го Монтажного главка.

Спустя время, в 1966 году, в связи с ростом в 5 раз объёмов выполняемых работ, п/я 7 (бывший п/я 1605) разделили на два подразделения: МСУ-28 – гидротехники, и МСУ-24 – буровики, ставшие самыми мощными и оснащёнными предприятиями в тресте[1].

Первым начальником МСУ-24 назначается опытный инженер-буровик Владимир Григорьевич Лукин. Его задача – бурение артезианских скважин на воду, а также для различных технологических целей в интересах предприятий Минсредмаша, Министерства обороны, химической промышленности.

Опыт имелся, как и подготовленные кадры, что позволило идти дальше – создавать техническую базу для ремонта бурового оборудования, изготовления оснастки и запасных частей. Овладевать новыми технологиями бурения.

В.Г. Лукин справился с задачей. Развернул МСУ-24 в современное предприятие с производственной базой, сетью самостоятельных участков (до семи) по всей стране, формированием профессионального коллектива рабочих, буровых мастеров и инженерно-технических работников. Одновременно решались социальные проблемы, прежде всего жилищные, для закрепления кадров.

Буровикам «Гидромонтажа» стали по плечу сложные задания – вентиляционные стволы для подземной разработки урановых руд, скважины для технологии выщелачивания и особо ответственные, глубокие скважины для испытания ядерных зарядов повышенной мощности.

1 Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1с. Д. 31. Л. 91–94.

Помимо испытательных взрывов, в СССР с 1965 по 1988 год было проведено 124 мирных ядерных взрыва в интересах народного хозяйства, в том числе 117 – вне границ ядерных полигонов. Проводилось сейсмозондирование для геофизических исследований, интенсификация добычи нефти и газа, создание подземных ёмкостей для газоконденсата.

Существовала также программа переброски северных рек на юг, обоснованная ещё академиком Обручевым и другими русскими учёными и подвергнутая обструкции в перестроечные годы.

В 1968 году ЦК КПСС поручил Госплану, Академии наук и другим ведомствам разработать план перераспределения стока рек.

В развитие этого задания в 1971 году в Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР была обоснована необходимость переброски 25 миллионов кубокилометров воды в год к 1985 году. Реально были начаты некоторые работы – в 1971 году вступил в эксплуатацию оросительно-обводнительный канал Иртыш-Караганда.

Одновременно велись исследования в части возможности подземных атомных взрывов на выброс грунта в целях прокладки канала. В октябре 1968 года на Семипалатинском полигоне был произведён промышленный взрыв «Телькем» мощностью заряда в 0,24 Кт, заложенный на глубину 31 метр. Он дал воронку диаметром 80 метров и глубиной 20 метров.

Меньше чем через месяц был произведён взрыв «Телькем-2» с одновременным подрывом уже 3-х ядерных зарядов, заложенных через каждые 40 метров. В результате возникла выемка в виде траншеи длиной 140 метров, шириной 70 и глубиной 16 метров.

Взрыв был модальным для прокладки реального канала Печора–Колва. В связи с положительным заключением начались реальные работы по проекту создания канала с помощью 250 групповых ядерных взрывов на выброс грунта между реками Печора–Колва в Пермском крае на стыке с Коми АССР для подпитки мелеющего Каспийского моря и повышения эффективности работы гидроэлектростанций Волжского каскада.

Предполагалось силой атома разорвать водораздел между двух рек. Первым шагом должен был стать экспериментальный

подрыв трёх зарядов уже на трассе канала.

Вергун Василий Евстафьевич

Подготовку к этому мероприятию поручили МСУ-24 Треста «Гидромонтаж». В этих целях приказом от июня 1969 года создаётся участок № 3, его начальником назначается 30-летний Василий Евстафьевич Вергун. Вот как он описывает эту эпопею:

В конце июня 1969 года я выехал в Соликамск (300 километров от точки) для знакомства с генподрядчиком, который призван был обеспечить нас доставкой грузов к месту работ. Вдвоём с И.Г. Шевелёвым, директором комбината-генподрядчика (в составе Минсредмаша), мы смогли добраться до места нашей дислокации, после чего составили транспортную схему доставки грузов, перечень необходимого автотранспорта и механизмов и подготовились к совещанию у замминистра П.К. Георгиевского.

И вот большой кабинет, много людей от всех заинтересованных сторон. Здесь и Я.А. Кузнецов, но докладывать должен я.

Одолевает волнение – впервые в министерстве, да на таком совещании! Мы с Шевелёвым доложили о транспортной схеме: весной – по воде, зимой – по зимнику, а в остальное время – вертолётами.

Надо отдать должное: министерство в короткий срок выполнило все наши запросы, и работа начала набирать обороты. Стали прибывать буровики, некоторые с жёнами и даже с детьми – это в условиях экспедиции не возбраняется, тем более женская работа была востребована.

Так, Рапута Татьяна стала заведующей столовой, Верховодкина Лина – фельдшером, Самбук Надежда – завскладом, Зубова

Рая – работником ГСМ. Жили в вагончиках с индивидуальным дровяным отоплением. Быт налаживался. Чистое сменное постельное бельё, трёхразовое питание, и притом, дешёвое. Спасибо этим женщинам за их труд и созданный уют.

На бурении шахтных стволов работали в две смены, в суровых климатических условиях, когда зимой морозы доходили до 40–45 градусов, а в короткие летние месяцы донимали мошкара и гнус.

В сжатые сроки, менее чем за два года, мы выполнили задание и подготовили все четыре ствола глубиной 127 метров и конечным диаметром 920 мм на расстоянии 165 метров друг от друга. Я искренне благодарен прорабам Е.Ф. Воронцову, Р.Н. Фаттахову, мастеру И.Б. Конякину, бурильщикам А.И. Верховодкину, Е.В. Ребрикову, Н.Н. Кривенко, электрику В.А. Ожогину, механику А.А. Лаврову.

Заряды разработали в ядерном центре в Снежинске, и заявлялись они, как «чистые», мощностью по 15 Кт. Измерительная аппаратура для регистрации параметров, а также система подрыва размещались в специально оборудованных автомобилях Урал-375. Командный пункт находился в селе Берёзовка, там же – вышка с кинофотоаппаратурой.

Отдельной операцией стала доставка зарядов на место по построенной временной дороге. Впереди шла машина с объёмно-весовым макетом, чтобы убедиться в проходимости маршрута и достаточной прочности мостов, которые предварительно укреплялись сапёрами. Были предприняты самые строгие меры охраны.

После опускания ядерного заряда скважина засыпалась слоем гравия, затем графита и цементировалась.

3 марта 1971 года три ядерных заряда были одновременно подорваны. Сотрясение почвы ощутили жители деревень в радиусе нескольких десятков километров. Грунт сквозь языки пламени был выброшен на высоту около 300 метров, после чего начал опадать вниз, создавая растущее, клубящееся пылевое облако, которое поднялось на высоту 1800 метров.

В результате взрыва образовался канал длиной 700 метров, шириной 340 метров и глубиной 15 метров с бруствером вокруг. Затем он заполнился грунтовыми водами, и возникло озеро. Посреди водной глади из-за падения грунта образовался небольшой островок.

Несмотря на то что заряды проектировались «чистыми», радиоактивные частицы, поднятые взрывом в атмосферу, ветром, вместе с облаком, были вынесены за пределы СССР в сторону Скандинавии.

Их зафиксировали в пробах воздуха и выдвинули к Советскому Союзу претензии за нарушение Московского договора от августа 1963 года о запрещении ядерных испытаний в трёх средах.

К тому же не произошло остеклования грунта в ложе канала, на что рассчитывали физики. Требовались дополнительные исследования, но было принято политическое решение о закрытии проекта.

Трест «Гидромонтаж» свою работу выполнил, но никого не наградили из-за неудачи всего проекта. «Ядерное озеро», как его называют в округе, сегодня, по прошествии 40 лет, полно рыбы, которую с удовольствием уплетают заезжие журналисты в поисках сенсаций.

Выискивают «очевидцев», утверждающих, что один заряд не взорвался, и якобы до сих пор находится в скважине.

Радиация вокруг озера – на уровне природного фона, но есть места, где она зашкаливает до 1000 бэр. Что-то недоработали проектировщики в «чистоте» заряда. Вообще, радиоактивная «грязь» стала главной препоной на пути мирного атома.

2. Под новые задачи – новые технологии

В связи с новыми задачами по испытаниям ядерных зарядов в скважинах на Новой Земле перед руководством треста и Главка встал вопрос подбора кандидатуры нового начальника МСУ-24, знакомого с технологиями бурения скважин большого диаметра и глубины. Некоторое время в этой роли проработал Р.С. Гамзатов – буровик-нефтяник, а в 1971 году им стал Михаил Дмитриевич Леонов.

Подбором кандидатуры, в силу важности направления, занимались не только кадровики «Гидромонтажа», но и само министерство.

М.Д. Леонов в то время работал управляющим трестом шахтной геологии и технического бурения в Донбассе, где далеко продвинулись в освоении технологии реактивно-турбинного бурения (РТБ), позволявшего пробивать шахтные стволы большого диаметра на большую глубину.

Всесоюзный научно-исследовательский институт буровой техники (ВНИИ БТ) разработал РТБ-1560. Этим буровым агрегатом впервые пробурили ствол глубиной 300 метров и закрепили трубами диаметром 1400 мм.

Далее был создан буровой агрегат РТБ-2080 под обсадную колонну диаметром 1800 мм. Её авторами стали Г.И. Булах и М.Д. Леонов. Производительность была таковой, что одна вахта буровой бригады в месяц бурила больше погонных метров, чем все остальные вместе взятые. Это был технологический прорыв.

Беликов Александр Александрович

В совместную творческую группу треста шахтной геологии и ВНИИ БТ включили также бурового мастера А.А. Беликова, руководившего самим процессом бурения. С того времени он станет неотлучным соратником М.Д. Леонова, пройдёт вместе с ним весь путь в МСУ-24 на самых острых направлениях – и в роли начальника участка на Новой Земле, и главного инженера МСУ-24, станет лауреатом премии Совета Министров СССР.

К 1967 году появились серии РТБ-2600 мм, РТБ-3200 мм и соответствующих долот. Понятно, что пройти мимо таких

достижений при потребности в новых технологиях бурения на урановых рудниках, а также в преддверии подземных испытаний ядерных зарядов мегатонного класса в Минсредмаше не могли.

Леонов Михаил Дмитриевич

В 1971 году М.Д. Леонова вызвали из Донбасса в Москву для беседы в Министерстве среднего машиностроения. Ему предложили возглавить работы государственного значения – бурение сверхглубоких скважин большого диаметра для испытаний сверхмощных ядерных зарядов.

Леонов, как управляющий трестом и высококвалифицированный специалист-изобретатель, пользовался большим авторитетом в Донбассе, являлся гордостью Министерства угольной промышленности. Понятно, что его не хотели отпускать. Но средмашевцы умели уговаривать, да и сам Михаил Дмитриевич с пониманием отнёсся к предложению и дал согласие.

Его деятельность в должности начальника МСУ-24 оставила яркий след в коллективе. Все отзывы его коллег и соратников – в самой превосходной степени. Это был талантливый человек, отдававший себя без остатка интересам дела.

Для добычи урановых руд Навоинским горно-металлургическим комбинатом в пустыне Кызыл-Кум, около городов Зарафшан и Учкудук, необходимо было построить шахтные и вентиляционные стволы в сложных горно-геологических условиях. Геотермальные подземные воды имели температуру до 60-ти градусов.

В таких случаях строительство шахтных стволов целесообразно осуществлять безлюдным способом, с помощью буровой техники.

В предыдущие годы московский Трест «Союзшахтоосушение» уже пытался пробурить вентиляционный ствол способом РТБ-2080, но результатов не добился. Попытка буровиков МСУ-24, командированных в Зарафшан для бурения способом РТБ-560, также потерпела неудачу.

Время поджимало, надо было срочно дать воздух руднику, и М.Д. Леонов направляет туда команду во главе с А.А. Беликовым. Они, используя накопленный на Донбассе опыт, в кратчайшие сроки сдают первый вентиляционный ствол диаметром 920 мм.

Начинается подготовка к проходке шахтных стволов большего диаметра, вплоть до 4600 мм, с опуском крепи сталь-бетон-сталь наружным диаметром 4,2 метра и внутренним 3,6 метра.

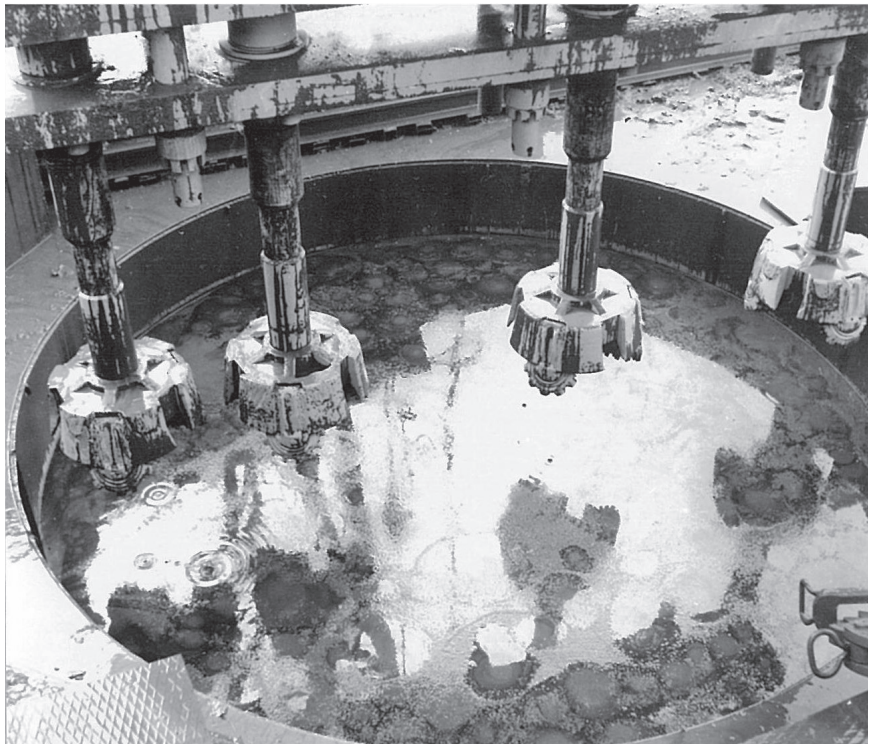
Прежде всего, Леонов ставит задачу построить опорную базу, жильё, бытовки. Одновременно создаёт собственное специальное конструкторское бюро (СКБ), чтобы просчитать на гидростатику обсадную колонну. Таково его кредо – наступательный прорыв тщательно готовить, подтягивать тылы. Позже это станет почерком всего «Гидромонтажа».

На отведённой площадке вырос целый посёлок на 24 семьи, гостиница для командированных, контора с красным уголком, мехмастерские с бытовками, гараж, складские помещения. Укомплектовались техникой и кадрами.

Появляется оригинальное техническое решение: колонну усилить наружными рёбрами жесткости – бандажами, которые незначительно увеличат наружный диаметр, но позволят спокойно опускать обсадную колонну погружным способом (на плаву).

Как следствие всех этих мер, успешно пробурили 12 вентиляционных стволов глубиной 400–500 метров, диаметром 1200 мм. Работа сложная, требовавшая времени – на каждый ствол уходило от 4-х до 6-ти месяцев. Один ствол, по заказу горняков, оборудовали аварийными маршами с переходными площадками. Тот период напряжённой, творческой работы вспоминает А.А. Беликов:

Под руководством М.Д. Леонова группа конструкторов: Н.П. Рябченко, Л.И. Ушаков, В.Л. Гой, Ю.А. Шепелев, П.И. Кондратенко, разработали чертежи станка для сборки шахтной крепи, буровой агрегат РТБ-4600, нестандартное буровое оборудование.



Бурение шахтного ствола диаметром 4,6 метра

Заказ на его изготовление разместили на заводах НГМК и Треста «Южпроммонтаж» города Навои. Процесс изготовления, в порядке авторского надзора, контролировался разработчиками. Располагались конструктора в нашем посёлке, в оборудованном для них гостиничном номере со всеми удобствами.

Посёлок был благоустроен, озеленён: виноград, персики, урюк и клубнику дети собирали с мая по декабрь. Вызревали прекрасные дыни, арбузы. Женщины разводили цветы. Пассажиры самолёта, совершавшего посадку в Зарафшане, всегда обращали внимание на прекрасный оазис в пустыне.

По мере изготовления и поступления разработанного оборудования строился цех по изготовлению крепи. Мы максимально механизировали площадку: построили железнодорожную

ветку к автоматизированному цементному складу на 360 тонн и к смонтированному собственными силами автоматизированному бетонному узлу на 14 кубометров бетона в смену марки М-500 и М-600, эстакадой под инертные материалы, химические реагенты для бурового раствора с ёмкостью на сотни тонн. Вся эта махина управлялась всего четырьмя операторами.

Учитывались климатические условия пустыни, в которых работали люди, – температура днём доходила до 40–50 градусов, поэтому административные помещения, комната отдыха, кабина бурильщика были оборудованы кондиционерами.

На буровой, в механическом цеху и конторе постоянно присутствовал зелёный чай, функционировали сатураторы с охлаждённой газированной водой.

На заводе изготовили два комплекта бурового снаряда РТБ-4,6 – первые экземпляры в СССР. Мы пришли к решению бурить ствол двумя агрегатами – один в работе, второй в ремонте, что исключало опасные работы на площадке и увеличивало время работы в забое. В нашей лаборатории была разработана удачная рецептура глинистого раствора.

В марте 1982 года мы приступили к бурению шахтного ствола диаметром 4,6 метра, а к 7 ноября 1982 года ствол был пробурён на глубину 420 метров с отклонением от вертикали на 9 сантиметров. Но предстояла ещё наиболее сложная работа по возведению погружным способом сталебетонной крепи (авторы М.Д. Леонов, Н.Т. Рябченко, Л.И. Ушаков) на всю глубину весом 4 тысячи тонн. В отечественной практике такую работу предстояло выполнить впервые.

Нам помогали. Выделили самоходный стотонный кран одесского завода – восьмой в Союзе. Ход работ лично контролировал Е.П. Славский. Ему лично дважды докладывал о ходе работ Михаил Дмитриевич Леонов.

Работа была выполнена успешно и позже отмечена премией Совета Министров СССР.

Очень важным элементом в технологии бурения шахтных стволов сверхбольшого диаметра была организация сварочных

работ. В конструкторском бюро подсчитали, что на всю опускную колонну из 96 секций предстоит выполнить 2300 погонных метров сварного шва. Предстояло применить все виды сварки, которыми владели в «Гидромонтаже» – от ручной до полуавтоматической и автоматической. Задача усложнялась тем, что сварщикам предстояло работать не на стендах, а в «полевых условиях», то есть прямо на шахте, на открытом воздухе, под испепеляющими лучами солнца.

Возглавлял сварочную службу в МСУ-24 старший инженер-сварщик Олег Николаевич Чащин. Вот его рассказ:

Уникальность работы в Зарафшане заключалась в том, что при изготовлении трёхслойной крепи наружным диаметром 4,2 м и внутренним 3,6 м трубы приходилось изготавливать собственными силами, непосредственно на самом участке, прокатывая листы металла на вальцевых листогибах в трубы. Сразу же обнаружилось, что при вальцовке листов одинакового размера получаются трубы разного диаметра – от того, что листы при прокатке обладают разной «текучестью». Поначалу это в глаза не бросалось. Но стыковать такие трубы посредством сварки, когда одна труба нависает над другою порою до сантиметра по всей окружности, весьма проблематично. Особенно это чревато при сварке не на стенде, а в процессе спуска, когда шов может оказаться в потолочном положении. Пришлось внедрять полуавтоматическую сварку в среде углекислого газа с применением полуавтоматов и автоматическую «под флюсом» с применением сварочных тракторов.

Нужны были специалисты по наладке сварочной техники, но благодаря классным электрикам прибегать к посторонней помощи не пришлось.

Поскольку диаметр труб изменить было нельзя, решили произвести замер периметров всех изготовленных секций и пронумеровать их таким образом, чтобы при стыковке смежных секций при опуске крепи диаметр нижней трубы секции был равен или больше диаметра верхней трубы – в этом случае шов был ближе к нижнему положению, чем к потолочному.

Способ изготовления шахтной крепи и сам агрегат признаны изобретением (авторское свидетельство № 768991)

Сварщикам приходилось работать в неимоверно сложных условиях, когда температура в тени зашкаливала за 40 градусов и плюс излучение сварочной дуги. Работать приходилось весь световой день без перекуров, так как объём работ был запредельный.

Важна была не только скорость исполнения, но, прежде всего, качество в части водонепроницаемости сварных швов.

Вес стальной крепи достигал 4000 тонн, плюс давление воды внутри крепи и глинистого раствора в затрубном пространстве.

Но сварщики, надо отдать им должное, не подвели. Благодаря усилиям всего трудового коллектива, возглавляемого

А.А. Беликовым, трёхслойная крепь была опущена до забоя без сучка и задоринки.

И это была лебединая песня Михаила Дмитриевича Леонова – начальника МСУ-24. Как Кутузов, победив Наполеона, умирает в походе естественной смертью, так и Леонов, 9 мая 1983 года умер на операционном столе, хотя за его жизнь боролись всесоюзные светила.

3. Соль Зимы

В целях навёрстывания отставания Советского Союза в производстве пластмасс и химических волокон, в то время как на Западе разворачивался подлинный бум новых конструкционных материалов, в 1968 году принимается Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О создании крупных установок по производству важнейших полимерных материалов и полупродуктов для них».

В том же году два министра – Славский и Костандов (Минхимпром СССР) издают совместный приказ об образовании дирекции строящегося комбината в Зиме (заказчик) и развёртывании нового Управления строительством на базе частично высвобождающихся подразделений Минсредмаша с Ангарского электролизного комбината (генподрядчик). Разворачивается проектирование грандиозного комплекса.

Основой для этого решения послужило открытие геологами богатейшего месторождения поваренной соли в районе станции Восточно-Сибирской железной дороги и старинного городка Зима, основанного русскими первопроходцами ещё в XVIII веке. А также наличие дешёвой электроэнергии ГЭС Ангарского каскада.

Размещение производительных сил учитывалось Госпланом по ряду параметров и, как правило, оказывалось удачным. Был накоплен уникальный опыт, который сегодня оказался невостребованным.

В 1970 году начинается возведение с нуля в глухой сибирской тайге грандиозного химического комбината и нового города Саянска, которое завершится в 1983 году выдачей 250 тысяч тонн поливинилхлорида и поставками его, в том числе, и на экспорт.

В 1985-м Саянск получит статус города – лучшего в Восточной Сибири. Эта стройка станет последней Всесоюзной комсомольской стройкой в Сибири.

Предприятие планировалось построить на компенсационной основе, используя технологии и оборудование ведущих фирм Германии, США и Англии, и потому постоянно находилось на контроле в ЦК КПСС.

Летом 1976 года, вернувшись в трест после совещания у Е.П. Славского, Я.А. Кузнецов начинает комплектовать первую группу командированных специалистов в Заозёрку, на площадку строительства. Своё название она получила от большого солёного озера по соседству. На многие годы эта стройка станет центром притяжения для нескольких подразделений «Гидромонтажа» – буровиков, гидротехников, водолазов.

Буровые работы оказались на острие всего проекта, так как по разработанной технологии через пробурённые скважины к подземному соляному куполу подавалась вода, и образовавшийся раствор извлекался для дальнейшего химического процесса. Часть рассола выпаривалась для получения пищевой соли, а большая часть шла на электролиз, где из молекулы соли извлекали натрий и хлор.

Далее – получение полупродукта – винилхлорида, а затем и конечного продукта – поливинилхлорида. Не будет скважин – не пойдёт и вся технология.

МСУ-24 сформировало участок № 6, направило туда кадры буровиков и необходимую технику. Как было принято в тресте, начали с создания собственной опорной базы – построили ремонтно-механическую мастерскую, укомплектованную станками, склады, здание конторы с кабинетами для всех служб, бытовки.

Рассолопромысел представлял собой выровненную площадку размером 2х1 километр с кольцевой дорогой по периметру, с котельной на два котла, работающих на дизельном топливе. К 1973 году первая скважина была пробурена бригадой Т. Корнева.

Буровая с вышкой башенного типа разобрана и находилась на скважине № 2. Но в силу несвоевременного решения организационных вопросов постоянно что-то не ладилось. О ходе работ

рассказывает их участник Антон Осипович Новосад:

Новосад Антон Осипович

Демонтаж со скважины № 1 на скважину № 2 пришлось делать с полной разборкой, потому что не было тележек для транспортировки буровой в сборе. На буровой были лишь один кран и бульдозер, автобус и бортовой ЗИЛ, остальная техника в заявке. Работы затянулись. Я помогал Т. Корневу на монтажных работах. Жили в городе Зима в общежитии, совместно с условно-заключёнными (химиками). Эксцессов не было. Зима была суровой, до 54 градусов мороза. Началось строительство дороги до города Саянск, а также вакуумвыпарки рядом с нами.

Конструкция скважин была сложной – две эксплуатационные колонны. Вода должна подаваться в первую колонну, размывать соль и по второй колонне подниматься на поверхность в специальную карту на 30 тысяч кубометров. С неё опять в скважину, и так до полного насыщения.

После бурения первой скважины мы ещё не знали, с какими проблемами столкнёмся. Пласт соли очень большой – до 400 метров. Керн, поднятый на поверхность, был изумительно красив – чистейшая соль с брызгами марганца.

Заказчик хотел промыть скважину № 1, но не смог – соль закристаллизовалась. Начальник участка А. Яковлев принял решение поднять обе колонны на 10 метров от забоя при помощи крана, чтобы не задействовать буровые бригады. Для этого заказчик выделил 250-тонный кран.

Но крепление колонн не просчитали на нагрузку. Крепление не выдержало, и колонны улетели. Начальник участка А. Яковлев был снят с работы. На его место назначен И.В. Максимов.

В МСУ-24 составили план ликвидации аварии. Решили остановить бурение на скважине № 4 и перетащить станок на скважину

№ 1. Но аварии продолжились. Начальника участка И.В. Максимова сняли с работы за большую аварийность. Начальником участка назначили начальника СДО МСУ-24 В.Е. Вергуна.

В.Е. Вергун в управлении был фигурой значимой, и дела участка резко пошли вверх. Мы извлекли упущенный в скважину инструмент и продолжили бурение. Первое, что сделал на участке В.Е. Вергун, – укомплектовал его ИТР. Были введены должности: главного инженера участка, механика, геолога, снабженца, экономиста и бухгалтера. Начал изыскивать новые объёмы работ. Мы получили, к основному производству, бурение скважин под хранилище этилена, по заявке заказчика бурение на поглощение. На участок поступило много новой техники.

Я был назначен главным инженером участка и занимался технологией, техническими проблемами и техникой безопасности. Начальник участка – деньгами (формами), жильём для рабочих и ИТР во вновь строящемся городе Саянске. На участке работы шли успешно. Высокая дисциплина, работа без аварий позволили поднять заработную плату рабочим и ИТР.

Буровые были обеспечены всем необходимым, в том числе и спецодеждой по северному варианту. За период работы В.Е. Вергуна участок № 6 стал лучшим в МСУ-24. Народ всячески старался попасть туда, кадровый вопрос был закрыт.

Об исключительной важности стройки говорит постоянный контроль со стороны министерства, старавшегося оперативно снимать все возникающие проблемные моменты. Вот как описывает В.Е. Вергун, в то время начальник участка № 6 в Зиме, приезд на площадку Е.П. Славского:

У Ефима Павловича Славского было заведено: по весне в своём специальном вагоне объезжать все объекты в Западной и Восточной Сибири и далее в Забайкалье. И вот где-то в середине апреля 1977 года всем субподрядчикам сообщили о необходимости наведения порядка в своих хозяйствах перед приездом Ефима Павловича. Мне сообщили, что объезд стройки начнётся с наших буровых на рассолопромысле, где добывается основное сырьё для Зиминского химкомбината.

Мы навели чистоту и порядок, но главное, чтобы шла круглосуточная работа. Заранее руками наших умельцев подготовили сувенир – красивый чернильный прибор, куда вмонтировали голубой керн (столбик выбуренной соли с глубины 1500 метров) и сделали гравировку «Соль Зимы. Е.П. Славскому от буровиков».

И вот утром приезжает автобус ПАЗ, останавливается недалеко от буровой, выходит Ефим Павлович, а за ним вся свита. Я быстро подошёл, представился и коротко доложил о работе. Славский задал несколько вопросов Начальник стройки ему, видимо, рассказал, что буровики сроки пуска хлора не срывают, план выполняется, претензий от заказчика и генподрядчика к нам нет.

– Значит у вас всё нормально, а у вас есть вопросы?

Я говорю: «Ефим Павлович, нам от проектантов и заказчика дано задание одну скважину углубить сверх проекта на 300 метров, а вагон с бурильными трубами потерялся на железной дороге, и я не могу его уже две недели найти…»

– Ладно, разберёмся. Вы сегодня вечером на совещании мне напомните…

Я хотел было уходить, но решился и подаю ему сувенир:

– Это вам на память о Зиме и как земляку. Вы родились в Макеевке, а я в Никитовке (в 15 километрах) через 40 лет после вас.

– Вот и земляка в Сибири встретил, – сказал Славский и взял сувенир. – Спасибо, много мне дарили разных сувениров, но соль впервые.

Вечером – большое совещание, конференц-зал полон. Я подготовил все железнодорожные реквизиты, всю переписку по поводу пропавшего полувагона с буровым оборудованием, телеграмму с указанием номера полувагона, даты отправки, станции назначения. Совещание идёт к концу.

– Какие у кого вопросы?

Я встаю, иду к столу президиума и говорю: «Ефим Павлович, вы были на буровой, видели, что идёт бурение, но бурильные трубы уже на исходе» – подаю ему эту телеграмму. Он берёт и передает её начальнику Восточно-Сибирской железной дороги.

– Надо помочь буровикам, прошу принять срочные меры и о результатах доложить! – дал задание Славский.

Наутро меня разыскивают. На буровую приехали железнодорожные работники с сообщением, что оборудование доставлено на место разгрузки, просьба доложить Ефиму Павловичу, что его задание выполнено.

Оказалось, что у полувагона в пути вышла из строя колёсная пара, его загнали в тупик на станции Тайшет и забыли про него. За ночь перегрузили груз из аварийного вагона и к утру доставили к месту назначения отдельным тепловозом.

Я, конечно, позвонил начальнику стройки В.А. Шечало, что оборудование прибыло утром, с просьбой передать министру.

Эта история говорит о том, каким большим авторитетом пользовался Славский не только среди работников Минсредмаша, но и у руководителей всех рангов различных министерств и ведомств.

По многочисленным свидетельствам, Славский никогда не забывал о своих поручениях, требовал быстрого их выполнения и доклада. У него было желание выслушивать доклады тех руководителей, которые непосредственно ведут дело. Этот его стиль хорошо знали и стремились повторять все руководители – от замминистра и далее по подчинённости.

4. БАМу никак без буровиков «Гидромонтажа»

В 1986 году Трест «Гидромонтаж» привлекли к работам на Северо-Муйском тоннеле строящейся Байкало-Амурской магистрали. К тому времени сквозное движение по БАМу было открыто, но поток грузов сильно сдерживал Северо-Муйский хребет. Пройти его тоннелем к моменту сдачи дороги не сумели ввиду сложнейших гидрогеологических условий. Помимо высокой сейсмичности, там встретились с колоссальным притоком термальных подземных вод.

Хребет сложен трещиноватыми гранитами, наверху ледник. Геологоразведка и проектировщики что-то недоучли, и проходка тоннеля практически остановилась – было несколько серьёзных аварий с прорывом воды и человеческими жертвами.

Поезда черепашьим шагом шли в обход по серпантину с перепадом высот в 2000 метров. Для проводки состава требовалось 4–5 локомотивов. После дополнительных исследований приняли решение осуществить водопонижение путём бурения скважин и откачки воды мощными насосами. Трест «Гидромонтаж» поручил буровикам готовить экспедицию.

Начальник МСУ-24 П.Н. Кутилкин остановился на кандидатуре опытного бурового мастера А.О. Новосада, только что блестяще защитившего инженерный диплом.

Ему предписывалось составить перечень оборудования, отобрать необходимых специалистов, преимущественно добровольцев из числа высвобождавшихся в Братске буровиков, и выехать на место.

Технология производства работ выглядела следующим образом. На высоте 1000 метров с помощью взрывов расчищалась площадка 400х400 метров. К ней прокладывалась серпантинная дорога в 9-ти километрах от станции Разлив у входа в тоннель. По склонам хребта протягивался водовод с перепадом высот 700 метров, строился резервуар на 100 кубометров, проводились две электролинии по 10 Кв с понижающим трансформатором, строились котельная и бытовки.

Всё это призвано было послужить технической базой для бурения семи скважин по 700 метров глубиной с установкой эксплуатационных колонн. Водопонижение предполагалось 12-ти дюймовыми глубинными насосами.

На станцию Северобайкальск А.О. Новосад прибыл с механиком В. Неделиным, энергетиком В. Бобковым и водителем. Там же получили скомплектованную технику и инструмент, стали подъезжать люди. Всё это направлялось на станцию Разлив, где базировался генподрядчик – строительный отряд № 21 ГлавБАМстроя, которым руководил В.А. Твердохлебов. С его помощью должны были выполняться все подготовительные работы.

Немалой проблемой оказалась доставка крупногабаритной буровой установки, прибывшей на станцию Ангаракан

в 30 километрах от площадки. Помог В.А. Твердохлебов, выделивший для страховки мощный бульдозер «Катерпиллер». Он же расчищал дорогу, так как дело было зимой.

Для уверенного прохода по серпантину восьмиосного 60-тонного трала провели холостой прогон, чтобы проверить, как он впишется в повороты. Дорогу посыпали шлаком из котельных.

«Катерпиллер» шёл позади трейлера, страхуя от пробуксовки. На транспортировку оборудования ушёл месяц. Бригады работали вахтовым методом, а ИТР без выходных. В тресте требовали ежедневную сводку о ходе работ.

Какова была серпантинная дорога на объект, которую приходилось преодолевать каждый день, вспоминает А.А. Румянцева, в то время инженер-сметчик МСУ-24:

Однажды, взбираясь вверх на рабочее место, вахтовка медленно, но решительно начала продвигаться к обрыву. Многие машины скатывались вниз. Тому же самому могла подвергнуться наша вахтовка. Я уже приготовилась к худшему. Камень остановил уже не поддающуюся управлению машину. После такого «эксперимента» моя нервная система не выдержала, меня всю лихорадило. Ещё долго с опаской я смотрела на это место.

Наконец буровую собрали, подключили, составили соответствующие документы. На подъём вышки от МСУ-24 приехали начальник ПТО А.Г. Харыбин, начальник отряда-21 В.А. Твердохлебов, начальник ПТО от «БАМтоннельстроя». Момент ответственный, дающий старт, собственно, буровым работам.

Любопытный эпизод времён горбачёвского «сухого закона» рассказал Антон Осипович Новосад:

Вышка, лежащая на земле, представляет собой А-образную металлическую конструкцию 40 метров длиной и 23 тонны весом. Для непосвящённых внушительно, а поднимается аварийным приводом собственной лебёдки. Увидев лежащую на земле вышку, Твердохлебов спросил, какой нужен кран для её подъёма. Мы объяснили – вышка поднимается своей лебёдкой. Было утро, с материка дул боковой ветер, и мы ожидали, когда он немного утихнет.

Твердохлебов походил, посмотрел наше оборудование, подозвал А.Г. Харыбина и спрашивает: «Почему не поднимают вышку?»

Харыбину я объяснил, что ждём, когда немного утихнет ветер, но у меня созрела озорная мысль, и я попросил его сказать Твердохлебову, что по традиции буровиков после подъёма вышки это дело необходимо обязательно обмыть. На БАМе же сухой закон, и у нас ничего нет.

Твердохлебов спросил: «Без обмывки они не начнут подъём?» Харыбин ответил: «Нет».

Твердохлебов достал блокнот: «Сколько надо?» Харыбин не растерялся: «Пять бутылок». Твердохлебов что-то написал на листке, вырвал его, подозвал меня и, отдавая листок, сказал: «Пошли машину к моему секретарю».

Я подошёл к своей машине и, отдавая водителю записку, прочёл: «Подателю записки отдай 5 бутылок моего любимого».

Пошли поднимать вышку. Подняли успешно. К тому времени подъехала машина, водитель принёс картонный ящик, а в нём 5 бутылок пятизвёздочного армянского коньяка. Так мы отпраздновали подъём вышки и начало бурения первой скважины.

Бурение необходимых 7 скважин было сложным. Трещиноватые породы вызывали катастрофическое поглощение бурового раствора. На бурение одной скважины ушло 600 тонн глины. Всё это надо было доставить на гору, приготовить глинистый раствор. Обернулось это очередным курьёзом.

Однажды в раздевалке буровики услышали такой разговор тоннельщиков: «Этих буровиков надо взорвать вместе с их оборудованием». – «Зачем?» И тот ответил: «Раньше работали, были просто мокрые, а теперь не только мокрые, но ещё и в глине, невозможно отстираться». Надо сказать, что-что, а взрывать они умели!

Тоннельщики работали в тяжёлых условиях – 600 сейсмических колебаний земной коры в год. Пробивали одновременно два тоннеля – один разведывательный, диаметром 5,6 метра, проходился немецким проходческим щитом с опережением

основного, 9-метрового тоннеля, на 800 метров. Основной тоннель пробивался буровзрывным способом.

Благодаря совместным действиям по водопонижению, тоннельщики с помощью японского станка горизонтального бурения проходили горизонтальную скважину на 50 метров, производили заморозку, а затем буровзрывным методом расширяли замороженный участок. Работы шли медленно, но благодаря скоординированным действиям продвигались вперёд.

У Твердохлебова в отряде работало 1300 человек и было много техники, которой он всегда делился. На буровом участке присутствовал 40-тонный кран «Като», по заявке своевременно предоставлялся мощный «Комацу». Для БАМа закупили много первоклассной техники. Так и был пробит самый длинный в России Северо-Муйский тоннель, и поезда по БАМу пошли без задержки.

На счету буровиков МСУ-24 много выполненных сложных заданий в разных частях Советского Союза. О подземных испытаниях ядерного оружия скажем позже. А сейчас отметим работы на строительстве синхрофазотрона в Протвино, где был пробит кольцевой тоннель длиной 20 километров. Предтеча швейцарского коллайдера, опережавшего его почти на два десятилетия.

В Протвино организовали специальный участок, задачей которого было бурение пакетов скважин для пропуска кабельной продукции от электромагнитов в тоннель. Требовалось действовать аккуратно – и по вертикали, и по отметкам – внизу было кольцо коллайдера. Вспоминают казус, когда при бурении в связи, непредвиденным поглощением бурового раствора в скважину высыпали целый самосвал глины. Вскоре пришло известие, что вся она в тоннеле. Маркшейдерская служба неправильно дала нижнюю отметку, и скважина пробила верх тоннеля.

Глава XIV
КАК СДЕЛАЛИ А-БОМБУ

1. О советском «Урановом проекте»

В предыдущих главах мы прошли многие площадки, где трудились в дни молодости нынешние ветераны треста. Но тогда ни один из них, делая своё дело, не представлял и близко всего масштаба грандиозной работы, в которой участвовал. Об этом ведал лишь ограниченный круг людей.

Сделаем небольшое отступление и окинем глазом всю панораму событий по созданию атомной бомбы. Увидим то, что когда-то видели лишь единицы. Благо завеса секретности снята в 90-х, и с тех пор появилась масса публикаций руководителей и участников советского «Уранового проекта».

Своё слово в опубликованных воспоминаниях сказали такие корифеи, как И.В. Курчатов, Е.П. Славский, президент академии наук СССР А.П. Александров, академики А.Д. Сахаров и Ю.Б. Харитон. Системную информацию содержит вышедшая в 1995 году книга А.К. Круглова, начальника научно-технического управления Минсредмаша.

Создавая атомную отрасль, на первом этапе использовали данные разведки, которые помогли, по свидетельствам И.В. Курчатова и Ю.Б. Харитона, сэкономить время, исключив тупиковые пути. Но дальше пошли своим курсом, добившись в ряде направлений выдающихся результатов.

И сегодня ядерная энергетика и ядерное оружие России, опираясь на достижения первопроходцев, занимают ведущие позиции в мире. У нас самая эффективная технология разделения изотопов, с энергопотреблением в 20 раз ниже, чем в США. За счёт переработки бедных руд выпускаются чистые оксиды молибдена, вольфрама, ванадия. Работают заводы по производству азотной, серной и плавиковой кислот, фтора. Производится тантал, ниобий, гафний, литий и бериллий, щёлочноземельные металлы и изделия из них.

Специалисты Минатома сегодня владеют технологиями не только конструирования новых образцов ядерного оружия,

но и разборкой и утилизацией снятых с вооружения зарядов, утилизацией ядерных отходов и отработавших реакторов.

2. Предъявить мировому шерифу собственный «атомный пистолет»

На подступах к ядерному оружию советские учёные находились с 1941 года. Было понимание, что это такое. Но настоящий штурм начался со второй половины 1945-го, когда были выполнены все организационные мероприятия: принято постановление ГКО от 20 августа 1945 года по созданию Специального комитета во главе с Л.П. Берией, наделённого чрезвычайными полномочиями для решения любых проблем. Созданы Первое главное управление (ПГУ) при Совете Министров СССР, а потом и второе (ВГУ), материально-технические фонды которых Госплан планировал отдельной строкой.

В их подчинение передаются заводы, КБ, НИИ, проектные институты различных ведомств. Также, как и лучшие, проверенные в деле кадры. На Урале выбираются площадки для строительства плутониевого комбината под Челябинском и другого, уранового – под Свердловском. Научным руководителем всего проекта назначается Игорь Васильевич Курчатов. Начинается проектирование заводов одновременно с разработкой невиданных ранее технологий.

Если окинуть взглядом весь замысел создания атомной бомбы, то его можно свести к нескольким узловым моментам. По данным разведки, американцы использовали два типа ядерной взрывчатки – уран-235 и плутоний-239. Две бомбы, заряженные этими компонентами, они взорвали в Хиросиме и Нагасаки.

Для получения делящегося урана и плутония необходимы совершенно разные технологии. Первым было решено получить заряд из плутония, для чего построить три передела – уран-графитовый реактор (объект «А»), радиохимический завод (объект «Б») и завод «В» для получения металлического плутония, как компонента атомной бомбы. Всё это – комбинат № 817, или Челябинск-40.

Далее – конструирование плутониевого заряда атомной бомбы, подготовка полигона и проведение испытаний. Это уже Арзамас-16 и Семипалатинский полигон.

Параллельно с некоторым уступом по времени, на другой площадке развернулось строительство комбината № 813 (Свердловск-44) по обогащению природного урана-238 до 90% его изотопа – урана-235.

Это далеко не всё. Необходимо срочно разведать и развернуть добычу и обогащение урановой руды, голод в которой ощущается очень остро, для чего создаётся комбинат № 6. Наладить производство металлического урана в блоках, как топливо для реакторов, для чего переоснащается завод № 12 в городе Электростали.

Разрабатываются технологии по производству чистого графита, циркония, тяжёлой воды, фтора, очищенного гелия, лития и многих, многих химических компонентов, участвующих в процессах различных превращений агрегатных состояний от твёрдого к жидкому и газообразному и назад к твёрдому.

Нужно наладить серийное производство новых машин, контрольно-измерительных приборов, инструмента и средств автоматики для работы в жёстких условиях радиоактивной опасности.

Для этого тоже строятся новые заводы, либо идёт полное преобразование действующих из различных отраслей. Одновременно строятся закрытые города и посёлки с прицелом на основательность и благоприятные и безопасные условия жизни людей.

По существу, создаётся новая, наукоёмкая промышленность в условиях послевоенной разрухи. И это тогда, когда людям было негде жить, и стояла задача справиться с голодом, миллионами инвалидов-фронтовиков, устроить детей-сирот, переселить семьи даже не из подвалов и бараков – из землянок.

То-то американские аналитики из «Рэнд Корпорэйшн» и свежесозданное ЦРУ давали Советскому Союзу 15 лет на овладение атомной бомбой. Но сделано всё было за 4 года. За это время сами американцы не сумели накопить достаточно, на их взгляд, зарядов для гарантированной победы, так и не решившись на атомную бомбардировку Советского Союза, хотя неоднократно и планировали.

3. Рождение ядерной державы

Когда на полигон привезли снаряжённую первую плутониевую бомбу, Берия спросил присутствующих физиков: «Как вы предлагаете её назвать?» – «РДС-1», – ответил Курчатов. «Почему РДС?» – «Россия делает сама». Следующие были РДС-2, 3 и так далее.

Но этому предшествовала колоссальная, без сна и отдыха, целенаправленная и заполошная работа многих десятков тысяч людей (57 тысяч без учёта строителей).

Первым в конце 1946 года построили в Москве опытный реактор Ф-1 для наработки хотя бы нескольких граммов плутония, свойства которого как металла были неизвестны, так как в природе он не встречается. Для него наскребли уран по всем сусекам, в том числе вывезенный из поверженной Германии.

В качестве замедлителя нейтронов в реакторе к началу 1946 года в институтах и на предприятиях Минцветмета были получены графит и уран высокой чистоты по разработанным лабораторией № 2 (Курчатов) чрезвычайно жёстким техническим условиям. Руководил работой замминистра Минцветмета Е.П. Славский. Реактор запроектировали с вертикальным расположением каналов, а не горизонтальным, как у американцев.

На уральской площадке начинаются работы по строительству промышленного реактора «А», конструкцию которого поручили разработать НИИхимии – Н.А. Доллежалю. Строительные работы, параллельно с проектированием разворачивает Главпромстрой НКВД СССР, возглавляемый генералом Комаровским. Собираются десятки тысяч рабочих, ИТР, учёных. Строятся бараки, коттеджи для учёных, лагерная зона для заключённых.

Проектировщиком всех объектов на площадке в 200 квадратных километров, включая будущий прекрасный город Озёрск в 9 километрах от комбината, на берегу озера Иртяш, определён Ленинградский государственный специальный проектный институт ГСПИ-11, который со своей задачей блестяще справился. Им же спроектированы и комбинаты № 816 (Томск-7), № 815 (Красноярск-26), города Свердловск-44, 45, Пенза-19, Арзамас-16, Шевченко, Навои.

За фантастически короткий срок, поначалу почти вручную, производится выемка около 200 тысяч кубометров грунта, преимущественно скального, из котлованов глубиной до 70 метров. Уложено 83 тысячи кубометров «тяжёлого» бетона объёмной массой 3,8 тонны в кубометре, с наполнителем из измельчённой криворожской железной руды, смонтировано 1800 тонн металлоконструкций, 3500 тонн оборудования, 230 километров трубопроводов. Произведена уран-графитовая кладка и смонтированы все системы управления и защиты (СУЗ).

Руководителем стройки был генерал М.М. Царевский, директором строящегося комбината – Е.П. Славский, научным руководителем – И.В. Курчатов. С назначением директором комбината Б.Г. Музрукова (директор Уралмаша) Славского переводят главным инженером.

Именно на этой стройке мы встречаем имена А.С. Пономарёва – будущего начальника 12-го Монтажного Главка, Б.В. Бакина – будущего Министра Минмонтажспецстроя, А.И. Чурина и П.К. Георгиевского – замминистров Минсредмаша. Здесь они получали свои Звёзды и высшие ордена.

7 июня 1948 года Курчатов приступил к пуску реактора. Началась наработка плутония для первой бомбы. Несмотря на все аварии и ЧП, с которыми учёным и персоналу пришлось столкнуться в первый год работы, этот реактор – «Аннушка» – проработал 40 лет и был остановлен только 16 июня 1987 года.

Продукцией реактора были облучённые урановые блочки в тонкой алюминиевой оболочке с наработанным в них плутонием, которые необходимо было передать на радиохимический завод «Б» для его извлечения.

Первые месяцы работы реактора самые тревожные – случаются остановки с прекращением наработки плутония, что отслеживается на самом верху. Там требуют объяснений, подгоняют. Персонал получает высокие дозы облучения, ликвидируя так называемые «козлы» – спекание урановых и графитовых блоков, которые необходимо извлечь и заменить.

Игорь Васильевич Курчатов прямо в реакторном зале, за установленным рядом с реактором столом, сам сортирует

облучённые урановые блочки, получая запредельные дозы радиации.

О лучевой болезни, как и предельно допустимых нормах облучения, пока ещё малоизвестно.

Тем временем в 2-х километрах идёт строительство корпусов радиохимического завода. Технологию химических превращений разрабатывает академик В.Г. Хлопин, учёный-радиохимик с мировым именем, внесший неоценимый вклад в решение сложнейшей проблемы.

Не вдаваясь в детали, скажем, что облучённые урановые блоки вместе с плутонием, которого всего 100 грамм на тонну блоков, переводились в жидкое состояние, после чего и происходили разделение и очистка.

Для переработки одной тонны урановых блоков требовалось 11,6 тонны азотной кислоты, 11 тонн ацетата натрия и тонны других реагентов. Если учесть, что перерабатывались сотни тонн урана, можно представить объёмы отработанных радиоактивных растворов, которые отправлялись в хвостохранилище.

Отсюда истоки радиационного заражения русла реки Теча, её притоков и озера Карачай. А также катастрофы 1957 года, о которой в средствах информации того времени не сообщалось, хотя она коснулась по меньшей мере 260 тысяч человек.

О предельном напряжении тех дней, когда научные проблемы приходилось решать одновременно с производственными, говорит ветеран отрасли А.М. Петросьянц:

Председатель Спецкомитета Л.П. Берия в одну из своих инспекций после нескольких сообщений учёных о заходе дела в тупик, прервав совещание, заявил: «Всё, что вы просили и требовали, страна дала в избытке, при всех своих трудностях. Поэтому даю вам сроку 3 месяца на решение всех проблем по пуску завода. Но предупреждаю – не выполните – готовьте сухари. Пощады не будет. Сделаете всё как надо – наградим».

И награждали – Сталинскими премиями всех трёх степеней, Звёздами Героев, материальными благами. О посадках не вспоминает никто. С работы снимали – да! Но не сажали.

Люди работали за совесть, оставаясь, порой, на объекте круглые сутки, рискуя здоровьем, а то и жизнью. Сказывалась моральная установка от Великой Отечественной войны – Родина в опасности.

Е.П. Славский рассказал об аварии первой степени важности – неконтролируемой цепной реакции на заводе «Б»:

Александр Александрович Каратыгин – начальник ПТО радиохимического завода, был дежурным в ночную смену. Принимая партию наработанной продукции – концентрированного раствора плутония, он выполнил обычную, хорошо известную манипуляцию – перелил эту партию в свободную ёмкость. Помогала ему начальник смены Г. Акулова.

Но как только он вытащил шланг, как засветилось голубое, холодное пламя, забурлило в ёмкости, и из штуцера начал вырываться пар. Он сразу сообразил, что пошла цепная реакция, но не покинул, спасая жизнь, место аварии, а вместе с помощницей отлил часть раствора в другую ёмкость.

Цепная реакция прекратилась. Как позже рассчитали физики, он получил до 1000 рентген, но остался жив. Будто бы в награду за свой поступок – ведь доза облучения смертельная. Он долго лечился – вначале в медсанчасти комбината, потом в Москве. Здоровье восстановилось.

Он прожил до 1988 года и умер в возрасте 74-х лет. Г. Акулова получила 100 рентген, что радикально не повредило здоровью.

Стали разбираться в причинах. Оказалось, что резервная ёмкость не была пустой. В ней в растворе находилось 650 грамм плутония. Это был неучтённый «жирок», известный только директору, который он использовал для выравнивания, при необходимости, суточной партии продукции, за которой пристально следили в Москве. Сработал всё тот же бессмертный «человеческий фактор».

Славский не оставил без внимания А.А. Каратыгина, помог с лечением, предоставил ему работу и жильё в Москве.

Следующий передел – получение металлического плутония из раствора путём его осаждения и последующей плавки,

происходил на заводе «В». Технологию разработал НИИ-9 под руководством академика А.А. Бочвара.

Первую готовую полусферу вытащил из литьевой машины своими могучими руками Е.П. Славский. После крайне ответственной механической обработки, когда нервы у всех присутствующих были на пределе, полусферы плутония отправили в Арзамас-16, в КБ-11 во владения Ю.Б. Харитона и Я.Б. Зельдовича – расчётчиков атомного заряда.

О сложности конструирования ядерных зарядов свидетельствуют слова известного физика-ядерщика, академика Ю.А. Трутнева:

– Нам приходилось иметь дело с физическими явлениями, которые невозможно воспроизвести в лабораторных условиях. Десятки, сотни миллионов градусов, давление – миллионы атмосфер, плотность – сотни тысяч граммов в одном кубическом сантиметре, времена – стомиллионные доли секунды.

Из поступавших от разведки материалов была известна схема устройства атомной бомбы. Её тщательно исследовали на предмет возможной хитроумной подставы, и, убедившись, что данные подлинные, решили не рисковать и повторить в первом заряде уже апробированную схему плутониевой бомбы «Толстяк», сброшенной на Нагасаки. Хотя баллистика, корпус, автоматика были свои.

Но уже следующий заряд, испытанный в октябре 1951 года, был полностью собственной конструкции – в два раза легче и в два раза мощнее.

Ещё в 1947 году в прииртышской безлюдной степи в 170 километрах от города Семипалатинска был оборудован объект 950 – полигон Министерства обороны для испытаний атомного оружия. Заряд установили на вышке высотой 37 метров в центре опытного поля радиусом 10 километров.

В 7 утра 29 августа он был подорван. Мощность оценили в 22 килотонны. Вышка и бетонное основание полностью испарились. В эпицентре произошло остеклование грунта. Было проведено исследование воздействия поражающих факторов на животных, строения, военную технику.

В этот день монополия США была подорвана. На Земле родилась вторая ядерная держава. Для американцев это был шок. Второй они испытают после полёта Гагарина.

4. Некоторые подробности ядерных технологий

Но это лишь промежуточная победа, хотя и крайне необходимая. Нужен был урановый заряд. Американцы их сделали одновременно, мы в два этапа.

Физикам уже было известно, что существуют 3 способа разделения изотопов, отличающихся атомными весами – диффузионный, центрифужный и электромагнитный. Остановились на диффузионном. Эта технология была отработана американцами в Ок-Ридже.

Суть её в том, чтобы, переведя шестифтористый природный уран в газообразную фазу, прогонять его компрессорами последовательно через много каскадов пористых фильтров, постепенно повышая концентрацию изотопа уран-235 до 2-х и далее до 90%, что на выходе будет уже чистой ядерной взрывчаткой при достижении критической массы.

Для этого на Среднем Урале в Верх-Нейвинске, вотчине Демидовых, рядом с искусственным озером, построенном ещё в те времена с помощью плотины, начали возводить корпуса комбината № 813 и город Свердловск-44.

Основная проблема заключалась в выборе фильтров с молекулярными размерами ячеек и технологии их производства. Необходимо было иметь не менее 10 000 отверстий на квадратном сантиметре. Задачу решили путём травления плёнки, были и другие варианты.

Научным руководителем по отработке технологии обогащения урана был назначен академик Кикоин.

Диффузионный завод получил наименование Д-1, где последовательно установили 6200 диффузионных машин. Технология оказалась исключительно энергозатратной. Для получения одного килограмма обогащённого до 90% урана-235 требовалось 6000 киловатт-часов электроэнергии. Ежесуточно прокачивался 1 миллион кубометров воды из демидовского озера.

К 1950 году диффузионная технология в СССР была освоена. Она позволяла получать несколько десятков килограммов урановой взрывчатки в год. К началу 1953 года на комбинате № 813 работало 15 тысяч диффузионных машин, потреблявших мощность 250 Мвтт.

С целью наращивания объёмов производства и рассосредоточения мощностей из стратегических соображений с 1949 по 1964 год были построены ещё три диффузионных завода: в Томске-7 – Сибирский химкомбинат, Ангарске – Ангарский электролизный комбинат, Красноярске-45 – электрохимический завод.

Отдельной эпопеей стали конструирование, отработка и развёртывание серийного производства диффузионных машин, компрессоров, контрольно-измерительной аппаратуры и автоматики. Промышленность с этой задачей справилась. Но учёные и конструкторы на этом не успокоились. Разрабатывались и другие технологии обогащения. Перспективным оказался центрифужный.

Тот же газообразный шестифтористый природный уран закачивается в цилиндрический ротор центрифуги и разгоняется в условиях вакуума при скоростях вращения более 400 метров в секунду. Более тяжёлые молекулы концентрируются у стенки ротора и опускаются вниз.

Преимущество этой технологии – меньшая энергоёмкость (снижена мощность компрессоров) при более высоком КПД. Энергоёмкость центрифуг в 10 раз ниже диффузионных машин.

Первый в мире завод, оснащённый газовыми центрифугами, был построен в СССР в 1960–1964 годах. За рубежом подобные технологии появились лишь 10 лет спустя. У нас же в течение 30 лет все 4 комбината, разделявшие изотопы, были переоснащены на центрифуги. На сегодня разработано 5-е поколение центрифуг, потребляемая электроэнергия которых в 25 раз меньше, чем в газодиффузионных машинах.

Первая урановая бомба взорвана в СССР 18 октября 1951 года, – через 2 года после плутониевой. В это же время встал вопрос о термоядерной реакции синтеза – слияния ядер

тяжёлого водорода и превращения их в гелий, при которой выделяется гораздо больше энергии. Появилась возможность создания водородной бомбы, мощность которой теоретически не ограничена.

Для термоядерного оружия необходим тритий, который свободно в природе не существует, но его можно получить в тяжеловодном реакторе, где создаётся более плотный поток нейтронов, облучающих блоки-мишени лития. Началась гонка со строительством тяжеловодного реактора на комбинате № 817, там же, в Челябинске-40.

Для этого нужно было получить тяжёлую воду. Природное соотношение тяжёлой и лёгкой воды 1:6800. Существуют несколько способов её получения – электролиз, дистилляция, все они энергоёмкие. Но есть и преимущество – в тяжеловодном реакторе, где замедлителем нейтронов выступает не графит, а тяжёлая вода, достигается снижение урановой загрузки реактора в 10–15 раз. Тяжёлую воду получили на электролизном заводе в Ангарске.

Первый тяжеловодный реактор выведен на проектную мощность 100 Мвтт 15 октября 1951 года. На нём тоже случались аварии, как и на уран-графитовом (однажды даже заморозили тяжёлую воду). Но накопление трития, тем не менее, шло. Одновременно решалась проблема производства очищенного гелия и гелиевых газодувок для выдувания «гремучей смеси», образующейся в тяжеловодном реакторе.

В конструировании водородной бомбы мы пошли несколько иным путём, чем американцы. Решающую роль сыграла «слойка» А.Д. Сахарова. О работах в области термоядерного синтеза, ведущихся в то время в Соединённых Штатах, наши физики получали информацию из первых рук. Клаус Фукс с 1946 года имел доступ к верхнему эшелону разработчиков (во главе с Теллером), и до его ареста в 1950 году разведывательный канал действовал исправно.

Американцы зациклились на сложной криогенной схеме смеси сжиженного трития и дейтерия, которая «поджигалась» атомным зарядом. Первое, взорванное на атолле Эниветок

в ноябре 1952 года термоядерное устройство получилось размером с 2-этажный дом и весило 80 тонн. Его мощность оказалась чудовищной – 10 Мт, но оружием быть не могло из-за нетранспортабельности.

В то же время советские учёные установили другой тип термоядерного горючего – дейтерид лития-6, который при нормальных условиях – твёрдое вещество, но, поглощая нейтрон, делится на гелий и тритий.

А.Д. Сахаров предложил схему термоядерного заряда, где до 16 слоев этого горючего перемежаются со слоями делящегося материала. Первая наша бомба РДС-6с (слойка) с использованием дейтерида лития была взорвана в августе 1953 года.

Американцы тем временем в Тихом океане, пугая весь мир, ведут одно за другим испытания своих зарядов, наращивая мощность и снижая вес. В марте 1954 года на атолле Бикини произведён взрыв в 15 Мт. Вес устройства снижен до 10 тонн.

Они начинают серийное производство водородных бомб – пока несовершенных, «грязных», но чрезвычайно мощных. Понятно, что останавливаться в разработках нам никак нельзя.

Выясняется, что «слойка» – тупиковый путь в наращивании мощности выхода энергии. Разработчики Ю.Б. Харитон, А.Д. Сахаров, Я.Б. Зельдович (все позже трижды Герои Социалистического Труда) предлагают иной, двухступенчатый тип заряда на основе радиационной имплозии (сжатии горючего).

В ноябре 1955 года на Семипалатинском полигоне произведён термоядерный взрыв бомбы, сброшенной с бомбардировщика ТУ-16, мощностью 1,6 Мт. Мощность заряда уменьшена в 2 раза из-за опасения уничтожения самолёта. Врата ада открыты – мощность взрыва отныне не ограничена физическими принципами.

Американцы по инерции продолжают десятки испытаний, не оставляя надежды обогнать Советский Союз. Ими будет произведено 1032 испытательных ядерных взрыва во всех сферах, в то время как в СССР в полтора раза меньше – 715. На все остальные страны придётся 300 взрывов.

Царь-бомба – главный экспонат Музея ядерного оружия, г. Саров (Арзамас-16)

Точку в опасном и уже не нужном соревновании поставит хрущёвская «Кузькина мать»[1], взорванная в октябре 1961 года на Новой Земле, мощностью 58 Мт. Эта «Царь-бомба» длиной 8 метров, диаметром 2 и весом 27 тонн была сброшена со стратегического бомбардировщика ТУ-95 на специальной парашютной системе и подорвана на высоте 4-х тысяч метров. Выход энергии на 97% получен за счёт ядерного синтеза, а не деления. Пробы воздуха показали американцам, что бомба «чистая», так как её оболочка из свинца, а не из урана-238, как могло бы быть, и что делали они сами для увеличения выхода энергии. Радиоактивные осадки за счёт этого минимальны. Но и мощность сокращена наполовину. То есть, эта же конструкция при небольшой доработке может выдать и 100 Мт. А притащить такие заряды к побережью Соединённых Штатов, как предлагал «великий гуманист» академик Сахаров,

[1] **АН602** (она же **«Царь-бомба»**) – термоядерная авиационная бомба, разработанная в СССР в 1954–1961 гг. группой физиков-ядерщиков под руководством академика Академии наук СССР И.В. Курчатова. Самое мощное взрывное устройство за всю историю человечества. Полная энергия взрыва, по разным данным, составляла от 57 до 58,6 мегатонны в тротиловом эквиваленте, или около $2{,}4 \cdot 10^{17}$ Дж, что соответствует дефекту массы 2,65 кг. Название **«Кузькина мать»** появилось под впечатлением известного высказывания Н.С. Хрущёва «Мы ещё покажем Америке кузькину мать!» Официально же бомба АН602 не имела названия.

может подводная лодка. Последствия – рукотворное цунами высотой до 300 метров, которое смоет в океан самое заселённое побережье Соединённых Штатов на глубину в сотни километров.

Стало ясно – СССР овладел всеми технологиями термоядерного оружия, и дальнейшее соревнование не имеет смысла. После 2-х лет мучительных переговоров в 1963 году подписывается договор о запрещении испытаний ядерного оружия во всех сферах, кроме подземных.

Эволюция термоядерных зарядов пошла по пути их миниатюризации и создания многозарядных головных частей баллистических ракет. Американцы решили договариваться.

В начале 2000-х президент Буш вышел из договора по противоракетной обороне (ПРО), полагаясь на технологический приоритет Америки и слабость России. Старая песня – снова захотелось вырваться вперёд, воспользовавшись слабостью конкурента.

Цена вопроса – прикрывшись зонтиком противоракетной обороны, вернуться к возможности шантажа России и кого было ни было в мире, кто не согласен с диктатом мирового гегемона, угрозой мгновенного обезоруживающего удара. Пытаться взывать к разуму непродуктивно и бесполезно. Такого языка гегемон не понимает – мы это проходили. Хорошо помогает только демонстрация силы.

5. Без урана все усилия теряли смысл

«Хлебом» атомной промышленности является уран. Понимая это, ещё в 1943 году начинается разработка Табашарского месторождения в Таджикистане. В 1944–1945 годах урановую руду по горным тропам возили на ишаках и верблюдах. В мае 1945 года в системе НКВД для добычи урана организуется комбинат № 6. Разворачивается всеохватывающая кампания по поиску урановых руд. Сотни геологоразведочных партий отправляются во все уголки необъятной страны с неотложной задачей – найти уран.

С позиций сегодняшнего времени можно лишь восхищаться прозорливостью Госплана, тех людей, кто всё это предвидел на десятилетия вперёд, рассматривая проблему в комплексе. Трудно представить, с чем бы мы остались, задержись в пустых

разговорах и обсуждениях с разворотом добычи и переработки урановой руды.

Без урана все иные усилия теряли смысл. Так же, как и без сверхчистого графита, циркония, кадмия, лития, тяжёлой воды и многого другого, что поспело ровно к сроку.

И далеко не деньги здесь всё решали, как привыкли уповать нынешние менеджеры. Деньги ещё нужно уметь освоить, воплотить в конкретные сооружения и работающие технологии, в подготовленные кадры.

Достаточно было отстать лишь в одном звене, задержаться на старте, а «объективных» причин всегда найдётся уйма, как весь «Урановый проект» зависал на годы. А что бы делал тем временем наш геополитический противник?

«Мир – дружба – жвачка!» – ответят почитатели «общечеловеческих ценностей» и «европейского дома». «Никто нас не тронет. Кому мы нужны?»… Расскажите несчастному Ираку!

Как выразился однажды незабвенный генерал Лебедь: «Глупость – это не отсутствие ума, это такой ум…».

Во главе проблемы добычи урана с 1943 года становится А.П. Завенягин – замнаркома НКВД, блестящий организатор промышленности, внесший огромный вклад в советский «Урановый проект». Он возглавит Второе Главное управление при Совете Министров СССР (ВГУ), которое позже, вместе с ПГУ, целиком войдёт в состав Минсредмаша.

Ему подчинят Главпромстрой НКВД и нацелят на строительство комбината № 6 в Средней Азии, на Урале, в Сибири. В небольшом количестве начнут добывать уран в Ставропольском крае – лермонтовское месторождение, на Украине – Жёлтые воды, в Чехословакии и ГДР (Висмут).

Промышленных способов добычи урана всего три: шахты, выщелачивание, карьеры. Главные операции – дробление и гидрометаллургический цикл.

Все три способа, в зависимости от геологических условий, задействованы на урановых комбинатах Минсредмаша. В 60-е годы была реализована комплексная схема получения из урано-фосфорно-ториевых руд не только закиси-окиси урана – основного

продукта, ради которого всё и затевалось, но и концентрата тория (перспективного ядерного горючего для грядущей ториевой энергетики) и ценных азотно-фосфорных удобрений – аммофоса.

Запущено производство азотной, серной и фосфорной кислот. Организовано золотопромышленное производство с чистотой две девятки после запятой, а затем и добыча серебра.

В уранодобывающей промышленности самым уязвимым местом остаётся загрязнение окружающей среды. Строительство хвостохранилищ сопряжено с серьёзными гидротехническими сооружениями, так как наиболее действенным средством против образования в атмосфере опасных для здоровья человека аэрозолей является покрытие пылящих поверхностей слоем воды.

Опускание последнего стыка колонны диаметром 4,6 метра

Трест «Гидромонтаж» на площадках горно-химических урановых комбинатов был задействован, в основном, двумя наиболее мощными подразделениями – МСУ-28 и МСУ-24. То есть гидромонтажниками и буровиками. Их дело – строительство дамб, каналов и водоводов, а также бурение скважин большого и сверхбольшого диаметра – до 4,6 метра, в качестве вентиляционных и транспортных стволов при шахтном способе добычи. На таких стволах глубиной до 400 метров, как уже упоминалось, применялись технологии реактивно-турбинного бурения, подкреплённые рядом свидетельств на изобретения, выданные инженерам и специалистам МСУ-24. На сопутствующих объектах работали также механо-монтажники МСУ-26.

В 60-е годы и начале 70-х построены гигантские горно-химические комбинаты вкупе с прекрасными городами: Прикаспийский ГХК (Мангышлак, г. Шевченко), Навоинский ГМК (гг. Навои, Зарафшан, Учкудук), Целинный ГХК (г. Степногорск), Приаргунский ГХК (г. Краснокаменск). К сожалению, три из них остались за пределами России – в Казахстане и Узбекистане. Добыча урана там остановлена. Отсутствие контроля и соответствующих вложений ведут к высыханию хвостохранилищ и образованию больших пылящих площадей.

Прекращение добычи пока терпимо из-за больших запасов урана, оставшихся в наследство от советского периода, и нежелания тратиться. На складах в СССР на конец 1991 года находилось 200 тысяч тонн урана при 450 тысячах в мире.

У новых властей сложилось ощущение, что урана достаточно. Стали даже продавать по бросовым ценам обогащённый уран в США (комиссия Гор–Черномырдин). Геологоразведка и создание новых мощностей прекратились. Это верный путь к будущей зависимости от импорта, который, как видим, может быть подвержен международным санкциям.

И что тогда – встанут наши АЭС, а наши АПЛ и атомные ледоколы не выйдут в море? Ведущееся в России строительство новых ядерных энергоблоков, как и кораблей с ядерными энергоустановками, будет требовать ядерного топлива. В одночасье возникший дефицит закрыть невозможно – работать так, как работали тогда, сегодня не умеют.

Нечто подобное случилось у нефтяников – советский задел исчерпан, а геологоразведка отстаёт от добычи. Вкладываться в неё нефтяные короли не спешат – дело долгое и не гарантированное, а нефтедолларов хочется немедленно и побольше.

Глава XV
ИСПЫТАТЕЛИ

1. Из глубины недр под шапку ядерного взрыва

В Советском Союзе для испытаний ядерного оружия были созданы три полигона – Семипалатинский в Казахстане, Азгир или Харабали на границе Казахстана с Астраханской областью и Новая Земля в Арктике. Всего с 1949 по 1990 год там провели 715 испытаний, в ходе которых подорвали 969 ядерных устройств. Большая часть – 456 на Семипалатинском испытательном ядерном полигоне (СИЯП), 17 – в Азгире и 130 – на Новой Земле.

Общая мощность всех взорванных на СИЯПе зарядов оценивается в 30 Мт. Площадь затронутой радиоактивными осадками территории – 304 тысячи квадратных километров, намного превосходит границы полигона.

Понятно, что она не была абсолютно необитаемой, кое-где издавна жили люди, пострадавшие в разные годы от радиоактивного заражения местности. Они вспоминают, как зелёным светом светилось ночное небо, как пугали их яркие всполохи при воздушных и наземных взрывах, которых было 116.

Мало кому известно, что при испытаниях случались и осечки. Всего не взорвалось 5 ядерных боеприпасов. В одном случае получилось хуже всего – взорвался обычный тротиловый заряд, но цепной реакции не последовало, и плутоний был распылён на большой территории. Его, конечно, собирали, но вот собрали ли весь?

Трест «Гидромонтаж» в лице своего подразделения МСУ-24 приказом по министерству был привлечён к работам на СИЯПе в 1968 году[1]. К этому времени там уже шли подземные испытания (первый взрыв в октябре 1961 г.), но поначалу в штольнях в предгорьях Дегелена – площадки Д-1, Д-2, Д-3. В штольнях взорвали 131 заряд, после чего перешли к скважинам, где провели 209 испытаний.

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1-86-1. Д. 2. Л. 113.

Это уже была сфера деятельности спецучастка № 1 МСУ-24, вскоре потеснившего буровиков Треста «Союзшахтоосушение» из Караганды, к которым у министерства обороны накопились претензии.

Они оставили в наследство селятинцам оборудование и трубы, не прошедшие дезактивации и во всю «фонившие», а также барачный жилой посёлок, мрачно взиравший на участок унылой пустыни, обнесённый «колючкой». Лучше бы оборудование дали новое, а базу и жильё построили сами, что всегда получалось гораздо лучше и красивее! Но где-то наверху решили сэкономить.

Базовым городом испытателей стал Семипалатинск-21, позже получивший наименование Курчатов. Прекрасный, благоустроенный, весь в зелени и цветах, подобный всем средмашевским городам.

Расположился он на берегу могучего Иртыша, в 127 километрах от опытного поля. В просторечии его так и звали – Берег – место базирования военных и отдохновения вахтовиков с полигона, где они встречались с семьями. Условия жизни и снабжение, по воспоминаниям, были организованы по высшей категории.

Площадка для испытаний именовалась Б-1 от казахского поселения Балапан, в километре от речки Чаганка, вытекавшей из «атомного» озера, возникшего после ядерного взрыва на выброс в интересах, как полагали, сельского хозяйства, страдавшего от недостатка воды.

Взрыв заряда в 140 Кт выбросил до 6 миллионов кубометров грунта, образовав воронку диаметром 600 метров и глубиной до 100, заполнившуюся фонтанирующими подземными водами. Со временем там завелись караси и лини-мутанты. Очевидцы говорят об изумрудной и чистейшей воде озера, обрамлённого, будто выворочeнными рукой великана, гигантскими нагромождениями валов земли.

Существует легенда, что Е.П. Славский сам едал этих линей у костра на берегу и даже искупался в озере в знак подтверждения полной его безопасности. Однако сельскому хозяйству его так и не передали, ввиду повышенной радиоактивности, доходившей местами до 2000 мр/час при норме в этой местности 15–30.

Площадка Балапан (Б-1) находилась в равнинной части казахского мелкосопочника, переходящего в горный массив Дегелен. Она была огорожена колючей проволокой и охранялась. Все прибывающие давали специальную подписку на 30 лет «о неразглашении».

Условия жизни и работы были нелёгкими – зимой –40, летом +40. Частые песчаные бури, поднимавшие в воздух песок, а вместе с ним и радиоактивные частицы с поверхности близко расположенных стволов шахт, где уже прошли испытания, добавляли опасного воздействия на людей.

Вахтовые смены жили в деревянных бараках без каких-либо удобств. Воду добывали из пробурённой рядом скважины. Специальных медицинских препаратов, компенсирующих высокую дозу облучения, тогда не применяли. Так же, как не производилась дезактивация оборудования, не использовались сменная спецодежда, респираторы, дозиметры, рекультивация почвы.

До заветного Берега было 127 километров по голой степи, пылящей дороге, в тентированном кузове грузовика.

Это небрежение к людям, исходившее от военного руководства полигона, бывшего в ведении Министерства обороны, стоило многим здоровья, а некоторым и ранней смерти. Повышенная оплата труда (700 и более рублей в месяц) не могла компенсировать всех негативных последствий до конца жизни для участников той эпопеи.

Ответственность ложится и на Министерство среднего машиностроения, и на ЦК профсоюза, и на трест, которые всегда внимательно относились к условиям труда и техники безопасности своих работников, строго спрашивали за все несчастные случаи, а тут как перемкнуло.

Дополнительные затраты по сохранению людей были бы не столь велики по сравнению с ценой производимых работ, экономия для государства копеечная.

Свою роль сыграла и относительная малочисленность буровиков, их молодой возраст, когда кажется, что силы и здоровье неисчерпаемы, а также недостаточная осведомлённость о том материале, с которым приходилось контактировать, и грозных

последствиях нештатных ситуаций. К этому добавим наш природный пофигизм и неспособность самоорганизоваться для защиты своих прав.

2. НРС – нештатная радиационная ситуация

Начальником спецучастка № 1 в 1971 году пришёл Л.Н. Любимцев, прорабом Николай Никитович Баловнев, самый опытный на площадке – ещё в 1964 году он участвовал в спуске «изделия» в скважину в присутствии самого министра Е.П. Славского.

В то время ему 36 лет, а в помощники определили трёх выпускников Малоярославецкого училища, восемнадцатилетних ребят – А.С. Бабкина, А.Е. Асеенкова и М.И. Плехова. Потом прибыли 20-летние выпускники нефтяного техникума.

Бабкин Александр Степанович

Бригада проводила весь комплекс работ на буровой: монтаж-демонтаж установки с башней в 42 метра и грузоподъёмностью 75 тонн, собственно буровые работы реактивно-турбинными бурами на скважине с начальным диаметром 2,5 метра, крепление её стенок трубами-свечами по 25 метров, цементирование межтрубного пространства.

Когда скважина глубиной 500 метров, а иногда и больше, готова, буровая установка демонтируется, перетаскивается на следующую.

Над устьем пробурённой устанавливается шатёр с отверстием наверху для крюка крана с последующим опуском собранного заряда в скважину. Отгороженная от посторонних глаз команда физиков-разработчиков проводила все манипуляции с «изделием».

Как рассказывают очевидцы, само «изделие» привозили в спецвагоне, а атомную начинку – в отдельной коробке. Снаряжение бомбы проводилось на месте. Скважина на всю глубину заполнялась водой. Перед этим она шаблонировалась, что предполагало пробный опуск макета (шаблона) «изделия», промывку скважины на всю глубину до 500 метров до чистой воды. После опуска «изделия» идёт забивка скважины железорудным концентратом (до 300 тонн из Кривого Рога) и цементом для достижения плотности, близкой к коренной породе.

После взрыва нередко поступало указание разбуривать отработанную скважину, производить отбор радиоактивного грунта для лабораторных исследований.

Вот как описывает свои впечатления от контакта с ядерным зарядом Александр Бабкин:

Монтажники из ящиков доставали компоненты «изделия» и собирали его. Порой собиралось по 2–3 контейнера – как гирлянда. Обычно всех удаляли, и оставались только сборщики да и мы, те, кто цеплял «изделие» на крюк.

Как-то я однажды «достал» конструктора с «Маяка» Л.П. Волкова – показать, что взрывается. «Ну, на, – говорит, – салага, смотри». А это буквально, как ведро – контейнер, заклеенный в бумажную упаковку, с окошечком, с постоянной температурой.

Само собранное «изделие» не «фонит», я на нём в буквальном смысле сидел и спал, да и монтажники с ним ночуют. Дозиметрический контроль у них налажен. Тем, кто работает с радиоактивными веществами (РВ), давали специальные плёночки или карандашики накопительные. За ними был постоянный контроль – 10–30 бэр и больше нельзя. А за нами никакого контроля, мы же от треста, вроде ни с чем ни связаны.

А самым страшным для нас было не «изделие», а «плотномеры» – измерители плотности среды, которые крепились в скважине – до 10 штук на 500 метров. Это источники излучения, которые привозили в свинцовых контейнерах. Все убегают метров на 20, а я стою, мне некуда бежать, мои люди должны подойти, застегнуть кабели и опустить это всё в скважину. И так 10 лет подряд. И обидно, когда говорят, что мы якобы не были связаны с РВ (радиоактивными веществами).

В обиходе была аббревиатура НРС – нештатная радиационная ситуация, несущая радиационное загрязнение. Это и есть прорыв газов в атмосферу после взрыва ядерного заряда.

Участники испытаний припоминают не один случай НРС, когда люди раз за разом попадали под облучение. Но строители чьим-то росчерком пера не были отнесены к группе риска, что потом обернулось большими проблемами при оформлении пенсий и соответствующих льгот.

Первые подземные испытания проведены участком № 1 на скважине № 1054 в 1968 году. После подрыва заряда земля пошла волной, как на море. Буровики в замешательстве стояли и ждали своей участи – машин на выезд не было. Потом все выехали на цементовозе. Бухгалтер УМАТ Бюнис выписал каждому аванс, закупили водку, тем и спасались.

Случались нештатные ситуации при опускании «изделия» в скважину. Об инциденте с непредсказуемыми последствиями, когда помогли лишь опыт, крепкие нервы и доля везения, рассказывает опытный специалист-буровик МСУ-24 на СИЯПе Александр Степанович Бабкин:

Опускаю я «изделие» в скважину. Она сложная, с переходами. Метров 400 уже опустил, как она цепляется за переход подрывными кабелями. Они бронированные – основной и дублёр. Адмирал был (М.К. Кантеев), Любимцев (начальник участка). Нельзя дальше, порвём подрывные кабели, надо «изделие» поднимать, вытягивать, пробовать.

Любимцев: «Ладно, француз (он всех французами называл), в первый раз, что ли, опускай!»

Я ему в ответ: «Порвём, я сам переход этот делал, опускал туда колонну. Говорю, порвём! Там заусеницы, зацепится!»

М.К. Кантеев, контр-адмирал, из Североморска только приехал, чеченец. Он командир, который за всё отвечает. Он приказывает: «Опускай!»

Ну, опускаю. У меня индикаторы показывают «0», – то есть разгрузка… зацепился.

Я говорю: «Ноль». – «Опускай, проскочит». Ну я покачал, и всё проскочило.

А по инструкции, когда я опускаю, все подчиняются, у меня красная повязка. Я говорю: «У меня нет сопротивления кабелей. Порыв, поплыло сопротивление. Целостность кабелей надо проверять. Дублёр-запасной – то же самое».

У всех лица вытянулись. Все побледнели и тихо, как в гробу.

Что делать? Скважина залита водой. Голые концы обрыва кабеля на взрыв в воде – это статическое напряжение. Там достаточно батарейки – от батарейки и взрывают, – только определённый код набрать надо. Его знает конструктор и полевой командир.

Честно говоря, в данном случае, просто любое замыкание – и испарились бы мы все вместе с полигоном.

Поднимать надо, а поднимать все боятся. Ну я и говорю: «Я опускал с бригадой, мне и подымать придется. Короче, разбегайся, я подниму». Все уехали подальше, а я с моей командой остался, ну и адмирал стоял со мной рядом.

Поднимаем… Подняли, концы замкнули от греха подальше. Прибыли подрывники, «изделие» разобрали.

Я сутки писал объяснительную в числе первых, сидя в КГБ. Ну написал, что мне отдали команду. А полковник Щербачук, он давно меня знает, говорит: «Саш, но это же… расстрелять сейчас не расстреляют, но ты же тюрьму людям подписываешь…»

Кипиш продолжался больше суток. Прилетел начальник Главка Захарченко. Как начали вертолёты «падать» на площадку – один за другим! А там же пыли, Господи, дышать нечем.

Это Л.П. Волкова было «изделие». Он сейчас зав. лабораторией в институте «высоких энергий» в Обнинске.

Можно добавить, что самолётом привезли новые кабели, которые изготовляются персонально под каждое «изделие», определённой конфигурации и сопротивления. Всё снова смонтировали и опустили туда же.

Прошло 2–3 месяца, серия взрывов прошла успешно, в штатном режиме. Л.П. Волков защитил докторскую, военные получили звёздочки, а А.С. Бабкин был награждён орденом Трудовой Славы III степени и получил премию 1200 рублей от института.

Гапчуков Владимир Владимирович

О том времени рассказывает соратник Бабкина В.В. Гапчуков, пришедший в МСУ-24 в 1973 году в составе семи человек-выпускников нефтяного техникума и направленный в качестве помощника бурильщика на СИЯП, как раз на площадку Б-1:

Работы по спуску ядерных изделий, или работы на 2-х этапах, заслуживают особого разговора. Небольшой коллектив, возглавляемый Баловневым Николаем Никитичем, где бригадиром был А.С. Бабкин, назывался забивочной бригадой. На её долю выпало немало сложностей по спуску ядерных изделий в скважины. Но ни один срок спуска или срок эвакуации бурового оборудования не был нарушен или сорван по вине буровиков этого подразделения. Они заслужили высокий авторитет и уважение у руководства гарнизона.

В составе забивочной бригады мне пришлось поработать с февраля 1973 по май 1975 года. В её состав входили не только буровики, но и тампонажники, механизаторы, бульдозеристы-экскаваторщики, электрик. Работы производились в круглосуточном режиме. Было единственное ограничение по спуску ядерного изделия – это тёмное время суток.

Чем быстрее по времени были произведены работы по спуску и забивке боевой скважины, тем выше оценивалась работа МСУ-24. Оценки эти были только самые высокие.

Ядерное испытание – это искусственное землетрясение. Если кто видел местность на расстоянии 300–500 метров от эпицентра испытаний, тот представляет, какие изменения претерпела земля в этом районе. Некоторые места превращались в воронки, другие – в курганы. Как свечи, из-под земли выползали обсадные трубы диаметром 820–1020 мм и затем складывались или ложились, как подрубленные деревья.

Но это было лучшее время в моей жизни. Можно сказать, что люди тогда, с кем пришлось поработать, почему-то были особой закваски. Во главу угла ставилась работа, а потом личное. Особенно запомнился руководитель МСУ-24 М.Д. Леонов, а также руководитель участка Л.Н. Любимцев. Он занимает в моей жизни, моём становлении как личности, как специалиста особое место. Он мой учитель-практик.

Содержательные воспоминания оставил Александр Николаевич Чумаков, один из той семёрки выпускников техникума, о которых упоминает Гапчуков. Он работал в 1972–1973 годах помощником бурильщика 6-го разряда там же, на Семипалатинском полигоне, а затем до 1975 – бурильщиком 7-го разряда на Новой Земле.

Впоследствии окончит МГУ, станет доктором философских наук, профессором, автором нескольких сотен научных работ, но впечатления молодости, полученные в экстремальных условиях в окружении сильных и самобытных людей, оставят яркий след на всю последующую жизнь:

Особенно запомнился взыскательный конкурсный отбор, который проводила специальная комиссия во главе с директором техникума и приехавшим из Селятино начальником отдела кадров МСУ-24 В.М. Липатовым. Помнится, многие хотели попасть в число тех нескольких человек, которых планировал отобрать Липатов. Особенно подкупала скупая, но интригующая информация о том, что предстоит весьма ответственная работа на секретных объектах государственной важности на Крайнем Севере и в других отдалённых местах, причём по специальности и к тому же ещё неизвестным нам методом – реактивно-турбинным бурением.

Чумаков Александр Николаевич

Интерес подогревался и ходившими среди выпускников разговорами, что предстоят длительные командировки на эти секретные объекты, тогда как прописка и постоянное место жительства будут в ближайшем Подмосковье. При этом изначально было сказано, что лучшие шансы на успех в этом конкурсе имеют отслужившие в армии и закончившие техникум с высокими результатами.

Попав в число отобранных, вместе со своими сокурсниками В.В. Гапчуковым, Н.Ф. Ериным, М.В. Ворушиловым, А.Л. Козловым и А. Бобровским, в августе 1972 года прибыл в Селятино в МСУ-24 для распределения, как потом стало известно, на ядерные полигоны. В итоге, все мы получили направление на СИЯП.

Первое, что бросилось в глаза по прибытии в Семипалатинск-21 – непривычно чистый, ухоженный и весьма благополучный городок в сотне километров от места испытаний ядерного оружия. Сюда мы затем регулярно приезжали на отдых, поселяясь в общежитие после 5 дней работы на буровых, где жили в обветшалых и неуютных бараках на площадке, именуемой Балапаном. Вокруг ровная, как стол, и голая до горизонта степь, где только несколько одиноко торчавших буровых вышек нарушали картину лунного пейзажа.

Однако наиболее сильные впечатления остались не от окружающей обстановки и работы, а от общения с людьми, как правило, оригинальными, необычными, разными. Там каждый был личностью, с ярко выраженной индивидуальностью, запоминающимся характером.

О многих из тех, с кем работал на Семипалатинском полигоне, и по сегодняшний день сохранились яркие образы и хорошие воспоминания. С кем-то были особо тёплые отношения, с кем-то ассоциируются отдельные эпизоды, забавные истории или каверзные случаи.

Помимо уже названных моих сокурсников и друзей, это начальник участка Л.Н. Любимцев, главный инженер Б.В. Черных, тогда молодые инженеры П.Н. Кутилкин и В.И. Солодухин, инженер по технике безопасности В.И. Кузьмин, прорабы Б.И. Ломанцов, В.В. Кордаков, М.М. Парфёнов, Н.Н. Баловнев, Г.Н. Беланов, бурильщики и помбуры О.Е. Сенин, Н.И. Емельянов, А.С. Бабкин.

С середины 70-х на СИЯПе проводились натурные испытания ядерного ракетного двигателя (ЯРД). Американцы тоже занимались подобной проблематикой, но они пошли другим путём и отстали. Овладение этой технологией давало качественный прорыв в Космосе. Наши разработки были строго засекречены, но такого громкого «шила» в мешке не утаишь.

Ветераны треста припоминают «взрыв реактивного двигателя» с выбросом радиации. На самом деле всё было по-другому.

В предгорьях полигона, в районе площадки «Дегелен», специально образованным НПО «Луч» была введена в строй мощная экспериментальная база под названием «Экспедиция–10». Ею построены две специальные шахты с подземными служебными помещениями.

Разработанный специально для ЯРД реактор ИВГ-1 опускался в шахту с помощью козлового крана. Во вторую шахту в специальный резервуар закачивался под давлением водород. После запуска реактора водород поступал в «котёл», раскалялся до 3000 К и огненной струёй вырывался из шахты наружу, имитируя тягу ракетного двигателя. Можно представить свистящий грохот, разносившийся окрест. В течение суток находиться от шахты в радиусе полутора километров не разрешалось. К самой шахте нельзя было подходить месяц. Был проложен полуторакилометровый подземный тоннель, по которому передвигались специалисты. Рёв истекающей

струи, радиационная опасность и породили на СИЯПе различный байки на этот счёт.

На самом деле проведённые в 1978–1981 годах эксперименты были успешными и подтвердили правильность конструктивных решений. Одновременно в НИИХиммаше в Загорске (Сергиев-Посад) велись наработки ракетной части ЯРД.

Не случайно в середине 80-х М.С. Горбачёв предлагал американцам совместный полёт на Марс. Для этого у нас имелся сверхтяжёлый носитель «Энергия» и на выходе ядерный ракетный двигатель, позволявший межпланетной экспедиции достигнуть Марса всего за месяц. Американцы отказались, а потянуть всю программу в одиночку в конце 80-х Советский Союз уже не мог.

В 2009 году Россия вернулась к идее ЯРД на новом уровне. Разрабатывается схема реактора на быстрых нейтронах с газовым охлаждением по замкнутому циклу. Разогретая до высоких температур струя инертных газов вращает турбину, та – генератор, а вырабатываемая электроэнергия нагревает и ионизирует поток частиц «рабочего тела». В результате вырывающаяся из сопла двигателя струя плазмы не радиоактивна. В качестве «рабочего тела» применяются жидкие металлы – висмут, калий или цезий.

Срок функционирования реактора 10 лет. ЯРД на этих принципах может служить как для межпланетных полётов на большие дистанции с более высокой скоростью, чем химические ракеты, так и в качестве межорбитального буксира для доставки на геостационарную орбиту (36 тыс. километров) и на любую другую с опорной орбиты (200 километров) многотоннажных грузов.

Российский ЯРД может быть готов к 2018 году и запущен с космодрома «Восточный» ракетоносителем «Ангара-5» в качестве космического буксира с многолетним нахождением на орбите. Выход на рынок космических услуг этих изделий изменит весь расклад сил.

3. Крещённые радиацией

Рядом с посёлком Азгир Гурьевской области Казахстана с 1964 года начались работы по отработке технологии создания с помощью подземных ядерных взрывов в разведанных массивах (куполах) каменной соли больших полостей в качестве хранилищ радиоактивных отходов, а также нефти и газа. Азгирский полигон не был военным объектом и находился в ведении Прикаспийского горно-химического комбината по добыче и обогащению урановой руды (Минсредмаш).

В период 1966–1979 годов на полигоне осуществлено 17 испытаний в скважинах глубиной от 160 до 1490 метров. Подорвано 23 ядерных заряда мощностью от 0,01 до 100 Кт.

В результате образовалось 10 полостей объёмом от 10 до 240 тысяч кубометров. В 4-х случаях они образовывались групповыми взрывами, с повторным проникновением в полость.

В 2-х случаях происходила нештатная радиационная ситуация (НРС) с выбросом радиоактивных газов и заражением окружающей местности.

Участок № 2 МСУ-24 был организован в марте 1970 года[1]. Начальником назначили А.Г. Харыбина – инженера-нефтяника из «Саратовнефтегаза», которого на Всесоюзном совещании буровиков в Колонном зале в Москве выловили кадровики и уговорили перейти на работу в Трест «Гидромонтаж».

Начали с получения новой буровой установки с дизельным приводом в 2 тыс. лошадиных сил и грузоподъёмностью 200 тонн. В мае завершили монтаж и начали проходку.

В середине апреля отдельные зоны окрестной степи усыпались тюльпанами красного и жёлтого цветов, прибывали стада сайгаков, у которых начинался период «гона», связанный с продолжением рода.

Взрослый самец-рогаль отбивал себе у конкурентов «гарем», и так бедолага уставал от «работы», что, бывало, буровики приводили его за рога к вагончику. Но все знали, что охотиться в этот период нельзя – только осенью, когда подрастёт молодняк.

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 205.

В июле работы остановили до октября ввиду карантина холеры. Харыбин был отозван и направлен на Новую Землю, где разворачивались большие буровые работы под началом М.Д. Леонова.

На полигон, который иногда именовали Харабалями – по названию ближайшей железнодорожной станции, прибыл Н.Н. Баловнев, вначале в качестве прораба, а потом – начальника участка.

Подразделение, ответственное от Арзамаса-16 за испытания в Азгире, называлось южно-сейсмической экспедицией (ЮС-7). К весне 1971 года была пробурена одна скважина глубиной 1020 метров с конечным диаметром 920 мм. После взрыва на этой скважине начались работы по разбуриванию забоечного материала. В дальнейшем таким же способом вскрыли полости ещё 7 скважин. На одной из них – А-3 поочерёдно провели три испытания. Из предполагавшихся работ по использованию образовавшихся полостей только в 2 скважины захоронили около 3-х тысяч кубометров загрязнённого радиацией грунта и 160 тонн металла.

Получился выстрел из пушки по воробьям. Неизвестно, в какую сумму обошлись работы и содержание полигона, но последствия, ввиду радиационного загрязнения, ощущаются до сих пор. Страдают здоровье людей и окружающая среда.

Очевидно, что фантазии учёных-ядерщиков в то время слишком легко принимались на веру, без какого-либо анализа ожидаемых результатов и просчёта последствий. Финансирование лилось рекой, в то время, как на людях чьи-то «мудрые» головы в высоких кабинетах предпочитали экономить. Спросить бы у них, сколько сэкономили?

Ада Александровна Румянцева (в замужестве Новосад) была первой женщиной из Селятино, которую направили 1 октября 1970 года на опытное поле СИЯП в длительную командировку в качестве инженера-экономиста.

В то время она – молодая, привлекательная женщина, с инженерным дипломом и горячим желанием работать на переднем крае. В первой командировке отработала 15 месяцев, проживая

в барачном женском общежитии на площадке Б-1 вместе со всем составом бурового спецучастка № 1. По долгу службы ездила за 40 километров на площадку «Дегелен» для подписания у заказчика формы Ф-3 – справки о выполнении работ.

Как позже станет известно, маршрут лежал мимо отработанных ядерными взрывами штолен с прорывом радиоактивных газов. Поскольку индивидуальных носимых дозиметров не существовало, вот и не знали, кто сколько «нахватал».

Именно в этом районе в 1996–2012 годах проводилась совместная акция трёх государств – России, США и Казахстана, по сбору и захоронению, как оценивали, 200 (!) килограммов плутония, оставшегося после испытаний на полигоне, а также сильно облученного оборудования.

Работы финансировались Соединёнными Штатами по программе Нанна-Лугара, так как на заброшенном, неохраняемом полигоне международные террористы могли поживиться ядерными расщепляемыми материалами.

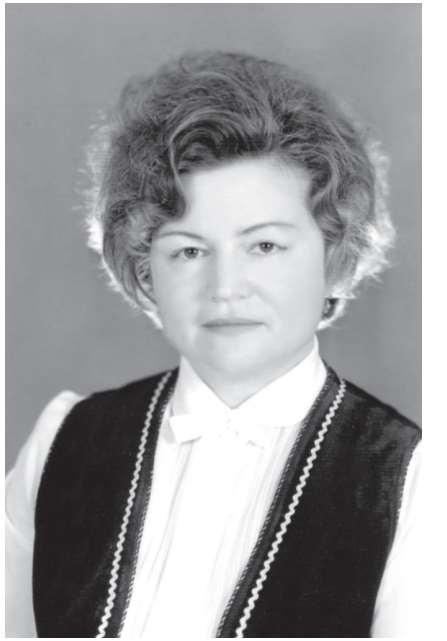
Ввиду невозможности собрать все распылённые остатки плутония решили покрыть наиболее загрязнённые участки спецбетоном, толщиной местами до 2-х метров. Забетонированная площадка оказалась как раз в районе штолен в предгорьях Дегелена. Именно там при первых подземных взрывах из-за недостаточной забивки штолен произошёл выброс газов, вырвавших свинцовую дверь.

Побывает Ада Александровна на полигоне, по просьбе руководства треста, и во второй командировке в 1985–1986 годах, так что имеет не только представление о тамошней обстановке, но и полное право высказывать свои обобщённые суждения:

В декабре 1971 года вернулась в Селятино, так как почувствовала изменения в организме. Позже это проявится в грозных симптомах обострения аллергической реакции на любое медикаментозное лечение вследствие снижения иммунитета – бронхиальной астме, аллергическом дерматите – кровоточащих язвочках, крапивнице, красной сыпи по телу, гипоксии (кислородном голодании мозга), гипертонии. Вышла замуж, побоялась родить мутанта, получила развод.

Со мной ездил подписывать Ф-3 инженер В.П. Коротков – рак горла, умер; начальник участка № 1 В.С. Кармаев – рак пищевода, умер; бурильщик-дизелист Н.А. Аристов, рак крови – умер; сварщик Микунов – отрезана рука, умер; слесарь Суханов – отрезана нога; помощник бурильщика Н. Погребной – отрезана нога, похоронили.

Этот скорбный список можно продолжить. Я не описываю судьбу тех, кто проводил локализацию при выходе радиоактивных продуктов в атмосферу – их уже давно нет. Нас было на бурении в начале 70-х молодых специалистов более 100 человек, осталось менее десятка.



Новосад Ада Александровна

Самое обидное и несправедливое в этом деле то, что людям приходилось доказывать, оформляя пенсию и льготы на лечение, свою причастность к испытаниям ядерного оружия, как и то, что они получали облучение выше всяких норм при нештатных радиационных ситуациях.

А специализированные медицинские учреждения как по команде всячески стремились замылить первопричину возникших у человека заболеваний, не связывая её с контактом с радиационными веществами.

К сожалению, с похожими проблемами столкнулись и «ликвидаторы» чернобыльской аварии, при той только разнице, что они сумели объединиться в сильную и признанную в России общественную организацию и научились защищать свои права от государственной бюрократии.

Сам же Трест «Гидромонтаж» и его общественные организации, пока они были в силе, всегда старались помочь своим пострадавшим людям. Это выражалось в первоочерёдном предоставлении жилья, садовых участков, путёвок на лечение в санатории, талонов на приобретение автомобилей и многих других, жизненно важных для человека вещах.

Интенсивные испытания ядерного оружия всё возрастающей мощности в США и СССР на земле, в воде и воздухе, без всяких ограничений, серьёзно загадили планету. Трудно даже оценить, кто больше.

Американцы методично долбили мегатонными зарядами Маршалловы острова, отравляя экосистему океана на тысячи миль в округе. Циклоны подхватывали радиоактивные облака и несли их по глобальным маршрутам. В разных уголках Земли стали выпадать радиоактивные осадки, рождаться животные и дети-мутанты.

Заключение договора о запрете испытаний в трёх средах в 1963 году, а затем и остановка подземных испытаний в 1996, прекратили вакханалию разрушения среды обитания человека. Планета постепенно начала самоочищаться, что стало следствием достижения баланса сил на основе гарантированного взаимного уничтожения.

До понимания иных доводов человечество пока не доросло. Поэтому труды и жертвы солдат «холодной войны», о которых у нас идёт речь, не напрасны, и память об этом должна сохраняться в поколениях.

Глава XVI
ШУМНЫЕ СОСЕДИ БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ

1. Корчи земли в белом безмолвии

Всё шло привычно и штатно. Наконец, сопровождаемый щелчком метронома, начался отсчёт последней минуты перед взрывом. Все находящиеся на высоте 132 и не сидящие за пультами управления испытатели вышли из приборных сооружений и измерительных фургонов. Без какой-либо команды прекратились разговоры, взгляды всех устремились на эпицентральную зону горы Шелудивая.

Наконец, из динамика раздался отсчёт «0», и после растянувшегося до предела мгновения, гора вздрогнула, от эпицентрального района оторвалось и, взлетев на небо, растаяло конденсационное облачко. Поверхность горы вздохнула, приподнялась и опустилась. По склонам пробежала рябь. И только после этого мы почувствовали лёгкий удар по подошвам сапог и покачивание земли.

Ощущение, очень напоминающее то, которое испытывает человек, прыгнувший в вертлявую шлюпку. Послышался шум схода лавин и камнепадов, а на склонах горы появились сопровождающие их клубы пыли.

(Капитан первого ранга Г.А. Кауров, «Мегатонная затайка»).

Так проходили подземные испытания ядерного оружия мегатонного класса на Новой Земле. В 1968 году один такой заряд из трёх не сработал, и во взведённом положении остался в штольне. Горняки-проходчики называют невзорвавшуюся головую шашку «затайкой». Эта «затайка» оказалась с эквивалентом в миллион тонн тротила.

Сакраментальный вопрос «что делать?» рассматривался в Москве. Е.П. Славский принял решение вскрыть забивку аварийной штольни, подобраться к заряду и понять причину осечки. Это было важно для конструирования будущих ядерных боеприпасов и оценки боеспособности, стоящих на вооружении. Но и смертельно опасно. Не глядя на это, следовало разобраться до конца, а не просто уничтожить «аварийку» очередным взрывом.

Работы были выполнены, несмотря на огромный риск, так как перед несостоявшимся взрывом все коды были сняты и уже дана была команда на подрыв, которая не прошла из-за отсутствия, как выяснилось, контакта в одном из разъёмов. Все перенервничали, что иногда чревато казусами, о которых потом долго вспоминают. Руководитель операции доложил в Москву Славскому закодированным текстом прямо с места, что аккумуляторы отключены и опасности самоподрыва нет.

Среди прочего он сообщил, что под зарядом для разгрузки его подвески на деревянном помосте лежат навалом матрасы.

В ответ последовала команда работы прекратить, сообщить фамилии матросов и со стационарного узла ВЧ-связи разъяснить ситуацию.

Выяснилось, что девушка-шифровальщица под общий напряг ситуации перепутала одну букву, и вышло матросы вместо матрасов.

Поняв причину сбоя, специалисты Арзамаса-16 внесли коррективы в конструкцию и исправили уже стоящие на вооружении армии и флота ядерные боеприпасы. Позже аварийный заряд успешно подорвали.

Ядерный полигон на Новой Земле был открыт в сентябре 1954 года в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР об «объекте 700». Уже через год, в сентябре 1955 года, «объект

Белушья губа

700» подготовили к проведению первого подводного ядерного взрыва, и это в условиях Крайнего Севера, тяжёлой ледовой обстановки, когда каждый гвоздь надо везти с Большой Земли!

За это время построили базовый посёлок Белушья губа, аэродром Рогачево для базирования истребительного полка и транспортной авиации, морской причал. В состав специальной воинской части вошли опытно-научное и инженерное подразделения, службы энерго- и водоснабжения, средства ПВО, дивизион кораблей специального назначения, дивизион аварийно-спасательной службы, узел связи, части тылового обеспечения. Всё было продумано и хорошо скоординировано.

Полигон находился в ведении Министерства обороны, и конкретно Главного штаба ВМФ СССР. Правили там бал моряки, что было логично в связи с его островным положением. Начальником полигона всегда был не генерал, а адмирал.

С 1955 по 1990-й было проведено 132 ядерных взрыва. Это в 4 раза меньше, чем на СИЯПе, по числу, но по мощности на порядок больше. Все (за исключением одного) мегатонные заряды взрывали на Новой Земле. В том числе и самую мощную в истории человечества «Царь-бомбу» в 58 Мт. Мощь её взрыва была такова, что звуковая волна дошла до Диксона – за 800 километров от «точки».

Выбор Новой Земли, открытой поморами ещё в XII веке, в качестве арктического полигона позволял проводить ядерные испытания любой мощности и во всех средах, включая морскую. Он оказался исключительно удачным, так как отвечал всем предварительно сформулированным требованиям.

Во-первых, отсутствие почти на 600 километров местного населения. Семьи ненцев – рыбаков и оленеводов, менее 500 человек, живших там поколениями в условиях почти каменного века (в пещерах, обитых фанерой и завешенных оленьими шкурами, с отоплением от очага посреди жилища), переселили на Большую Землю и там устроили.

Во-вторых, относительная близость и доступность незамерзающего Мурманского порта, достаточно близкие по арктическим меркам, материковые аэродромы.

В-третьих, геологическое и ландшафтное строение самих островов позволяло моделировать любые условия, а гидрометеорологические параметры и преобладающая «роза ветров» – купировать радиоактивные последствия наилучшим образом, вследствие их ухода в безлюдные районы Арктики.

При каждом испытании, назначая его время, учитывалась сводка метеорологов с тем, чтобы подгадать под очередной циклон, который закручивает воздушные потоки, направляя их преимущественно в сторону Карского моря, прочь от Скандинавии, а значит, и от их официальных протестов.

В воспоминаниях участников арктической эпопеи на Новой Земле можно встретить восторженные оценки её суровой, завораживающей красоты. Покрытую яркими цветами тундру, когда весна и лето сливаются вместе в свете незаходящего солнца. Гряды горных хребтов, блистающих вечными ледниками, быстрые речки в долинах, мгновенно под лучами солнца превращающиеся из безобидных ручьёв в бурлящие потоки и прозрачные, свинцово-синие пресные озёра, полные рыбы.

Величественные белые медведи, шествующие по-хозяйски по острову – и не только в одиночку, но и компанией, в сопровождении песцов, своих неизменных адъютантов. Их визиты к людям в поисках возможной поживы вызывали весёлый переполох

пополам со стрессом и рождали множество фантастических баек и анекдотов.

Многие вспоминают ошеломляющие впечатления от рёва птичьих базаров на недоступных прибрежных скалах – где выводят птенцов и кормятся в короткий летний период до 5 миллионов разнообразных птиц, огромные лежбища тюленей, греющихся на солнце. Царскую охоту в мае на диких гусей, оленей и рыбалку на новоземельского гольца – исключительно вкусную и нежную рыбку.

К этому следует добавить штормовые ветра и затяжные метели по 200 дней в году, многомесячную черноту полярной ночи, изоляцию в узком круге людей и однообразное, консервированное питание.

И работа, работа трёхмесячными вахтами, под постоянным психологическим прессом сроков, которые нельзя срывать.

Арктика принимала и влюбляла в себя только сильных духом и телом людей, морально и психологически здоровых. Слабаки, паникёры и неуживчивые индивидуумы долго не выдерживали и под разными предлогами незаметно сливались. Как при промывке золотоносного песка на дне лотка остаются крупицы золота, а пустую породу уносит вода.

Изначально были определены три зоны проведения испытаний – воздушных, надводных и подземных. Опытное поле, выбранное для подземных испытаний в штольнях, именуемое «Северная площадка», находилось в предгорьях хребта на берегу 3-километрового пролива Маточкин Шар, в долине реки Шумилиха.

«Южная площадка», предназначенная для испытаний в глубоких скважинах, находилась в бухте Башмачная, гораздо ближе к новоземельской столице – городку Белушья губа, в обиходе ласково – Белушка.

Добираться к обоим полигонам можно было только морем. Штолен было построено много, а использовали лишь 36. Резерв на будущее остался. Переход к скважинам в начале 70-х был обусловлен рядом соображений, среди которых сыграли роль их меньшая затратность и большая надёжность.

2. Даёшь большой диаметр и сверхглубину!

В середине 1970 года в Минсредмаше прошло установочное совещание по решению Правительства о проведении на Новой Земле подземных испытаний мегатонного класса, помимо штолен, в глубоких скважинах.

Начальник 12-го Главка А.С. Пономарёв сообщил, что проведение работ на полигоне поручается Тресту «Гидромонтаж», имеющему опыт работ подобного профиля на Семипалатинском полигоне. Геологическую разведку, предполагавшую бурение разведочных скважин, также отдали тресту параллельно с основной задачей – подготовкой испытательных скважин. Начальник треста Я.А. Кузнецов доложил, что трест способен выполнить порученные работы.

В отделе главного технолога В.В. Вальковского срочно создаётся группа по проектированию скважин большого диаметра совместно со специалистами МСУ-24, где начальником назначается Р.С. Газматов, приглашённый как имеющий опыт буровых работ в нефтянке.

Одновременно организуется специализированный участок № 5[1], который будет базироваться в бухте Башмачная, имеющей морской причал.

Отделы кадров треста и МСУ-24 ищут и находят по всей стране опытных буровиков из смежных отраслей народного хозяйства, для которых в Селятино резервируется жильё. Первым начальником участка № 5 назначается Н.А. Щербань, прибывший с группой буровиков из Белоруссии.

В начале 1971 года в МСУ-24 создаются геологический отдел и геофизическая лаборатория, которую из-за нехватки помещений временно размещают в только что введённом доме № 20, в переоборудованной квартире. Впоследствии под лабораторию отдадут целый этаж в пристройке турбинного цеха.

Следует отметить творческую работу трестовских кадровиков под руководством А.И. Лебедева, сумевших в кратчайшие сроки укомплектовать квалифицированными кадрами

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 211–212.

совершенно новое для треста подразделение – геологическую службу.

В геологическом отделе много лет успешно работали геологи И.Т. Лебедев, Л.В. Глухов, Н.В. Круглов, гидрологи М.З. Чингилян, Н.Т. Беликова, Н.М. Изотова, геофизики В.В. Тараданчик, С.А. Жуков, С.С. Кузнецов, А.Д. Лапин, Р.М. Давлетшин.

Как рассказывает начальник геологического отдела треста Иван Титович Лебедев, этими творческими людьми совместно с институтом ядерной геофизики (ВНИЯГ) были разработаны новые геофизические приборы для исследования скважин большого диаметра, не имевшие аналогов в промышленности. Их права защищены тремя авторскими свидетельствами на изобретения.

Эта специальная сейсмоакустическая аппаратура, получившая наименование «Гранит», сыграла важную роль при подготовке скважин. Она позволила увеличить их глубину на несколько сот метров против проектной (1500 метров). Это было важно при подрыве особо мощных зарядов, гарантированно обеспечивая безопасность строений в Архангельске и Мурманске, где расчётная сейсмика не превышала 5-ти баллов.

В каждой испытательной скважине проводились геофизические исследования для построения геологического разреза и параметров скважины – глубины, диаметра, вертикальности.

В зоне подвески ядерного заряда отбирался керн, образцы которого исследовались в Центральной лаборатории Министерства в городе Электросталь.

Всё делалось по науке, с привлечением специализированных институтов и крупных учёных.

Геологическая разведка, проведённая Трестом «Гидромонтаж», позволила построить геологическую модель территории, обосновать выбор участков заложения испытательных скважин глубиной более 1500 метров, диаметром более 1 метра и, не глядя ни на какие препоны, выполнить программу испытаний ядерных зарядов большой мощности.

С поручением министерства по организации нового для себя направления трест в очередной раз справился, доказав, что там, где нет готовых решений, их нужно изобрести.

Для проведения работ с использованием технологии реактивно-турбинного бурения (РТБ) требовались специалисты, хорошо с ней знакомые. Родоначальники этого метода находились на Донбассе.

Поэтому, как уже говорилось, из донецкого Треста «Спецшахтобурение» был приглашён на должность начальника МСУ-24 его управляющий Михаил Дмитриевич Леонов и группа отобранных им ведущих специалистов.

3. «Трудовые будни – праздники для нас!..»

В короткие сроки участок № 5 на Новой Земле был укомплектован кадрами, обеспечен буровыми установками, геофизическими приборами и всем прочим оборудованием.

Высадившийся осенью 1970 года десант буровиков из Селятино первым делом приступил совместно с генподрядчиком к обустройству технической базы и жилого городка, начал активно готовиться к зиме, к обильным снегопадам и бешеным метелям.

Два мощных «Урала» и тракторы-тягачи обеспечивали зимние дороги для доставки топлива, для чего сконструировали «пони-сани» с 12-кубовой ёмкостью. Жилые вагончики поставили в каре и накрыли общей крышей, получив удобный вахтовый посёлок прямо на разведочной скважине Ю-2, с баней, столовой, кинопередвижкой.

На основной базе построили казарму с вполне приемлемыми условиями обитания и с хорошим питанием. Отопление, электроснабжение, вода – всё своё, автономное.

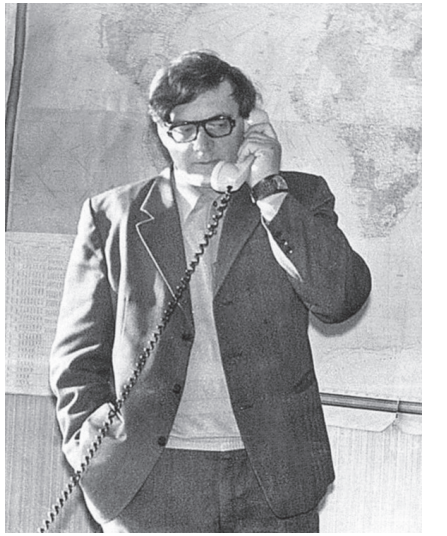
Хотя и медленно, разведочное бурение – скважин Ю-2 и Ю-3, глубиной 2000 метров – пошло.

Накапливался необходимый опыт выживания и работы в экстремальных условиях, враждебных человеку.

Вот как передаёт свои впечатления Анатолий Григорьевич Харыбин, прибывший в марте 1971 года из жаркого, степного Азгира, где он также бурил скважины под ядерные заряды, на Крайний Север в качестве начальника 5-го участка:

Первые впечатления после приземления на собственной базе в бухте Башмачная – столько снега! Вся колёсная техника под снегом – по одной из машин прошёлся трактор. Казармы по крышу занесены. Дорогу на площадку скважины пытаются расчищать бульдозером, но это только усугубляет снегозадержание в создаваемых траншеях – сказывается отсутствие опыта в условиях Крайнего Севера в первую зиму.

Но высаженный десант из молодых специалистов, тем не менее, делал всё возможное, чтобы разведочная скважина Ю-2 медленно, но углублялась.



Харыбин Анатолий Григорьевич

Белые медведи изредка навещали, к счастью, без особых эксцессов. Хотя и был случай, когда дизелист В.А. Кульков пошёл подкачать дизтопливо в расходную ёмкость, и его пытался преследовать молодой медведь, но, заметив выскочивших из помещения буровиков, рванул назад. В связи с этим я обратился к начальнику полигона, и нам доставили два ящика сигнальных ракет и ящик фальшфейеров, которые разделили по площадкам.

В середине февраля в южной части нашего острова появились северные олени, на которых мы охотились совместно с соседями из ПВО, используя гусеничные транспортёры – пожалуй, самую лучшую плавающую технику для полярных условий. В первой половине мая прилетали гуси трёх видов, которые умудрялись построить гнёзда в начале июня, вывести птенцов и поставить их на крыло в сентябре. Кроме того, в мае вместе со сходом льда на озёрах появлялась возможность для прекрасной рыбалки – на гольца и палию.

Образно и ярко описал свои впечатления от Арктики буровой мастер, кавалер ордена Трудовой Славы III степени Айзатуллов Альфрид Иванович, отдавший этим краям 5 лет жизни:

Айзатуллов Альфрид Иванович

В 1972 году, в апреле, я прибыл на Новую Землю. Только что Москва проводила вешним солнцем, теплом, первой зеленью, а ты уже выходишь в северном аэропорту, утонувшем в снегу. И местные пушистые здоровые собаки встречают и провожают самолёты. Большой посёлок Рогачево, освистанный пургой и продубленный морозами на берегу Баренцева моря. В 14 километрах от него посёлок Белушка встречает, обжигая скулы, позёмкой. Сугробы на уровне крыш.

Больше всего поражает в Арктике простор, распахнутость пространства. В средней полосе первыми весной прилетают грачи, а здесь – кругленькие беленькие птички пуночки. Сначала они появляются поодиночке, но с каждым днём их становится всё больше. Они стайками вьются возле домов, ищут, чем бы подкормиться. В начале мая может начаться жёсткая пурга и принести пуночкам беду. В такую пору мы находили возле своих домов мёртвых птиц. Трудно быть первым в этих краях.

С появлением проталин прилетают кулики и чайки, поморники и трясогузки, делают гнёзда прямо под ногами на тропе человека. Остров на глазах оживает. На морской лёд там и сям высыпают нерпы. В середине мая потянулись гуси. Они пролетают низко над землёй с юга на север, как правило, в густом тумане. Весной здесь всегда туманы. В конце сентября они улетают. С океанского простора подходят белые медведи, посещают посёлки.

Однажды медведь даже поднимался по трапу корабля, на котором мы уходили в Мурманск…

На буровых иногда случались аварии, – ломались долотья, и их надо было вылавливать из скважины. При цементировании обсадной трубы, бывало, повреждалась сама труба, а то при подъёме роняли и вышку.

По каждому случаю ответственным руководителям и всем причастным приходилось писать объяснительные интересующимся людям из особого отдела. Правда, объяснения принимались без видимых последствий. Скорее всего, накапливалась критическая масса.

Аварии устранялись собственными силами, упущенное время навёрстывалось. Однажды вообще сгорела буровая вышка.

Вот как описывает последствия Иван Титович Лебедев:

В аэропорту нас встретил вице-адмирал, поздоровался за руку. Обычно приветливый, на этот раз был бледен и строг. Он нам сказал, что хотя установка и сгорела, но срока ввода скважины переносить не будет. В готовности был вертолёт и два военных следователя – просчитывались все варианты, в том числе и диверсия. Облетели площадку буровой, она выглядела чёрным пятном среди снегов, мачта была наклонена. Позже узнали, что буровой мастер, увидев вертолёт, решил, что это за ним, и убежал в тундру. Хотя куда там убежишь?

Что касается пожара на буровой, то, как рассказал А.А. Беликов, к ситуации подключился сам Я.А. Кузнецов. Он где-то срочно нашёл старую буровую вышку, её привезли, довели до ума за две недели и установили. Иногда для выяснения причин технических сбоев приходилось спускаться в трубу, что было грубым нарушением техники безопасности и создавало угрозу жизни.

Вот как описывает этот беспримерный факт и другие перипетии, возникавшие по ходу работ на буровой, Николай Фёдорович Ерин, в то время бурильщик на 5-м участке:

При цементировании колонны на Ю-5 она была смята. Пришлось откачивать раствор и опускать для обследования и выяснения всех обстоятельств отважных и рискованных

Ерин Николай Фёдорович

работников. Это были Беликов Александр Александрович и Хворостян Николай Николаевич.

Ответственность за их жизни брали молодые бурильщики Сатуев и я. Тогда нужно было выполнить задание, и никто не задумывался над последствиями при отрицательном исходе данного мероприятия.

За время подготовки скважины Ю-5, бывало, горели, ликвидировали три аварии при бурении и одну при снятии колонны. Перетащили тысячи тонн цемента и ЖРК (железорудный концентрат – забивочный материал). При подъёме вышки из-за неопытности механика-водителя чуть было не уронили её, разворотив при этом крепление одной ноги. Спасали в зимнее время жизнедеятельность посёлка при выходе из строя водяного насоса.

Каждый прожитый день приносил и тревоги, и радость. Всё это могли выдержать только здоровые и телом, и душой люди.

Венцом трудов на каждой скважине было успешное проведение испытаний. Прибывала Государственная комиссия, неизменным председателем которой был Георгий Александрович Цырков – начальник 5-го оружейного главка Минсредмаша (разработка и испытание ядерных боеприпасов).

Как говорят участники испытаний, человек необыкновенного обаяния и эрудиции. Видный учёный в области прикладной газодинамики, доктор технических наук, лауреат Ленинской и двух Сталинских премий, Герой Социалистического Труда.

Как член Государственной комиссии всегда участвовал в испытаниях М.Д. Леонов, входя в группу повышенного риска.

Александр Александрович Беликов о завершающих операциях перед взрывом рассказывает:

Хорошо помню, как выкатили из ангара на тележке бомбу, похожую на обычную торпеду. Её собирали разработчики, заходя в ангар на 20–30 минут. Однажды, когда спускали бомбу в ствол, на самом последнем стыке сорвалась резьба, и лопнул один из кабелей. Но всё исправили, и изделие мощностью более 100 Кт подорвали.

После проверки готовности объекта там оставались команда испытателей и члены Государственной комиссии. На подстраховке находились вездеходы с заведёнными моторами и вертолёт. Весь остальной личный состав полигона эвакуировался на теплоходе на противоположную сторону острова – в Карское море.

Такой порядок стал следствием самой крупной на Арктическом полигоне нестандартной радиационной ситуации (НРС) 14 октября 1969 года. Тогда, после подземного взрыва, через разлом в породе на поверхность вырвалась струя радиоактивного газа и пара. Уровень гамма-излучения подскочил до нескольких сотен рентген/час. Более сорока минут под его воздействием находилось 344 человека персонала, 80 человек из которых получили разовую дозу более 40 рентген.

После этого была разработана новая инструкция – по принципу «Пока гром не грянет».

По новому порядку через 5–6 суток проводился облёт участка на вертолётах. Земля была неузнаваема. Где было озеро – возвышается сопка, а где была сопка – организовалось озеро. И запах сероводорода долго преследовал людей. Геологи считали это результатом разложения пирита, которого было много в залегающих породах.

Ценные воспоминания, ярко рисующие то время, оставил Александр Николаевич Чумаков, тогда бурильщик 7-го разряда, переведённый на Новую Землю с Семипалатинского полигона, с которым мы там уже встречались:

Начальником участка № 5 на Новой Земле тогда был Кравцов, с которым осталось как-то мало ассоциаций. А вот главный

инженер участка А.А. Беликов – человек запоминающийся, широкой души, общительный, творческий, самобытный. Он нестандартно мыслил, вечно что-то изобретал. И теперь, спустя годы, особенно хорошо понимаю – мне крупно повезло, что в молодости довелось поработать под его руководством. Повезло и с доставшейся мне бригадой, в которой все без исключения были трудолюбивые и отличные специалисты. Но особенно в ней выделялись два старших помбура.

Один из них – рассудительный, жизнерадостный, с тонким чувством юмора М.И. Симаков. Другой – тоже юморист, никогда не унывающий, прикольный Виктор Попугаев.

Симаков был постарше нас, к тому времени уже окончил технический институт, являлся парторгом на участке и занимал активную жизненную позицию. Жаркие и продолжительные дискуссии с этим заядлым собеседником были для меня особенно ценными.

В последующем именно он и А.А. Беликов дадут мне рекомендацию в партию, когда я решу поступать учиться на философский факультет МГУ.

Запомнилась здоровая атмосфера в целом на участке, когда работалось легко и с огоньком, что, несомненно, было результатом умелого руководства со стороны многоопытного и доброжелательного Сан Саныча (так мы звали А.А. Беликова).

Не было недостатка внимания и со стороны руководства МСУ-24. Часто приезжали А.Г. Харыбин, В.П. Коротков, М.Д. Леонов, так что заброшенности или оторванности от Большой Земли не чувствовалось.

Суровые условия Крайнего Севера, где высоко ценятся сплочённость и взаимовыручка, накладывают особую печать на человеческие отношения.

Как-то особенно отложилось в памяти зимнее ненастье и поездки на буровую – на смену и обратно. В это время обычно постоянно дует ветер, как в аэродинамической трубе, усиливая и без того не слабые морозы. Зачастую он перерастает в вариант, когда надолго перестают летать вертолёты, связь с Большой Землёй обрывается. Дорогу найти при такой

погоде, когда любые следы или колею заметает в считанные минуты, можно только каким-то чутьём.

Таким чутьём как раз и обладал немногословный, но весьма проницательный Виктор Харобин, возивший нас на грузовом «Урале», крытом брезентом, а в особо сложных условиях на танкетке – вездеходе на гусеничном ходу.

Было немало и экстремальных эпизодов, иногда на грани фола. Так, однажды ясным зимним утром, когда на буровой заканчивалась очередная смена, в отдалении на побережье показались два белых медведя. Они приблизились к буровой, и стало видно, что это медведица с великовозрастным медвежонком, который был немногим меньше матери. В то время, когда медведица пошла в сторону моря, медвежонок был от буровой на расстоянии метров 150–200.

Желая покормить его, мы с В. Попугаевым взяли рыбу и, подойдя к медведю метров на 40, бросили её в его строну. Однако, того заинтересовала не рыба, а мы. И он, ускоряя ход, пошёл в нашу сторону. Мы бросились убегать…

Быть может, пар из проходившей неподалёку паровой трубы, расстилавшийся над землёй, остановил медведя. Добежав до него, он встал на задние лапы.

На мой вопрос Попугаеву, когда мы отдышались: «Почему он, ничего не сказав, рванулся убегать первым?», Виктор, в привычной для него манере, не задумываясь, парировал: «Санёк, я побежал за ломом»…

Получив закалку севером, люди обычно по-другому воспринимают перипетии обыденной жизни. С юмором, а то и с иронией относятся к непрофессиональным суждениям.

Здесь мы должны сказать, что Александр Николаевич Чумаков ко всем своим талантам обладает поэтическим даром и в молодые годы писал стихи. Читайте их в его воспоминаниях о полярной одиссее. Приведём лишь несколько строчек из стихотворения, родившегося экспромтом в самолёте, при возвращении с Новой Земли, как ироничный ответ на публикацию в свежей центральной газете девушки-корреспондентки, побывавшей

на нефтепромысле и захлёбывающейся от романтического восторга от работы на буровой:

Городов немаленьких коренные жители
Весело проводите вы в барах вечера.
Так чего ж трезвоните, как колокол в обители,
И сыплете романтикой, ну прям из-под пера?!
Эх, корреспондентки! Вас бы в буровую,
Да сменить бы парочку роторных валов…
Вот тогда б запели вы песенку иную
И вышибли б романтику из своих голов!

4. Северный полигон – 35 лет работы

Главный, многомегатонный заряд, был подорван в 1973 году в сверхглубокой скважине (2000 метров) большого диаметра. Его мощность найти не удалось. Известно только, что она уступала лишь чудовищной «кузькиной матери». Наблюдательный пункт был удалён на 10 километров. Окрестный ландшафт претерпел кардинальные изменения. Очевидцы рассказывают – грохнуло, так грохнуло!

В 1974 году провели испытания на Ю-6, а в 1975 на Ю-5 подорвали «гирлянду» из 2-х зарядов одновременно со взрывом на Ю-7. Интервал между взрывами составлял сотые доли секунды, вконец запутывая американцев, но позволяя установленными приборами снимать необходимые параметры с каждого заряда.

Такие фокусы подвигли наших противников к заключению Международного договора об ограничении мощности подземных испытаний мощностью 150 Кт. Замечено, что они всегда становятся сговорчивыми, когда чувствуют своё бессилие.

МСУ-24 с честью выполнило поставленную задачу. Начальник управления М.Д. Леонов на всех испытаниях был членом Госкомиссии, награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Последний подземный ядерный взрыв прогремел на Ново-Земельском полигоне 24 октября 1990 года.

Отработав 35 лет, Северный полигон оказался гораздо менее загрязнённым радиоактивными осадками, чем Семипалатинский, хотя совокупная мощность энерговыделения была на порядок больше.

Это объясняется высокой долей термоядерности (97%), когда смертоносных для всего живого продуктов распада – цезия-137 и стронция-90 – выделяется намного меньше, чем в плутониевой или урановой бомбе. При подземных испытаниях из 39 взрывов лишь в двух случаях наблюдался НРС – выход на поверхность радиоактивных продуктов и только в виде газов и пара.

С 1990 года полигон молчит, но это не значит, что он закрыт. В феврале 1992 года указом Президента он определён как Центральный полигон Российской Федерации. С 1996 года в соответствии с договором, подписанным 5 ведущими ядерными державами, прекращены испытания ядерного оружия во всех средах. Но необходимо отслеживать состояние ядерных зарядов, стоящих на вооружении армии и флота, вести научно-исследовательские работы в этой сфере.

Поэтому единственный в России ядерный полигон функционирует. В оставшихся неиспользованными штольнях с макетами ядерных зарядов проводятся гидродинамические или подкритические опыты.

Метод невзрывных цепных реакций, разработанный академиком Ю.Б. Харитоном, способствует поддержанию российского ядерного арсенала в надёжном и безопасном состоянии.

В декабре 1995 года на Центральном полигоне были проведены первые неядерно-взрывные эксперименты. Ядерный боеприпас – живой организм. Процессы, протекающие внутри, требуют постоянного контроля. Помимо старения и изменения свойств самого ядерного материала, надо также следить за механическими и электронными узлами изделия.

Разработанная технология подкритического эксперимента позволяет с помощью быстродействующих ЭВМ моделировать протекание взрывных процессов и оценивать мощность заряда.

Так действуют и Соединённые Штаты, хотя там и не исключают возможности возобновления реальных испытаний. Не случайно договор от 1996 года ими не ратифицирован. А найти

политический предлог, чтобы выйти из него, для этих виртуозов двойных стандартов труда не составит.

Сейчас они полным ходом ведут исследовательские работы по конструированию 4-го поколения мини-зарядов мощностью до 100 тонн тротилового эквивалента для боеголовок своих противоракет в рамках создаваемой системы противоракетной обороны (ПРО).

Эксперты считают, что оснащение противоракет такими зарядами (сегодня расчёт на прямое попадание) многократно повысит эффективность перехвата баллистических ракет, обесценивая таким образом российский потенциал ответного удара, и создавая иллюзию успешности «обезоруживающего глобального удара» по России тысячами высокоточных крылатых ракет.

Для надёжности теоретических расчётов им необходимо провести серию реальных взрывов.

В этих условиях Россия должна быть готова к любым поворотам, поддерживая базовый потенциал для возможного возобновления испытаний новых образцов ядерного оружия на случай выхода РФ из договора. В том числе и зарядов для войск ВКО (воздушно-космической обороны) для надёжного уничтожения баллистических целей.

Столица полигона – Белушья Губа сегодня не выглядит заброшенной. Чистенькие, отделанные цветным металлическим сайдингом дома яркими пятнами возвышаются над серо-чёрной и хмурой тундрой.

В посёлке функционирует школа на 580 учащихся, детский садик, спорткомбинат с плавательным бассейном. В магазинах военторга – свежие овощи и фрукты, цены не намного выше московских. Действует спутниковое телевидение, телефоны в квартирах подключены к интернету.

Ядерный щит России снова начищен.

5. Забурились в вечную мерзлоту

Помимо участия в подземных испытаниях на Новой Земле, Трест «Гидромонтаж» отметился на ещё более северных островах – Земле Франца-Иосифа.

Ранней весной 1976 года перед начальником треста Я.А. Кузнецовым поставили задачу – за период летней навигации (5–6 месяцев) на одном из островов Земли Франца Иосифа, на берегу Ледовитого океана, выполнить работы под свайное основание радиолокационных антенн и жилых строений в вечной мерзлоте.

Это предполагало бурение 1000 скважин для установки в них опор длиной до 10 метров и диаметром 300–600 мм. До материка 1500 километров, связь по морю через ледяные поля.

Земля Франца-Иосифа – самый северный форпост России на подступах к полюсу – здесь до него всего 900 километров. Это скопление около 300 островов общей площадью 16 тысяч квадратных километров, покрытых куполообразными ледниками до 400–600 метров.

Отсюда уходили к «пупу земли» отважные русские полярники, здесь находится так и не найденная могила Георгия Седова, похороненного в 1913 году матросами его шхуны «Святой Фока» где-то на острове Рудольфа.

С оборудованного здесь в начале 50-х аэродрома «подскока», дозаправив баки, готовы были через полюс достать супостата для удара возмездия экипажи наших бомбардировщиков. Сегодня Россия снова твёрдой ногой становится в Арктике, недвусмысленно показывая, что её фасад, выходящий к Ледовитому океану – неприкосновенная её часть.

Строить РЛС предполагалось на самом восточном острове Грэм-Белл. Для размещения прибывающих людей в предыдущую навигацию были доставлены и собраны военными строителями сборные щитовые казармы с котельной, кухней, столовой, построена баня. Приезжай, живи, приступай к работе.

МСУ-24 организует прорабство, руководителем которого назначается Александр Фёдорович Дорогань, опытный бурильщик, к тому времени дипломированный инженер, начальник сметно-договорного отдела управления. Ему поручается набрать людей – 12 человек, по формуле «бери кого хочешь, и всё, что посчитаешь нужным». Команда добровольцев быстро формируется.

Дороганъ Александр Фёдорович

В кратчайшие сроки – каждый день дорог, отобраны шесть буровых станков с полным комплектом оборудования, запасные части, измерительные приборы и материалы, спецодежда.

Экспедиция из тринадцати человек в сопровождении специальных контейнеров отбывает в Североморск. В начале мая всё хозяйство погружается на корабль ледокольного типа «Павел Пономарёв» и отправляется в глубины Арктики. Но у этой дамы – крутой и непредсказуемый характер. Ушедшие по тому же маршруту двумя днями ранее атомный ледокол «Ленин» и дизель-электроход «Лена» останавливаются, затёртые льдами.

На выручку идут два дизельных ледокола – «Москва» и «Киев». Встретившись в открытом море, экспедиция буровиков перемещается на один из них и благополучно, через 6 суток после выхода из Мурманска, прибывает к месту назначения. Попавшие в ледовый плен суда, используя взрывчатку для обкалывания льда и подвижки ледяных полей, вырываются на чистую воду – ничего экстраординарного, будни арктической навигации.

От места выгрузки до жилья и строительной площадки добирались на вездеходах 20 километров. Далее рассказ А.Ф. Дороганя:

По прибытии к месту работ произошёл забавный случай. Начальник стройки от генподрядчика Г.И. Белоцкий говорит: «Вот здесь мы и будем жить»… Мы с удивлением смотрим – вокруг ровное снежное поле, только невдалеке из снега, на высоту примерно метра, торчит труба. Увидев нашу озабоченность, успокоил: «Это труба нашей котельной, а сам дом примерно под нами».

Спрашиваем: «А какая высота трубы?» – «Восемь метров». Вот тогда до нас дошло, куда спряталось наше жильё…

Работы начали с самого большого здания, так как сооружение свайного основания – несколько сот свай – задерживало другие монтажные работы по его строительству.

Подведя итоги трудовой недели, когда мы задействовали максимальное количество буровых станков от одной электростанции, и, зная задачи, я составил план и вынес его на суд трудового коллектива.

Предложенный мною график не вписывался в трудовой кодекс, но давал возможность до сентября, с отклонением в 10 суток в обе стороны, выполнить предстоящий объём работ. Главным и решающим условием была круглосуточная работа с продолжительностью смены в 12 часов с одним часовым перерывом для принятия пищи и одним выходным в неделю для личных нужд.

Этому в большой мере способствовал круглосуточный световой день. Температура воздуха примерно одинаковая в течение суток: +2, +4 градуса. Наибольшую озабоченность вызывали туманы и отдельные снежные заряды.

Туман представлял собой спустившееся на землю облако, когда стоящий человек не видит своих ног, а вытянутая вперёд рука видна не дальше локтя. При снежных зарядах картина такая же – сплошная стена снега и ничего не видно. Выход здесь единственный – прекратить работу и находиться на том месте, где тебя застала непогода. Природный катаклизм будет продолжаться 10–20 минут.

Установленный нами режим работы до её окончания ничем нарушен не был. Волны отечественных радиостанций к нам доходили с большими помехами – этому способствовала работа наших радиолокационных станций. Более слышны были «вражеские» голоса США и Канады. Смотрели кино, любимыми лентами были «Адъютант его превосходительства» и «Алые маки Иссык-Куля».

Отстрел медведей категорически запрещён, так что ходили они вокруг нас целыми семьями, не боясь, что кто-то их тронет, разве что за исключением собак. Но от них медведи защищаться умели. Хотелось бы рассказать об одном необычном случае.

Был рабочий день, тихий и солнечный. И вдруг кто-то кричит: «Посмотрите туда!» Со стороны аэродрома по полосе прилива от океана едет наша машина, а за ней довольно резво бежит медведь. Метров за 350–400 машина поворачивает в нашу сторону и идёт на подъём, и теперь медведя не видно – заслоняет машина. Но так как его больше нигде нет, следовательно, продолжает бежать за машиной.

Раньше мы ничего подобного не видели. Машина подъезжает к нам, останавливается, из кабины выходит Володя Устинов – механик генподрядчика, наш хороший товарищ, и говорит: «Ребята, принимайте транспортное средство в одну медвежью силу!»

Мы к машине, и что видим? За машиной, привязанный за фаркоп силовым кабелем за шею, высунув язык, лежит медведь. Приморился, бедняга! Отдохнул маленько, встал и лёгким кивком головы оборвал трёхжильный силовой кабель, как гнилой пеньковый канат. Не спеша, вразвалку, пошёл своей дорогой. А то и правда ещё заставят воду возить из океана на буровую.

Во всей этой истории без ответа остался один вопрос – как «воины» на аэродроме умудрились на шею медведю петлю надеть?

Вообще-то, белые медведи людей не боятся. У нас были случаи, когда солдаты лежащего медведя дёргали за хвостик. Никакой агрессии при этом он не проявлял – повернёт только голову и смотрит, кто, мол, там меня трогает?

К началу сентября возложенные работы были выполнены. За это время – считайте, летний период – никто так и не снял с себя телогрейку, шапку-ушанку, да и валенки на сапоги не сменил.

Обратный путь до Мурманска проделали на знаменитом арктическом корабле «Обь», известном своими походами в далёкие южные широты в Антарктиду, о чём напоминали чучела королевских пингвинов, установленные в кают-компании.

Глава XVII
«НЕ КОЧЕГАРЫ МЫ, НЕ ПЛОТНИКИ…»

1. Высотный монтаж как высший пилотаж

В Тресте «Гидромонтаж», помимо работ под водой, связанных порой с риском, было ещё несколько монтажно-строительных управлений, где работы велись в иной стихии – на высоте, что тоже предполагало известную долю опасности.

Они были обусловлены механо-монтажом оборудования и конструкций на крупных химических установках, обогатительных урановых фабриках, гигантских роторных экскаваторах и монтаже металлоконструкций промкорпусов, требовавшего, помимо уникальных строительных кранов, применения вертолётов.

Высотный монтаж на строительстве авиационного комплекса в г. Ульяновске

Высотным монтажом в тресте занимались МСУ-29 в Степногорске на Целинном горно-химическом комбинате, МСУ-14 и МСУ-62, созданные специально на период строительства Ульяновского авиационного промышленного комплекса, а также одно из старейших монтажных управлений такого рода – МСУ-26, проводившее комплекс работ на Мангышлаке.

Монтажник-высотник, так же как и водолаз – человек особого склада. Не каждому подобные занятия по плечу.

Для отбора людей в профессии повышенного риска существуют отработанные методики и психологические тесты. Тот, кто страдает клаустрофобией (боязнью замкнутого пространства), вряд ли может стать водолазом. А человек, боящийся высоты до дрожи всего организма – верхолазом.

В то же время мы видим людей, идущих по канату, натянутому между двумя небоскрёбами, без страховки. Сказать, что они не испытывают страха, вряд ли верно. Естественный инстинкт самосохранения присущ здоровой психике. Вопрос в том, какую он вызывает реакцию в организме.

Оказывается, люди делятся на несколько групп. Одни при угрозе жизни сохраняют ясность мышления и способность к действию. Другие полностью теряют над собой контроль, их мышечные реакции резко снижаются. А третьи, их намного меньше, получая в кровь выброс адреналина, многократно умножают свои возможности и в мышлении, и в двигательных реакциях. И ставят рекорды, о которых в нормальных условиях и мечтать не могли.

Путём системных тренировок можно перебраться из группы в группу, но никогда через одну. Поэтому люди, уверенно чувствующие себя в профессиях повышенного риска, вызывают у обычных индивидуумов (как сейчас говорят, «ботаников») некоторую оторопь пополам с восторгом и признанием их превосходства. И восторженную зависть мальчишек, рвущихся себя испытать.

Сильным примером высотного монтажа стали работы, проведённые 8 июня 1987 года на инженерном корпусе Ульяновского авиационно-промышленного комплекса с помощью вертолёта

МИ-10 в качестве подъёмного средства. Монтаж декоративной структурной капсулы, представлявшей собой стальную решётчатую башню, несшую и функциональную нагрузку, проводился на отметке 76,3 метра. Верх конструкции – отметка 100 метров. Выполнял работы участок № 4 МСУ-62 – начальник участка П.К. Столяров, бригадир А.Н. Клюев.

Весь монтаж, разбитый в соответствии с ППР (проектом производства работ) на этапы, занял всего полтора часа ювелирной работы вертолётчиков и монтажников С.А. Костенева, электросварщиков А.Е. Щербакова, Н.А. Адакина, М.М. Горохова. Но подготовка, выверочный монтаж на земле, расчёт времени, подбор инструментов, системы страховки заняли немало времени.

Детали самой конструкции изготовили на Опытном заводе, и прибывшие заводчане участвовали в контрольной сборке. Этот безупречный монтаж – одна из славных вех в истории треста. Тогда могли и такое!

Поговорим подробнее о МСУ-26 (п/я 19), которое было образовано в составе Треста «Гидромонтаж» приказом министерства в октябре 1960 года[1], в связи с разворотом новой гигантской стройки в Казахстане на полуострове Мангышлак.

К жизни её вызвало открытие геологами в середине 50-х богатых залежей урановой руды, неглубоко от поверхности и потому пригодных для разработки более дешёвым и безопасным открытым способом.

Ещё раньше там нашли нефть и уже начали её добывать. Кроме того, обнаружили фосфаты, медь, марганец, редкие руды. Богатейшая природная кладовая!

Чтобы всё это поднять, необходимо создать на голом месте, в сложных климатических условиях, в отрыве от промышленных центров развитую транспортную сеть, энергетику, решить проблему пресной воды.

Постановлением правительства в конце 50-х создаются Прикаспийский горно-металлургический комбинат (ПГМК)

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 398. Д. 13. Л. 1.

и Прикаспийское управление строительством (ПУС). Всё по схеме, успешно обкатанной в Минсредмаше.

Учитывая первоочередную важность скорейшего получения урана, разворачивающееся строительство курирует лично министр Е.П. Славский.

Это третий год, как он возглавляет Минсредмаш. Привыкают к его стилю – ежемесячному обходу строящихся объектов и общению не только с начальством, но и с бригадирами, которых он знает в лицо и собирает отдельно, без свидетелей, в своём домике для откровенного и раскрепощённого разговора.

Иногда угощает рюмочкой коньяка под местные фрукты. Такое общение позволяет ему видеть подлинную картину, без всякой лакировки и, что очень важно, чувствовать истинное настроение людей. Как такого можно обмануть или, как говаривал Остап Бендер – «забить баки»?

Мангышлак встретил активность строителей неласково. Ровная степь, покрытая верблюжьей колючкой и саксаулом. В летнюю пору – иссушающий зной (до +45 по Цельсию), пыльные бури, безводье – рыжая полусолёная вода. Зимой – холодные ветра и вьюги.

Прибывающих людей расселяли в вагончиках, щитовых бараках и даже землянках. Кроме вольнонаёмных, значительный контингент составляли военные строители и заключённые.

Предстояло, помимо подготовительных работ на урановых карьерах, построить морской порт, с причалами, способный принимать суда со строительной техникой, материалами, горючим, пресной водой, подтянуть за 300 километров железную дорогу, построить аэропорт, опреснители морской воды, открыть карьеры для добычи инертных строительных материалов и начать разработку в близких меловых горах камня-ракушечника, прекрасного стенового материала. Из такого в XIX веке была великолепно застроена Одесса.

К первоочерёдным объектам отнесли строительство ТЭЦ-1, водовод от Аму-Дарьи в Новый Узень, базу стройиндустрии, ремонтно-машиностроительный завод, с тем, чтобы сложную и габаритную технику обслуживать на месте, а многое из оборудования не возить через всю страну, а производить самим.

Россия делает сама – это как раз тот подход, которого не хватает нам сейчас: «Чего нет – купим за нефтедоллары». А это верная дорожка в третий мир, к деградации промышленной культуры.

На стройках действовали участки МСУ-26 – на пике работ до 7. На них трудились 1289 человек (в том числе 442 по вольному найму, 481 – военные строители и 225 – рабочие спецконтингента).

Прибыли ленинградские проектировщики, которые, как и в Навои, и Зарафшане, создадут прекрасный город в пустыне, где будет возведён миллион квадратных метров благоустроенного жилья в окружении рукотворной зелени, широкие проспекты, фонтаны и площади, дворцы культуры и спорта, школы и детские садики. Их труд будет заслуженно отмечен Государственной премией СССР.

2. Мангышлак – мираж пустыни, ставший явью

В конце сентября 1960 года самолётом на площадку в Актау прибыла группа молодых ребят-монтажников, выпускников учебного комбината в Новосибирске, с квалификацией монтажника-высотника по монтажу металлоконструкций.

Среди них самый молодой, 18-летний Николай Глебов – будущий прославленный бригадир, заслуженный ветеран треста, отметившийся на всех его «горячих точках» и удостоенный многих званий и высших государственных наград (орденов Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, лауреата премии Совета Министров СССР и т.д.).

Но это будет потом, а пока они даже толком не понимали, куда забросила их судьба. Знали только, что это секретное место, так как недавно дали подписку о неразглашении государственной тайны. О впечатлениях от знакомства с Актау рассказывает Н.Т. Глебов:

Приземлились на грунтовый аэродром. После того как тучи пыли и песка осели, мы вышли из самолёта, и нам сказали, что мы прибыли в Актау на работу и постоянное место жительства.

Осмотревшись, увидели городок, состоящий из множества больших палаток и вагончиков на колёсах. Хотя был сентябрь, стояла нестерпимая жара, дул сильный ветер, по глазам хлестал песок, было трудно дышать.

Пройдя метров 150, увидели длинные деревянные бараки, а у берега моря, в скалах из ракушечника – семейные землянки. В одном из бараков располагалось наше управление п/я 19.

В кабинете отдела кадров стоял на столе графин с какой-то коричневатой жидкостью. Очень хотелось пить, и я, подумав, что это квас, попросил разрешения попить. Хозяин кабинета улыбнулся и сказал: «Пейте, сколько хотите». Налив стакан, я с жадностью выпил и подумал, что меня здесь хотят отравить – жидкость была горьковато-солёной. Это была мангышлакская вода.

Оформив все документы, мы получили направление на жильё в передвижной вагончик на колёсах, в каждой половине которого жили по четыре человека. На случай зимы в центре стояла топка под уголь, а над нею – бак для воды, от которого шёл шланг к умывальнику.

Так как вагончик был на колёсах и от земли довольно высоко, мы были избавлены от незваных посетителей, которые часто навещали живущих в землянках и палатках – змеи, фаланги, скорпионы и всякая пустынная гадость, к которой привыкать страшновато. Если ветер дул со стороны пустыни, то начиналась пышущая жаром песчаная буря. В это время ходили и работали в респираторах. Если же ветер поворачивал с моря, то шла прохлада и запах водорослей, и у всех сразу же поднималось настроение.

Весной – самый красивый период, когда с конца марта до середины апреля пустыня покрывается дикими тюльпанами.

Начальником п/я 19 в то время был Карасёв, а главным инженером – Зельбершмидт. На рабочем месте меня встретили механик В.М. Русачков и прораб Папин Николай Алексеевич – небольшого роста человек, с горбом, но большого ума, талантливый инженер и добрый руководитель. Я много лет проработал под его руководством и многому у него научился. Он научил меня искусству любого монтажа. А читать чертежи и разбираться в проектах впоследствии учил меня начальник участка Алексей Иванович Степанов.

Первой работой на Мангышлаке, где пришлось участвовать, было строительство порта с причалами. Там раскручивали свёрнутые в рулоны листы металла и монтировали огромные ёмкости под бензин и солярку. Были установлены два резервуара по 1000 кубов, два по 800 и два по 300, в которые перекачивались с танкеров мазут, солярка и бензин.

Недалеко от Морпорта построили первую ТЭЦ, небольшой опреснитель и провели воду и тепло к посёлку Актау.

Дольше всех, до конца 70-х, начальником МСУ-26 был Николай Фёдорович Яременко, оставивший о себе добрую память у всех, кто с ним работал. Это был спокойный, уравновешенный человек, хороший организатор, грамотный инженер, всегда внимательный к людям и к их нуждам. Главные инженеры периодически менялись, а Яременко начальство не отпускало – трудно было подобрать замену. А всё новые и новые задачи требовали немедленных решений.

И это не было прихотью ни Я.А. Кузнецова, ни Главка. В сложном коллективе, где наряду с кадровыми рабочими трудились и солдаты из военно-строительного отряда, и заключённые со своим специфическим отношением к жизни, не наблюдалось за всё время каких-то серьёзных противоречий и раздоров. Коллектив был всегда нацелен на работу. Это дорогого стоило – работы выполнялись сложные. Как всегда, давили сроки.

В одном случае, при восстановлении аварийного экскаваторного комплекса ЮГ-2, авральные работы с круглосуточным посменным режимом затянулись на 9 месяцев.

Для разработки пласта урановой руды необходимо до него добраться – провести вскрышные работы глубиной до 80–120 метров. Имевшиеся шагающие экскаваторы с производительностью до 1000 кубометров в час могли надолго затянуть подготовительный период, а руда нужна сегодня.

Требовались иные масштабы и технологии. Лучше всего подходила роторная экскавация с гигантской производительностью

и способностью перевалки породы по транспортёрам за километры от карьера. В мире такие технологии существовали, но в СССР подобные машины не выпускались. Обратились к немцам из ГДР. Эти прирождённые механики-умельцы с задачей справились.

Так на Мангышлаке появился роторный экскаваторный комплекс ЮГ-2. Это целый самодвижущийся завод на гусеничном ходу весом 2,5 тысячи тонн, высотой 50 и размахом роторной стрелы 200 метров, способный вскрывать породу на всю глубину до 120 метров и переваливать её за 1000 метров. Завезли две таких машины, которые предстояло вместе с немцами собрать и запустить в дело.

Работу с этим оборудованием доверили МСУ-26, где сформировали монтажный участок № 5. Его начальником был В.А. Ковальчук, прорабом В. Лидовский, бригадирами Фаизов и Родниченко.

Они справились, роторные комплексы работали исправно, пока в 1975-м на урановом карьере не случилась крупная авария – лопнул сварной стык в соединении роторной и балластной стрелы. Металлоконструкции пилона упали с высоты 40 метров, превратив красавец-экскаватор в груду металлолома. Невредимой осталась только ходовая часть.

Надо было восстанавливать, так как прекратилась добыча руды, а недруги придали сему факту политическое звучание. Иностранные СМИ, радиостанция «Свобода» каждый день трезвонили, что «восточные немцы» утратили навыки, поставили некачественное изделие, которое, в итоге, разрушено и восстановлению не подлежит. А в СССР сорвано производство урана. Атомная промышленность встала. В министерстве решили поручить восстановление комплекса МСУ-26, в частности, бригаде Глебова и прорабу Панову.

Рассказывает Николай Тимофеевич Глебов:

Основную работу вели члены нашей бригады в количестве 15 человек и клепальщики со всего треста – ещё 90 монтажников (отдел кадров разыскивал по всему Союзу специалистов по клёпке). Бригада из 105 человек была разделена на 3 рабочих смены, работа велась круглосуточно. Мне, как бригадиру, приходилось спать по 3–4 часа в сутки. Почти в таком же режиме работал директор Прикаспийского горно-металлургического комбината Ю.А. Корейшо. Большую помощь оказывал Я.А. Кузнецов, который неделями не покидал стройку. Его сменяли главный инженер С.Ф. Береснев, начальник отдела кадров Д.С. Горожанкин. Самоотверженно трудились бригадиры А. Рябчук, А.Н. Липатов, В. Рыгун, В. Самойлов.

Была большая проблема – не хватало грузоподъёмности механизмов, чтобы поднять роторную стрелу весом 600 тонн на высоту 4 метра для соединения с балансной стрелой. На весь Мангышлак был единственный 100-тонный кран. Вышли из положения так: согласно ППР синхронно должны сработать 5 разных грузоподъёмных механизмов – помимо 100-тонного крана, ещё два крана до 60 тонн каждый и два гидравлических домкрата по 300 тонн, с подкладкой шпальных клеток под них.

Сложность состояла в том, чтобы одновременно начать подъём всеми пятью механизмами и одновременно остановить их. Ошибка грозила перекосом и аварией. Подъём шёл четыре часа, руководил подъёмом я, поддерживая связь по рации со всеми пятью машинистами подъёмных механизмов. После соединения двух стрел немецкие шефы кинулись меня обнимать, целовать и хвалить за выдержку и спокойствие при руководстве работами.

Скоординированными усилиями министерства, треста, МСУ-26, руководителей комбината и труда рабочих роторный экскаватор ЮГ-2 был восстановлен и пущен в работу за 9 месяцев.

Н.Т. Глебова и директора ПГМК Ю.А. Корейшо представили к званию Героя Социалистического Труда. Но, как это бывало, в недрах бюрократического аппарата кто-то и в глаза не видевший эту уникальную машину решил, что для бригадира такая награда – слишком жирно.

Николай Тимофеевич получил другую, вторую по рангу после ордена Ленина – орден Октябрьской Революции. В придачу его премировали холодильником «Ока», который исправно служит уже пятый десяток лет.

Небольшой посёлок Актау в конце шестидесятых, для запутывания вражеской разведки, был переименован в Гурьев-20.

Вся переписка, приобретение билетов, записи в трудовую книжку шли по этому адресу. Хотя, как сегодня понятно, в условиях постоянного мониторинга территории Советского Союза со спутников, такого масштаба объекты утаить невозможно. Излишняя секретность лишь создавала дополнительные сложности самим себе. Скорее, это была инерция мышления высшего руководства страны, запущенная ещё с конца 40-х – начала 50-х, когда создавалась атомная отрасль, а космической разведки и в помине не было.

Тем временем высокими темпами строился урановый комбинат, все его переделы, атомный реактор-опреснитель на быстрых нейтронах – БН-350, серно-кислотный и азотно-туковый заводы – на местном сырье и для обеспечения технологии производства уранового концентрата.

Строился новый город Шевченко с сопутствующей коммунальной и энергетической инфраструктурой. В том числе большая «Гидропоника» по выращиванию овощей для города – четыре урожая в год.

Когда через год пришло время призыва в армию, Николай Глебов попал в военно-строительный отряд, там же на площадке, и отслужил положенные три года, не меняя специальности. Об этом позаботились кадровики, не желавшие терять специалистов, и военкомы, понимавшие специфику и интересы средмаша.

Служба в строительных частях организовывалась так, что позволяла солдатам продолжать образование.

Воспользовавшись этим, Николай Глебов закончил 11 классов вечерней школы рабочей молодежи, устранив пробел в образовании. Подобная система обучения в советское время позволяла многим молодым и не очень молодым, но способным рабочим, завершить среднее образование. А затем и техникумы, и институты. Это всячески поощрялось, к этому постоянно подталкивали.

Многие видные руководители подразделений треста, будучи уже семейными людьми, получили специальное и высшее

образование через вечернюю и заочную форму обучения без отрыва от производства.

Надев форму и пройдя за 10 дней «курс молодого бойца», Глебов вышел на прежнее рабочее место. Ему дали в бригаду ещё 15 военнослужащих, назначили командиром отделения и бригадиром смешанного коллектива вольнонаемных и военных строителей.

Нужно сказать, что такие рода войск, как железнодорожные и строительные войска, внесли огромный вклад в развитие экономики, сооружение многих уникальных и масштабных объектов, в особенности в отдалённых и труднодоступных районах страны. В то же время – это готовый мобилизационный резерв на случай особого периода, не обременявший военный бюджет.

Трест «Гидромонтаж», его подразделения всегда дружили и тесно сотрудничали с военными строителями. Их офицеры и командиры воспринимались как соратники и товарищи по общему делу, и на них распространялись блага и льготы в социальной сфере.

В Селятино с первых дней базирования там Треста «Гидромонтаж» вначале располагался отряд, а потом и полк военных строителей (до 1000 солдат и офицеров), помогавший справиться со многими проблемами при обустройстве. Для них строились благоустроенные казармы, клуб, баня и прочие объекты для комфортного отдыха, учёбы и службы. Многие ребята, отслужив срочную, оставались работать в тресте, пополняя его кадровый состав, связав с ним свою последующую жизнь.

Очередной глупостью «реформаторов» стала ликвидация в 90-х этого вида войск. Тогда гнались за численным сокращением, ненужной, как им казалось, армии, вдруг ставшей обузой.

А ведь железнодорожные и строительные войска, выполняя в отдалённых районах страны народно-хозяйственные задачи, по сути сами себя содержали, принося при этом немалый экономический эффект. Служба в них давала молодым людям надёжную профессию, играла немалую воспитательную роль.

3. Задачи трудные. Контингент разный

По соседству с урановыми карьерами, где трудились роторные экскаваторы, начали строить обогатительную фабрику и гидрометаллургический завод (ГМЗ) – завершённый цикл производства концентрата природного урана-238, направляемого затем на заводы по получению чистого, высокообогащённого урана для оружейников (урана-235) и слабообогащённого для энергетиков (ТВЭЛов). А это шаровые мельницы, промывочные циклоны, мостовые краны до 50 тонн грузоподъёмности, ленточные транспортёры. Всё это надо монтировать, иногда на высоте.

Производство на ГМЗ связано не только с повышенной радиоактивностью, но и с выбросами вредных веществ – кислоты, аммиака, углекислого, азотно-сернистого газа. Работать там приходилось в противогазах, но бывали нередко и случаи отравления.

Бригады МСУ-26 работали на монтаже высотных конструкций обогатительной фабрики, телевышек до 130 метров, перекрытий стальными фермами многих городских объектов, конструкций серно-кислотного завода.

Однажды из-за задержки поставок конструкций случилось отставание на строительстве серно-кислотного завода. Дело было зимой, министерство требовало отставание наверстать.

Об этом аврале вспоминает Н.Т. Глебов:

Приехал начальник треста Я.А. Кузнецов и вместе с Н.Ф. Яременко организовал «продлёнку». Помню, как он ходил с монтажными ключами и помогал обтягивать болты задвижек, а мы устанавливали фермы на высоте 30 метров в сильный ветер. Времени ждать нет, нужно работать при любой погоде. Монтажники одеты в спецодежду, валенки, тёплые подшлемники, дублёнки, ватные штаны, тёплые шерстяные перчатки – это заслуга Кузнецова.

И вот в таком одеянии мы находимся наверху 30–40 минут. У меня в паре был хороший, смелый монтажник Александр Иванович Чумаков. Он мне кричит: «Если ты через пять минут не дашь команду спускаться, то я потеряю сознание от холода и повисну на монтажном ремне».

Приходилось слушаться и спускаться вниз. Вместо нас заходило другое звено монтажников, а нас в бытовки. И хотите верьте, хотите нет, – но в то время было так: главный инженер МСУ-26 Ковальчук Владимир Андреевич наливал по 50 грамм чистого спирта, который закусывали колбасой, икрой и другими бутербродами, пили горячий чай.

От спирта, чая, тепла буржуйки тепло расходилось по телу, поднималось настроение, и снова за работу, наверх.

И так по 10–12 часов, в холод и ветер, мы монтировали по 50–100 тонн металлоконструкций и оборудования. Серно-кислотный завод сдали в срок.

Следует сказать о спецконтингенте, с которым большинству подразделений треста доводилось иметь дело на многих площадках в разных уголках страны.

На Мангышлаке действовали четыре зоны заключённых: ИТК-34 – усиленный режим, ИТК-58 и ИТК-23 – строгий режим, и небольшая ИТК в Узене на строительстве газоперерабатывающего завода, где МСУ-26 также выполняло монтажные работы.

Заключённые – более профессиональны по сравнению с солдатами стройбатов, так как были постарше, работали не один год, а некоторые имели по 2-му – 3-му сроку. Но работать с ними было непросто – об этом говорят все, кому доводилось сталкиваться с этим контингентом. Требовалось найти контакт и правильную форму общения. О своих впечатлениях рассказал Н.Т. Глебов:

С заключёнными я работал в общей сложности в командировках по всему Советскому Союзу 21 год. Это, как правило, хорошие специалисты, но очень сложные по жизни. Контакт с заключёнными требовал постоянной работы над собой. Нужно было, чтобы они тебя уважали и боялись, а это дело сложное.

За 21 год своей работы в зонах я потерял своих товарищей, которые тоже работали с «зеками». Виктора Семашко зарезали заточкой, Лёву Петросяна повесили на металлоконструкциях в рабочей зоне. Но, как видите, я жив и здоров, и ещё долго в моей жизни шли от «зеков» посылки с подарками и хорошие письма.

Думаю, мне удалось распознать каждого из них, подойти к ним с доверием и уважением.

Два года пришлось работать в смешанной бригаде вольнонаёмных и заключённых на монтаже металлоконструкций на строительстве Ульяновского авиационного комплекса, строящегося под новый транспортный самолёт-гигант «Руслан». Затем на строительстве комплекса по производству хлора на химическом комбинате в городе Зима с бригадой монтажников из Шевченко. Монтировали оборудование в отделении очистки рассола и установки по очистке газа.

Хотя мы приехали издалека, но о нашей бригаде на стройке были в курсе. Встретили очень приветливо. Даже заключённые на этом объекте по каким-то своим каналам знали меня как бригадира, работающего в основном с «зеками». Многие стали проситься в бригаду, несколько человек взяли. И они заявили: «Работайте и не бойтесь, что у вас будет что-то уворовано, мы знаем „Глеба“».

4. Блеснули мастерством за рубежом

В истории Треста «Гидромонтаж» и МСУ-26 есть необычная для того времени страница – работа за рубежом, в Ливии, где с помощью советских специалистов строился Центр атомных исследований. Он расположился в небольшом городке Таджура, на берегу Средиземного моря, рядом со столицей Триполи.

В конце 70-х Трест «Гидромонтаж» получил задание направить туда монтажников, электро- и газосварщиков, водителей и механизаторов, а также группу ИТР. Отбирали лучших, кадровых работников, на кого можно положиться при любых обстоятельствах.

В разное время там работали бригадиры и монтажники: Н.Т. Глебов, А.С. Липатов, А.Н. Чумаков, электросварщик Ю.И. Павлович, инженеры О.А. Чистяков, А.М. Макаров, Н.Н. Андрияненков, Г.Ф. Киселёв.

Задачи центра не противоречили международным нормам по мирному атому – проведение фундаментальных и прикладных исследований в области мирного использования ядерной

энергии. Это стоило немалых денег для небольших стран, но в Социалистической Джамахирии под руководством полковника Муаммара Каддафи они нашлись.

С 1983 года в Таджуре заработали ядерный реактор мощностью 10 Мвт, нейтронный генератор и термоядерная установка советского производства «Токамак». Это был выход с нашими ядерными технологиями в страны третьего мира, оплеуха для США и неплохой способ пополнения валютных резервов.

Помимо организации строительных работ, монтажа оборудования, в обязанности советских специалистов входило также обучение ливийцев, окончивших западные университеты, для работы на советском оборудовании. В этих целях туда направлялись преподаватели из числа учёных из Центра ядерной энергии имени Курчатова. Они приезжали на несколько месяцев и, отчитав свой курс, возвращались на Родину.

А монтажники продолжали свою вахту. Ими руководил Жан Георгиевич Металлинин, главный инженер Треста «Югпроммонтаж» из Навои. Это был не только прекрасный специалист и организатор, но и человек высоких нравственных и интеллектуальных качеств.

Работы шли по графику, дело близилось к финишу. Условия жизни и работы были непривычны – от неописуемой красоты Средиземноморских пляжей с их золотыми песками и чистейшей водой, размещения в обустроенных номерах до однообразного питания, иссушающей жары и длительного отрыва от Родины.

Геннадий Фёдорович Киселёв, отдавший этой командировке несколько лет, рассказывает:

Жили мы недалеко от города Таджура. Наш городок, территориально объединённый с исследовательским Центром и огороженный колючей проволокой, находился в эвкалиптовой роще, где во время войны располагался штаб Роммеля. Нас охраняли ливийские солдаты, вход и выход были по предъявлении пропуска – «битаки».

Все здания центра были похожи не на научные учреждения, а скорее на корпуса санатория. Стены были покрыты

белоснежной итальянской мраморной крошкой. Прохладная температура в помещениях поддерживалась мощными холодильными установками, какие у нас применяются на рыболовецких океанских кораблях – базах.

Мы каждый вечер, а в выходные – целыми днями купались в море, расстояние до него было 300 метров. Желающие занимались подводной охотой ловили какую-то рыбу, осьминогов. Всё это жарилось и съедалось.

Питание наше было, можно сказать, диетическим. Свинины не было, только говядина, горячительные тоже отсутствовали.

Ели финики и бананы, которых здесь море, а дома мы их не видели. Питьевая вода плохая, её привозили откуда-то. В кранах, где мы жили в итальянских 2-квартирных домиках с кондиционером и всеми удобствами, текла только техническая вода.

При всём благоприятном течении работ произошёл сбой, чреватый неприятными последствиями. Причём в самый ответственный момент – накануне подписания акта проверки готовности реактора приёмочной комиссией. Это была уникальная машина, предназначенная для технических и медицинских исследований, уже запущенная в работу. Рассказывает Н.Т. Глебов, возглавлявший тогда бригаду монтажников:

Нас, монтажников, во время сдачи попросили отдохнуть вне объекта в бытовках. Вдруг сообщают, чтоб я явился в здание атомного реактора – там меня срочно ожидает Металлинин. Операторы управления и Металлинин были чем-то очень расстроены и озабочены.

Оказалось, что так называемая «пушка», установленная на рельсы, не заходит в пространство реактора для облучения. А зазоры там микронные.

Делается всё дистанционно. С пульта подаётся сигнал, в реакторе открывается затвор, «пушка» заезжает внутрь, затвор закрывается, и идёт процесс облучения доставленного груза. Это ампулы с лекарствами или подопытные животные. Но случилось так, что «пушка» не зашла полностью, забуксовала, зацепилась где-то в корпусе реактора, и затвор не закрывается.

Ж.Г. Металлинин сказал, что до прибытия арабской команды остаётся менее двух часов, и если мы не покажем им работу реактора, будет международный скандал. Для СССР это грозит большим ущербом.

Он попросил операторов перевести управление на ручной режим с пульта рядом с нами. Мы открыли затвор, намазали пушку красным суриком и вкатили до буксования в реактор. Затем откатили её назад и поставили песочные часы на три минуты – время моего нахождения в реакторе.

Я взял болгарку со шлифовальным кругом, одел головной фонарь, так как в реакторе темно. Вошёл в реактор, нашёл на стене отпечаток краски, оставленный пушкой, отшлифовал это место и вышел. На всё ушло 2,5 минуты.

Металлинин включил перемещение «пушки» – она спокойно зашла, затвор закрылся, и на пульте управления загорелась зелёная лампочка. Реактор находился в рабочем состоянии.

Жан Георгиевич обнимал и целовал меня, говорил, что я герой и что я живой. Он отвёз меня в свой коттедж и сказал своей жене: «Этот человек только что совершил подвиг. Корми его, пои спиртом», которого, кстати, у него было много для технических нужд.

Но здесь надо сказать, что, не имея, в отличие от начальства, доступ к техническому спирту, народ не бедствовал. Братья-славяне – наши и болгары, работавшие рядом, сообразили, как выйти из затруднения. Перегоночные аппараты сварили из нержавейки аргонной сваркой – благо всё под рукой. Сахару хватало, дрожжей тоже, так что по-тихому и помалу гнали чистый, как слеза, и крепкий напиток в требуемом объёме…

Какую дозу облучения схватил тогда Николай Тимофеевич Глебов, так и осталось неизвестным – дозиметра с ним не было. А впереди был Чернобыль…

Глава XVIII
РАВНОБОКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

1. Как управлялся трест?

В руководстве любого советского предприятия или учреждения присутствовала неформальная, но обязательная структура – союз администратора-директора, представлявшего государство-собственника, профсоюза – от трудового коллектива, и полномочного посланника от правящей партии.

Он назывался «треугольником» и был призван обеспечивать сбалансированность производственных и социально-экономических интересов коллектива, а также давать гарантию воплощения политики партии на конкретном участке.

Такое построение никак не вписывается в западный образец организации общественной жизни и уже забыто, но в советское время работало. Работает и в Китае, никак не ограничивая развивающуюся планово-рыночную экономику.

На подобных принципах осуществлялось управление и многотысячным коллективом треста, в круг ответственности которого входили не только выполнение плановых заданий по конкретным объектам, обеспечение роста производства, но и мощная социальная составляющая.

На балансе треста находились, помимо производственной базы, жильё со всей коммуналкой, культурно-бытовые учреждения. Лежала забота об устройстве детей в садики, организации лечения и отдыха работников и членов их семей, торговли и общественного питания (в рабочих столовых должны быть диетические блюда). И главное – квартирный вопрос.

Российскому менталитету присуща традиция общинности, артельности, коллективизма, записанная веками на подкорку, подхваченная и развитая в советский период.

Советский человек (в нескольких поколениях) привык воспринимать своё предприятие не просто как рабочее место, которое сегодня есть, а завтра нет, а как дом родной, куда можно обратиться с любой нуждой и надеяться, что тебя не оставят.

В свою очередь, и он чувствовал себя обязанным за заботу и человеческое к нему отношение.

Японцы, приглядевшись к таким порядкам и поняв, какая это сила, назвали её «патернализмом» и пытались внедрить в своих ведущих фирмах.

То, что мы кинулись с головой в омут индивидуализма, осваивая парадигму «каждый за себя» и «было бы мне хорошо, а там хоть трава не расти», не сделала нас сильнее. Упрёки в иждивенчестве, насаждение идеологии неравенства, оправдывающей дикое расслоение, являются продуманной политикой внедрения в общественное сознание западной модели. Вот и идёт у нас уже более двух десятилетий «ломка» организма, подсаженного на наркотик всесилия денег (деньги – это свобода, деньги – это сила, деньги – это власть).

И не понятно, как жить – «по закону», который «как дышло» – один для себя, а другой для всех остальных, или «по справедливости». Но как сделать закон справедливым для всех, независимо от толщины кошелька или места в чиновничьей иерархии?

Случайно ли отец сингапурского «экономического чуда» Ли Куан Ю добился выдающихся результатов, утверждая справедливость действий авторитарными методами в сочетании с жёстким принуждением к закону.

2. Личность, равная Я.А. Кузнецову

Говоря о ключевых общественных организациях Треста «Гидромонтаж», мы неизбежно приходим к фигуре Леонида Ноевича Розовского. Он 18 лет стоял у руля Объединённого профсоюзного комитета, проходя регулярно фильтр выборов и неизменно побеждая. Его всегда избирали, а ведь голосование было тайным!

Он вместе с Кузнецовым создавал трест, находясь рядом, но всегда сохраняя индивидуальность. Без сомнения, это была личность, равная Кузнецову, столь же яркая, но выраженная в иных тонах.

Его избрали на профсоюзной конференции в 1965 году, в возрасте 45 лет. К этому времени он уже был зрелый руководитель-производственник.

Л.Н. Розовский – фронтовик, в Действующей армии с августа 1941-го и до Победы. Прошёл Волховский, Ленинградский, 3-й Прибалтийский, 2-й Белорусский фронты. Два ранения, контузия, ордена и медали, в том числе – «За взятие Берлина».

В 1946 году демобилизован и направлен на железнодорожное строительство на Север. Вскоре выдвинут на должность заместителя начальника электромеханического отдела Печорлага – на линии от Котласа до Воркуты. С сентября 1951 – начальник строительства Нарьян-Марского морского порта. После остановки северных строек переведён в распоряжение Минсредмаша.

Вначале старший инженер п/я 646 и комната на семью в общежитии, а с 1957 года – главный инженер предприятия п/я 1605 и двухкомнатная квартира в доме № 3 в посёлке Селятино, самом первом жилом доме, где он, распределив тысячи более благоустроенных квартир, проживёт до конца своих дней[1].

Черепанова Лидия Дмитриевна

В феврале 1964 года назначается начальником производственно-диспетчерского отдела Треста «Гидромонтаж», а через год на профсоюзной конференции избирается председателем Объединённого построечного комитета (ОПК-87/1)[2].

Л.Н. Розовский взялся за новую работу со всем жаром и ответственностью, как привык относиться ко всякому делу, и вскоре добился действенных результатов. Не зря говорится – не место красит человека…

Вспоминает Лидия Дмитриевна Черепанова, пришедшая на работу в только что построенный клуб «Мечта» молодым специалистом и работающая более 30 лет его бессменным директором:

О работе профсоюза до приезда в Селятино я не знала и поняла, какая это сила, только здесь. Когда мы приехали, Розовский был председателем. До его прихода все социально-бытовые вопросы решались с администрацией. Профсоюз присутствовал, но не участвовал. Если начальник сказал – так, то будет так! А когда пришёл Розовский, начали всё приводить в соответствие: очередь на жильё, предоставление жилья и массу других вопросов стали решать только совместно с профсоюзом и с согласия профсоюза.

Кому-то это не понравилось, и на профсоюзной конференции в 1967 году Розовского попытались сместить. Прибыли два кандидата, которые были намечены на место Розовского. Какое это было бурное собрание! Эти люди не то, что на пост председателя – они не вошли даже в состав ОПК. Народ проголосовал за Розовского, и он работал 18 лет до своего тяжёлого инфаркта.

Можно представить, что ярко выраженная самостоятельность профсоюзного комитета и его председателя не понравилась самому Я.А. Кузнецову, который, как человек военный, привык к единоначалию. Он вполне мог попытаться избавиться от чересчур активного профсоюзника. Но, потерпев фиаско, вскоре понял, что Розовский его положению не угроза и не помеха. А напротив – помощь и разгрузка в весьма не простом круге жизненно важных для людей вопросов. Отношения у них всегда были ровные и взаимоуважительные.

Все, кто тесно общался с Леонидом Ноевичем, подтверждают, что при всей внешней суровости, строгости в делах он не был конфликтным человеком. Наоборот, всегда стремился найти приемлемый компромисс. В решениях не проявлял тупого упрямства, свойственного ограниченным натурам, а исходил из простой установки – найти способ помочь человеку. И чаще всего находил и помогал. Это и есть высшее проявление доброты.

Его заслугой, несомненно, является создание в тресте и в его подразделениях понятной людям и прозрачной для любых проверок схемы распределения жилья и учёта нуждающихся.

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1лд. Л. 322–345.
[2] Там же. Оп. 1. Д. 269. Л. 28–37.

В то время жилищный вопрос оставался самым острым. Партийные и советские органы были завалены жалобами, обидами, и горестными историями людей о несправедливости, обмане и злоупотреблениях в распределении жилья. Проверки часто подтверждали подобные вещи.

Из Треста «Гидромонтаж» таких обращений было меньше всего. Списки очередников регулярно публиковались. Движение очереди было понятно и обосновано. Чтобы исключить постоянное вмешательство администрации, по настоянию Розовского, вначале на жилищной комиссии, а потом на совместном с администрацией заседании профсоюзного комитета, утверждался определённый процент квартир, выделяемых в распоряжение начальника треста для решения кадровых вопросов, связанных с приглашением нужных специалистов и перемещением руководителей подразделений и служб треста. Весь остальной фонд предоставлялся очередникам.

На движение очереди влияли дисциплинарные и служебные порицания, предусмотренные в утверждённом положении об учёте нуждающихся в жильё. Когда штрафника перемещали на сколько-то номеров ниже, ему было ясно – сам виноват.

В структуре ОПК-87 действовали постоянные комиссии, которые и осуществляли контроль и влияние профсоюза на все основные, важные моменты жизни людей.

Во всех производственных коллективах функционировали ПДПС (постоянно действующие производственные совещания) как площадка для обсуждения злободневных производственных вопросов. А мастерам, бригадирам, прорабам всегда было что сказать и что предложить для преодоления бесхозяйственности, разного рода нестыковок, халатности и непрофессионализма, что всегда бывает в производственном процессе.

Заслушивались вопросы организации социалистического соревнования. Человеческой природе органичен соревновательный запал, дух соперничества. Если его разумно организовать – получите мощный внутренний стимул и резерв роста производительности труда. Формализм же убьёт всякий живой росток. Тогда было – и то, и другое!

Соцсоревнование организовывалось между предприятиями и внутри них. Ежеквартально подводились итоги на совместном заседании руководства треста и Объединённого комитета профсоюзов. Победителей заносили на Доску почёта и в Книгу почёта. Вручались переходящее Красное знамя, почётные грамоты и денежные премии. Проводились конкурсы мастерства по ведущим профессиям, также с награждением победителей.

В семидесятых годах действовали авторитетные постоянные комиссии: жилищно-бытовая – председатель А.Г. Украинцев; культурно-массовая – О.М. Седаш; по содействию семье и школе – Л.Д. Черепанова; по контролю за работой предприятий торговли и общественного питания – С.И. Музыка; по социальному страхованию – Л.Н. Розовский.

Можно представить, сколько людей привлекалось к их работе, которая выполнялась добровольно, бескорыстно и не в ущерб прямым служебным обязанностям. Знали – делаем для себя!

Добавим сюда «кассы взаимопомощи», «добровольные народные дружины». Кстати, в 60-х – 70-х в посёлке Селятино не было отделения милиции. Её функции выполнял единственный участковый уполномоченный, а порядок поддерживала ДНД, где не было недостатка в добровольцах.

Это ли не реальные проявления жизнедеятельности «институтов гражданского общества», о необходимости которых так любят поговорить либералы?

А ведь многое у нас уже было! Прежде всего, добрые отношения между людьми, которые выходили на субботники не по принуждению, приводя в порядок дворы, детские площадки и подъезды. Соседи заходили друг к другу в гости, а не отгораживались стальными дверями с хитроумными замками и подглядывающими глазками. Наркотиками из-под полы не торговали. Кражи были редким явлением, а детей не сопровождали в школу. О педофилах, маньяках не слышали, а «гомосеки» не лезли на экран телевизора.

Важной функцией профсоюза, после распределения квартир, садовых участков, гаражей и других материальных благ,

являлось обеспечение трудящихся и членов их семей путёвками в санатории, дома отдыха, пионерские лагеря, а также в коллективные туристические поездки «выходного дня».

Путёвки были доступны по цене всем, а кроме того, основательно дотировались профкомом и администрацией, вплоть до оплаты проезда к месту отдыха, в зависимости от материального положения семьи. Ежегодно каждый четвёртый работник мог рассчитывать на организованный отдых. И возможности постоянно, год от года, росли.

Это было политикой министра и председателя отраслевого ЦК профсоюза атомщиков. Так же, как и регулярные диспансеризации. Целью было создать такую сеть, чтобы каждый работающий мог ежегодно поправлять своё здоровье в здравнице.

И не случайно средмашевские санатории, дома отдыха, альпинистские и спортивные базы были лучшими в стране, немногим уступая 4-му Главному управлению Минздрава, где отдыхала и лечилась советская правящая элита (сегодня – Управление делами Президента).

Трест принимал долевое участие в строительстве пансионата «Октябрь» в Одессе, дома отдыха «Гумиста» в Абхазии, базы отдыха «Новинки» в Подмосковье. Имелся собственный пионерский лагерь под Звенигородом, в прекрасном месте, где отдыхали дети не только из Селятино, но и из периферийных подразделений Степногорска, Шевченко. Для них специально организовывались экскурсии в Москву.

Внимание всегда уделялось развитию спорта, пропаганде здорового образа жизни. Помимо капитальных спортсооружений – стадиона со зрительскими трибунами, закрытых спортивных залов, плавательных бассейнов – ежегодно во дворах устанавливались хоккейные коробки, заливались катки, оборудовалась освещённая многокилометровая лыжня, а летом – «тропа здоровья», где совершали пробежки сотни людей.

Клуб «Мечта», который по своему интерьеру и уровню работы стоил хорошего Дома культуры, тоже содержался и управлялся Объединённым профсоюзным комитетом, то есть за счёт профбюджета.

В аппарате ОПК-87 было 7 штатных единиц и, кроме того, 5 освобождённых председателей профкомов в подразделениях. В спорткомплексе и клубе «Мечта» было соответственно 27 и 18 единиц, в библиотеке 2. Всего 65 штатных единиц.

Помимо этого, в летнее время в детских оздоровительных лагерях вводились ставки ещё 60 сотрудников. Как видите, 125 освобождённых работников и сотни и сотни добровольных помощников, выполнявших все вместе огромный объём работы. Госбюджет здесь отдыхал.

Лечением средмашевцев занималось 3-е Главное управление Минздрава СССР, финансируемое более щедро, чем обычная сеть.

Постоянно строились и переоснащались передовым медоборудованием медсанчасти, которые располагались во всех городах и рабочих посёлках Минсредмаша. У средмашевских медиков и зарплата, и условия обеспечения жильём были повыше.

Подобную Медсанчасть № 48 построили в начале 70-х и в Селятино – большой больничный комплекс с поликлиникой. Министерство имело также собственную сеть учреждений отдыха и санаторного лечения. Не вызывает сомнений, что подобная автономия, обеспечивавшая более высокие жизненные стандарты для работников отрасли, аргументировалась и создавалась под постоянным напором министра, имевшего высокий авторитет и поддержку в Политбюро и Правительстве.

Миллионы работников атомной отрасли жили на своих «островах» несколько отличным укладом.

Жаль, что Архипелаг Средмаш не получил столь же громкого отражения в литературе и искусстве, как небезызвестный Архипелаг Гулаг. Из-за завесы секретности у нас и невостребованности историй из советской жизни со знаком плюс на Западе.

Для пера А.И. Солженицына, вознесённого на пьедестал классика, подобная тема была изначально неперспективна. Человеческие страдания куда интереснее для художника.

3. Профсоюз в управленческой вертикали

Те, кто бывал на больших коллегиях, с приглашением работников с мест, помнят, что рядом с министром во главе длинного

стола с членами Коллегии сидел председатель ЦК профсоюза атомщиков А.Н. Каллистов. Этим подчёркивалась неразрывная связь интересов отрасли с интересами трудовых коллективов. В то же время это понятный сигнал для всей вертикали соподчинённости.

Анатолий Назарович Каллистов – знаковая фигура. Председателем отраслевого ЦК он стал в 1959-м, а ушёл на заслуженный отдых в 1986 году, вместе со Славским. На новый участок работы его направили в 49 лет, уже опытным и заслуженным производственником, директором ряда ключевых заводов отрасли, Героем Социалистического Труда. Вспомним, что Е.П. Славский стал министром в 1957 году. На профсоюзах ему нужен был именно такой человек – заслуженный и авторитетный, способный преодолеть инертность, безволие и формализм, нередко отличавшие деятельность выборных профорганов.

Не зря их с улыбкой сравнивали с доброй бабушкой, которая обо всех заботится, но важные вопросы в семье решает не она.

А.Н. Каллистов окончил Уральский политехнический институт по специальности «Инженер-металлург». В 26 лет он уже директор Кыштымского медеэлектролитного завода. В 1940 году, по доносу сослуживца, обвинён во вредительстве, осуждён и этапирован в Мончегорск, где работал на заводе «Североникель» начальником смены. В 1941 году переведён в Кировскую область на строительство железной дороги.

В 1942 году его оправдывают, восстанавливают в партии и посылают снова на Урал, где он работает главным инженером, а затем директором металлургического завода. В 1946-м (в 36 лет) его направляют в город Электросталь директором завода № 12, который предстоит реконструировать под новые технологии, наладить производство уранового горючего для атомных реакторов.

В короткие сроки под его руководством организуется химико-металлургическое производство чистого металлического урана и изделий из него – урановых блочков для наработки плутония, а также тончайших диффузных фильтров для разделения изотопов урана.

В определённый момент эта продукция оказывается на острие «Уранового проекта». А.П. Завенягин ему позже скажет: «Ты, товарищ Каллистов, тогда танцевал на острие бритвы». Но всё обошлось, справились.

В 1949 году, после успешного испытания атомной бомбы, ему присваивается звание Героя Соцтруда. Позже на этом заводе, названном машиностроительным, будет организовано производство ТВЭЛов (топливовыделяющих элементов) для загрузки в атомные реакторы.

В 1951 году Каллистова переводят в Новосибирск на строящийся завод-дублёр, где предполагается наладить производство лития (для водородной бомбы). Он успешно, за 5 лет, справляется и с этой задачей, оставив у сибиряков добрую память.

В 1956 году Каллистова возвращают в Электросталь (там тоже организуется производство лития-6), что ознаменуется не только овладением новыми технологиями, но и разворотом жилищного строительства и переселением людей из бараков.

Вот такой человек становится рядом со Славским во главе отраслевого профсоюза. Он поднимет роль профсоюзов на такой уровень, когда они станут способны взять на себя заботу обо всей социальной сфере и одновременно существенно влиять и на производство.

Без сомнения можно сказать, что активная позиция профсоюзов помогла Славскому создать тот характерный для него, сбалансированный стиль управления, когда строгость приказа сочетается с реальной заботой о людях, отвечающих той же монетой.

В повестку дня совместных заседаний администрации и профсоюзов прочно вошли вопросы организации соревнования, безопасности и оплаты труда, строительства жилья, детских учреждений и больниц.

Позже – вопросы культуры, спорта и досуга, развитие сети отраслевых здравниц. Практиковались совместные коллегии Министерства и ЦК профсоюза, на которых неуютно себя чувствовали директора комбинатов и строек, недостаточно целеустремлённых в социальных вопросах.

В таких условиях вполне закономерна и личность Л.Н. Розовского во главе ОПК-87/1. По его инициативе Объединённый профсоюзный комитет Треста «Гидромонтаж», входивший составной частью в профком 12-го Главка, обретает полную финансовую и организационную самостоятельность с выходом напрямую на ЦК профсоюза атомщиков. Это откроет дополнительные, немалые возможности.

Умел подбирать Розовский и профсоюзные кадры – из рабочей среды, из самой гущи трудовых коллективов. Оба его освобожденных заместителя – Ю.Ф. Субботин (с 1970 по 1978 г.) и В.П. Ильин (с 1978 по 1983 г.) – начинали свой трудовой путь рабочими, хорошо поварившись в этой среде. Позже получат высшее образование, вырастут в хороших специалистов и успешных руководителей.

Среди освобождённых профсоюзных работников большим уважением пользовались Владимир Соломонович Рольбин (20 лет бессменный председатель профкома на Опытном заводе), Владимир Александрович Растатуев (МСУ-28).

В 1978 году, отработав 8 лет заместителем Розовского, Юрий Фёдорович Субботин попросился на хозяйственную работу и был назначен заместителем главного инженера треста. К этому времени он окончит Политехнический институт. Потом г. Шевченко – МСУ-26, чернобыльская авария, где он был в первых рядах. Ушёл из жизни в 56 лет, в 1995 году.

Владимир Петрович Ильин, принявший в 1983 году эстафету от Л.Н. Розовского, прошёл также богатую жизненную школу. В 17 лет он уже фрезеровщик на московском станкостроительном заводе «Красный Пролетарий».

После службы в армии, с ноября 1958 года – в Селятино, в инструментальном цехе ремонтно-механических мастерских п/я 1605. С тех пор его судьба связана с Трестом «Гидромонтаж». Она характерна для того времени – так тогда росли люди. Послушаем его самого:

Вскоре, после женитьбы на девушке Наташе, которую учил токарному делу, пошёл на приём к начальнику предприятия полковнику А.П. Житкову. Говорю ему, что я женился, а жить негде.

Он мне – завтра состоится заседание постройкома, где будет распределяться вновь построенный дом № 8. Пиши заявление на получение жилья. В постройкоме мне сказали: «Приноси свидетельство о браке, тебе выделена комната 13 квадратных метров в трёхкомнатной квартире дома № 8». Так я стал жителем посёлка Селятино.

Моя жена, Наталья Аркадьевна, заочно окончила техникум, 34 года отработала на Опытном заводе. Мы вырастили двоих детей, дочь и сына. Было нелегко, так как всё время работали и учились. У меня к тому времени образование было всего 7 классов. Понимая, что этого недостаточно, я поступил в вечернюю школу в городе Апрелевке. Окончил её в 1962 году и поступил в Московский станкостроительный институт. Проучился 3 года. Из-за житейских проблем набрал хвостов и, побывав в академическом отпуске, перевёлся во Всесоюзный заочный строительный техникум, который закончил в 1970 году, получив специальность техника-механика.

Уже работая в профсоюзах, в 1980–1985 годы обучался заочно в Высшей школе профдвижения ВЦСПС (Академия труда и социальных отношений), которую закончил, получив квалификацию экономиста.

Наверное, с учётом того, что я мог работать на всех видах оборудования, имеющегося в мастерских, меня ещё в 60-х уговорили перейти нормировщиком. Затем был переведён на должность технолога в экспериментальный цех заместителем начальника цеха.

Более 10 лет отработал начальником ОТиЗ Опытного завода, где меня постоянно избирали в заводской комитет профсоюза. В ноябре 1978 года избрали заместителем председателя Объединённого построечного комитета треста (ОПК-87/1).

По роду службы мне приходилось бывать в командировках в наших городах – в Томске-7, Красноярске-26, Глазове, Пензе-19, Димитровграде, в Эстонии, на Харабалинском ядерном полигоне, разбирать жалобы в МСУ-100 в Академгородке под Новосибирском, заниматься исправлением брака с металлоконструкциями на Калужском турбинном заводе.

В 1983 году, в связи с уходом Розовского, В.П. Ильина избирают председателем. Это была достойная «смена караула». Он сумел выстроить деловые отношения с новым начальником треста В.Д. Захаровым, с ЦК профсоюза, где не раз избирался членом Центрального комитета и членом президиума.

Впоследствии и до нынешних дней, несмотря на глобальные изменения в стране, Владимир Петрович неизменно стоит у руля селятинских профсоюзов, уже схлопнувшихся, измельчавших, продолжая, в меру сегодняшних возможностей, служить людям, помогать им, чем возможно, в житейских делах.

Каждый день, почти бесплатно, будто отрабатывая когда-то данный обет, он приходит на своё рабочее место. Организует мероприятия, договаривается и улаживает разные проблемы, кого-то защищает, выступает на массовых мероприятиях. Он постоянно нужен. Его знает весь посёлок, и авторитет его бесспорен.

Зиждется он на душевных качествах этого человека, его бескорыстии, открытости и искренности, высоком достоинстве.

Он один из немногих, кто может публично поспорить или высказать в адрес сильных мира сего нелицеприятные вещи. И это воспринимается без обид, как должное. Этот человек может так себя вести, он завоевал это право. Ведь давно известно – прежде чем лезть с обличениями, на себя оборотись!

4. О парткомах

В партийном комитете Треста «Гидромонтаж» была более длинная, чем в профсоюзах, скамейка секретарей парткома. Они довольно часто менялись, и на то имелись свои причины. Не будем забывать, что КПСС была правящей партией, и не только стержнем господствующей идеологии, но и достаточно эффективной управленческой машиной.

Партийные съезды определяли долгосрочную программу развития, Центральный комитет её конкретизировал своими постановлениями, а областные и местные партийные органы осуществляли управленческую функцию, действуя через кадры хозяйственных руководителей и госорганы всех уровней. Такова была советская реальность.

КПК (Коммунистическая партия Китая) в условиях планово-рыночной экономики осуществляет руководство страной через расстановку своих проверенных кадров и контроль за их деятельностью. Строго спрашивает за провинности, вплоть до суда и тяжких наказаний.

Много стрел выпущено в адрес престарелого состава Политбюро в брежневский период. В немалой степени именно потому всю эпоху назвали «застоем». Так было в верхнем эшелоне, но никто не вспоминает, что кадровой политикой ЦК была регулярная ротация кадров в нижнем и среднем звене.

Редко секретари горкомов и райкомов сидели больше 4–5 лет. Так же, как и их возраст перед уходом не превышал 50-ти лет. Они шли на выдвижение, если позволяли деловые качества, либо их где-то пристраивали в народном хозяйстве. Кадровые ошибки случались, и они всегда будут, но, тем не менее, налицо была система.

Такая же практика работала и для крупных парткомов. Засиживаться и там не давали. Либо это было выдвижение на руководящие должности на своём же предприятии, либо продвижение по вертикали.

Вот такая «круговая порука», взаимный переток партийных и хозяйственных кадров. Его можно осуждать или одобрять – но это была понятная линия действий. Руководящие кадры проходили этапы обкатки. Их целенаправленно готовили. Сегодня же подбор и расстановка кадров – большая загадка. По какому принципу назначаются министры? Откуда берутся губернаторы? А их заместители?

Надолго запомнит вся Россия министра обороны господина Сердюкова и его женский дивизион, помыкавший заслуженными генералами. Это уже не ошибка, а скорее карикатура в стиле Кукрыниксов.

Первичные партийные организации были основой властной пирамиды. Политика партии, формируемая наверху, должна была претворяться в жизнь именно там. Члены партии-рабочие без сомнения были лучшими не только в профессии. Про таких людей можно сказать: «Им за державу обидно».

Их активная жизненная позиция выходила далеко за рамки личного интереса. На их повышенную ответственность мог

опереться любой руководитель. Инженерно-технические работники тоже чувствовали пресс партийной дисциплины, которая бывала и строже, и действеннее КЗОТа.

Всё это имело место в 60-е – 70-е годы, о которых у нас идёт речь, пока партийный организм не стала разъедать эрозия нигилизма, безразличия, карьеризма и приспособленчества, проистекавшая от обесценивания идеологических основ. Вместе с утратой высоких целей, размыванием идеологии шёл процесс перерождения кадров, принявший в перестройку обвальный характер и в итоге погубивший великую страну.

5. Личности как продукт эпохи

Секретарём парткома Треста «Гидромонтаж» больше других проработал Василий Евстафьевич Вергун. Затем, вполне логично, был назначен заместителем начальника треста. Но людям запомнился больше как секретарь парткома.

Его жизненный путь связан исключительно с «Гидромонтажом», и конкретно с буровым управлением МСУ-24, и тоже характерен для того времени. Трудовую деятельность начал бурильщиком V разряда на предприятии п/я 1605 в посёлке Селятино, после окончания в 1959 году Миасского геологоразведочного техникума.

Ему 20 лет, и его сразу же посылают в годичную командировку в город Дзержинск Горьковской области. В 1960-м, через год настоящей практики, назначают буровым мастером и опять с годичной командировкой – в Башкирию, добывать воду для ракетных частей. Вот как о том периоде говорит сам В.Е. Вергун:

Руководителем бурового участка в то время был В.Г. Лукин – грамотный инженер-буровик, очень энергичный человек. Наряду с организацией работы каждого бурового прорабства, каждой бригады, он беспокоился об улучшении жилищных условий своих подчинённых. С его помощью мне, как молодому специалисту, в 1960 году на двоих с женой была выделена комната 11 квадратных метров в доме № 8 в посёлке Селятино.

В эту 3-комнатную квартиру заселились 3 семьи – механизатора А.А. Балыкина – 4 человека, прораба буровых работ Г.П. Пужлакова – 3 человека, и нас двое. Общая кухня, общий туалет, но женщины не ссорились, жили дружно. В этой комнате мы прожили до 1965 года, а с 1963, с рождением дочери Елены – уже втроём.

В 1962 меня назначают прорабом буровых работ и направляют с бригадой в Белгород. В июле 1963 года, получив отпуск, я поступил учиться на вечернее отделение Московского геологоразведочного института, который окончил в 1969 году, получив специальность горного инженера. Учитывая мою учёбу, руководство п/я 1605 пошло навстречу и дало возможность работать на площадке Селятино на различных инженерных должностях.

Уже в июне 1969 года, с дипломом инженера в руках и наработанным опытом на линии и в производственно-диспетчерском отделе треста, В.Е. Вергун получает весьма ответственное задание.

В качестве начальника специально формируемого участка, в сжатые сроки в отдалённом районе на севере Пермской области и границе с Коми АССР ему поручают организовать работы по бурению 4-х шахтных стволов для производства ядерных взрывов в мирных целях. Ранее мы уже рассказали, как молодой начальник участка менее чем в 2 года с задачей справился.

В 1971–1975 он работает в Селятино в МСУ-24 начальником сметно-договорного отдела. Одновременно избирается секретарём партийной организации МСУ-24.

В 1975 году многоопытный уже инженер-бурильщик В.Е. Вергун назначается начальником участка по бурению глубоких скважин выщелачивания в г. Зима Иркутской области. Назначение вынужденное – его бросают на устранение отставания, допущенного на весьма ответственном направлении. Василий Евстафьевич справился и с этим заданием. Наладил работу немаленького коллектива людей, обеспечив устойчивое выполнение плановых заданий. Так нарабатывались и опыт, и авторитет.

После Зимы возвращён в МСУ-24 в Селятино. О дальнейшей своей судьбе он расскажет сам:

В июле 1980 года уходит на пенсию Я.А. Кузнецов и начальником треста назначается Валерий Дмитриевич Захаров[1]. И вот

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1лс. Д. 1-03. Л. 78.

он вызывает меня и говорит: «Мы хотим рекомендовать тебя на пост секретаря парткома треста на 3,5 года». Я сначала отказывался – какой я партийный работник, я больше производственник. Но потом согласился, надо было заменить на этой должности Сироту Алексея Петровича. В ноябре 1980 года меня избрали секретарём парткома треста, и на этой должности я проработал 7 лет.

Партийная организация треста была одной из самых крупных в Наро-Фоминском районе. В состав парткома входили 14 первичных организаций, две с лишним тысячи коммунистов.

Большую роль играли профсоюзная и комсомольская организации, но основной общественной организацией оставался партком.

Он оказывал действенную помощь руководству треста и его предприятий в выполнении государственного плана на основе повышения трудовой и производственной дисциплины, своевременном рассмотрении важнейших производственных вопросов, способствовал правильному подбору, расстановке и воспитанию руководящих кадров. Велась организация политической и технической учёбы, совершенствование социальной сферы посёлка. Много внимания уделялось организации шефской работы с совхозами Наро-Фоминского района. Партком постоянно взаимодействовал с Наро-Фоминским горкомом партии и оборонным отделом обкома. Начальник треста В.Д. Захаров избирался членом бюро горкома.

Во многом деятельность парткома зависела от активности секретарей первичных парторганизаций, выполнявших свой долг без отрыва от основной работы.

Хочу отметить таких секретарей, как О.А. Задорин, Ю.И. Казаков, В.В. Кулаков, М.Н. Гуменюк, П.К. Харченко.

В аппарате парткома были и штатные единицы, установленные городским комитетом партии. Наша зарплата не отбирала фонд зарплаты треста.

Среди моих коллег – Л.А. Тихомирова, В.И. Герасименко, Н.И. Сладкова, В.П. Шаталова. Этот небольшой коллектив был очень дружным, ответственным, исполнительным и грамотным. Мне было легко работать с ними и за это им огромная благодарность.

Так сложился вышеназванный руководящий треугольник – начальник треста Захаров – секретарь парткома Вергун – председатель профсоюза Ильин.

Они продолжили дело предшественников и не только не растеряли достижений, но упрочили и приумножили их.

О Валерии Дмитриевиче Захарове речь ещё пойдёт. А о Василии Евстафьевиче Вергуне можно сказать, что они с Владимиром Петровичем Ильиным – как близнецы-братья. Продукт одной эпохи. Те же душевные качества, чувство долга, та же честность и бескорыстие. Говоря об этих людях в таких тонах, мы не умаляем ни одной личности заслуженных ветеранов.

Они – производственники – бригадиры, мастера, прорабы, руководители. Их заслуги в той сфере. А Вергун и Ильин, выросшие сами из производства, значительную часть жизни отдали самому трудному делу – постоянному взаимодействию с большим числом людей. А ведь люди бывают разные. И склонность к интриге, мелким гадостям ближнему, самолюбованию и постоянной обиде на весь свет присуща, к сожалению, части человеческой породы.

Сколько крови, нервов и здоровья попортили подобные людишки Я.А. Кузнецову, В.Д. Захарову, да и тому же Розовскому, заваливая министерство, партийные и советские органы грязными анонимками. Тогда было принято их рассматривать, вот и ездили комиссии, требовали объяснений. Обычно «народные мстители» нападали на тех, кто больше работал – бездельники их мало волновали, там нечему завидовать и не к чему придраться.

Как мог отреагировать Кузнецов или Захаров, если претензии к ним высказывались в открытую? Только принять к сведению и исправиться, если это объективно и продиктовано заботой о деле. О мести, преследованиях не могло быть и речи. Но определённому сорту людей этого мало. Хотелось острых ощущений – нагадить, а самому остаться в тени и наблюдать, как человек страдает.

К счастью, таких персонажей было ничтожное меньшинство, и общей картины в жизни коллектива они изменить не могли.

Люди, в массе своей, могут отличить зёрна от плевел и каждому воздать по делам его.

Глава XIX
ОБРАЗЫ БЫТИЯ

1. Об образе жизни

Расскажем чуть подробнее о жизни в Селятино. Этот подмосковный городок, ставший родной гаванью для многих тысяч людей, разбросанных по разным уголкам страны, вобрал в себя все характерные для советского периода черты симбиоза производственной и общественной жизни.

Не одной работой и не хлебом единым жив человек. Растущий из года в год образовательный, а за ним интеллектуальный уровень формировали новые потребности.

Людям хотелось приобщения к кладезям отечественной и мировой культуры, свободного доступа к физической культуре и спорту. Они жаждали разнообразить свой досуг, общаться друг с другом, дружить и любить, иметь возможность познавать мир.

Желали ощущения своей нужности другим людям, пригодности для дела.

Важным индикатором удовлетворённости жизнью является уверенность в будущем, личная защищённость, безопасность детей, их творческое и нравственное развитие. Всё это, разумеется, на фоне разрешения первичных жизненных потребностей – кров над головой, еда, доступ к медицине и образованию. А есть ли ещё какие-то критерии человеческого счастья, если не вдаваться в крайности и извращения?

Ведь не пустое же времяпрепровождение, ночные клубы мегаполисов с наркотой и развратом, сборища богатых бездельников – и есть признак раскрепощения личности на пути к совершенству?!

Апологеты слома до основания советского наследия и сегодня всеми силами пытаются доказать, что тогда мы жили плохо – бедно, серо и несвободно. Потому, мол, и «революция», и «закономерный» распад страны. И единственная возможность вырваться была лишь через разрушение старого и учреждение «нового порядка». А партитуру этого «порядка» они писали сами, возомнив себя победителями. Точнее переписывали с западного образца, пытаясь наскоро внедрить «ценности» западного мира. И возмущаются по сей день, когда не удаётся впихнуть соотечественникам «невпихуемое».

Главная улица посёлка. 1982 год

Не случайно придумано уничижительное определение – «совки». А на Украине («це ж Европа») пошли дальше – «гопники», «ватники», «колорады». То есть недочеловеки.

По таким домыслам лучше бить фактами. А они таковы, что пусть и не всё в то время было радужно, и тёмных сторон в жизни хватало, но уж точно – люди жили нескучной, насыщенной жизнью. И необходимое для жизни у них было.

Не случайно по ООНовским стандартам качества жизни СССР входил в первую группу передовых стран. Это характерно для 70-х, начала 80-х, то есть, как ни крути, – «брежневской эпохи», при всех её неправильностях, запаздывании перемен и «окукливании» высшей власти в своём мирке. Но уже во второй половине 80-х, ввиду ослабления самой власти, её неспособности найти верные решения, пошёл процесс деградации всех сторон жизни, приведший к «самострелу» тысячелетней страны.

Это уже другой вопрос, и там свои причины, а мы вернёмся к жизни в Селятино.

2. Здоровый человек – здоровое общество

Здоровье для человека – высшая ценность, а состояние медицинского обслуживания – индикатор социального мира. Как мы уже говорили, в Министерстве среднего машиностроения, с самого его начала последовательно и неуклонно выстраивалась собственная лечебно-профилактическая база.

Номинально она числилась как 3-е Главное управление Минздрава СССР, хотя фактически строилась и поддерживалась в рабочем состоянии теми предприятиями, которые обслуживала.

Первую очередь медико-санитарной части № 48 в Селятино ввели в 1970 году[1]. Это была поликлиника на 200 посещений в смену и стационар на 140 коек. Для небольшого ещё посёлка – более чем достаточно. Но всё делалось с опережением, «на вырост», как первоочередная задача после жилья.

Вскоре в строй вступили инфекционное отделение, зубопротезный кабинет и санэпидстанция. Кадрами медсанчасть

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 9в. Д. 2. Л. 181.

комплектовалась не в расчёте на вольный найм, а целенаправленно, специалистами высокого класса, направляемыми Минздравом. Они немедленно обеспечивались жильём и включались в общий для треста порядок социального обслуживания.

Первым начальником медсанчасти № 48 стал Геннадий Николаевич Ушаков, заместителем по медчасти Лебедев Леонид Николаевич.

Этими людьми были заложены основы высококлассного учреждения. Много сделано по комплектованию коллектива, росту профессионализма, непрерывному развитию современного медицинского комплекса.

В последующие годы сдали в эксплуатацию хирургический корпус, станцию скорой помощи, блок вспомогательных отделений. Сложился хорошо оснащённый больничный комплекс на 178 коек, плюс 6 в реанимации, полностью удовлетворявший потребности не только Селятино, но и не закрытый для окрестного населения.

Селятинцы не высиживали часами в длинных очередях у врачебных кабинетов, а при экстренной госпитализации не были обречены на койку в коридоре, что из-за перегруженности было обычным явлением в районной сети. Они могли вызвать врача на дом и не ждать часами приезда кареты скорой помощи.

Как известно, медицинская помощь в СССР была бесплатной, но требовалось сделать ещё очень много, чтобы поднять её качество. Медучреждения Минсредмаша шли на шаг впереди, прокладывая дорогу. Всё упиралось в невозможность, пока, в масштабах страны, выделить достаточное финансирование.

Академик-кардиолог Чазов, начальник 4-го Главного управления Минздрава, ставший при Горбачёве министром здравоохранения, высказался в том смысле, что поднять всю медицину до уровня элитного 4-го Главка вполне возможно – дайте денег!

Деньги сжирала, как огнедышащий дракон, изматывающая гонка вооружений. Но, тем не менее, поликлиническая и коечная сеть в стране год от года неуклонно росли, а мединституты и медучилища в каждой области и республике из года в год пополняли врачебный, фельдшерский и медсестринский корпус. И выпускники тогда были достойные – за деньги дипломы не покупали.

То, что качественная медицина может быть бесплатной, даже в небогатой стране, показывает пример Кубы, являющейся в этом смысле образцом для Латинской Америки. Средняя продолжительность жизни там гораздо выше (79,3 года), чем в «реформированной» России (69,1).

В Медсанчасти-48 выросли такие профессионалы, как В.В. Борисова, Н.С. Лебедева, М.М. Бастракова, великолепный хирург Н.П. Рычагов, врач-анестезиолог Л.И. Бастраков, старшая операционная сестра Л.Е. Винокурова.

Они использовали достижения передовой организации труда, принципы высокого качества и культуры медицинской помощи, нравственно-этического воспитания личности врачей и медицинских сестёр.

Сегодня – это муниципальное бюджетное учреждение здравоохранения «Районная больница № 5», где работают более 100 врачей, 190 средних медицинских работников, более 100 человек младшего медперсонала и 110 хозяйственного и технического.

Ежедневно поликлинику посещают более 500 пациентов, выполняется в год более 1500 операций, через отделение реанимации проходит ежегодно 700–800 больных и пострадавших в чрезвычайных ситуациях.

В 1975 году по соседству с больничным комплексом МСЧ-48 трестом был построен военный госпиталь с поликлиникой, на который возложили функции головного лечебного учреждения всех военно-строительных частей средмаша. Сегодня это госпиталь МВО[1].

Оба медицинских центра работали в унисон, ещё больше повысив для населения всех категорий доступность к качественной медицине.

Серьёзные основы медицинской базы, услугами которой мы пользуемся и сегодня, были заложены в Селятино в 70-е годы.

Многими ли подобными лечебными комплексами, построенными с нуля, на голом месте, может похвалиться Московская

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 9-в. Д. 2. Л. 259.

область за последние 23 года? Всё-таки признаём – «совки» умели работать!

Санэпидстанция была организована вместе с МСЧ-48 и являлась её отделением. Её работа была многогранна и востребована.

В том, что посёлок Селятино всегда был чист и опрятен, детей в дошкольных и школьных учреждениях, в рабочих столовых обеспечивали качественной и сбалансированной пищей – заслуга санврачей.

Молочная продукция, так же как и питьевая вода, перед тем как поступить на реализацию, проходила контроль в лабораториях СЭС.

Проводились регулярные прививочные кампании для всех возрастов, регулярная дезинфекция в подвалах жилых домов и на предприятиях.

Мало того, вся проектная документация перед строительством любого объекта проходила экспертизу на соответствие санитарно-строительным нормам санитарными врачами так же, как и при приёмке в эксплуатацию объектов. В состав госкомиссии всегда входил главврач СЭС, и без его подписи акт приёмки не мог быть действительным.

Санслужба была вездесуща, её побаивались, а выдвигаемые требования неукоснительно исполнялись.

Откупиться было немыслимо, тогда не было такого «тренда». Все понимали, что люди исполняют свой долг, их требования обоснованы и идут на пользу людям.

Санитарная работа всегда поддерживалась руководством треста, парткомом и Объединённым построечным комитетом. Не было случая, чтобы мероприятия этой службы, запланированные на год и требующие финансирования и капитальных работ, отвергались бы руководством треста. Более того, они контролировались совместно с развитой службой техники безопасности треста.

Селятинскую СЭС с 1970 до начала 90-х возглавлял Анатолий Алексеевич Ситников. Эпидемиологическую службу – врач-эпидемиолог В.А. Тунгусова, главным врачом бактериологической лаборатории многие годы отработала Л.В. Левак.

С приходом рыночной экономики селятинскую СЭС упразднили. Как контрольный институт, она стала лишним звеном для недобросовестных предпринимателей, ищущих сверхприбыль в криминальных схемах, а с другой стороны, разлагаясь вместе с обществом, становилась инструментом для коррупции.

В мусорную корзину полетели советские ГОСТы, СНИПы в строительстве, а с разгона и регламенты (уставы) в угольной промышленности, на железной дороге, водном транспорте (многие писаны кровью) – опять же в погоне за «свободой» предпринимательства и борьбой с коррупцией.

Такая же вольница установилась и в ценообразовании в капитальном строительстве, открывая шлюзы для умыкания миллиардов рублей из казны (воруют на всех крупных стройках, даже в космической отрасли).

Нарвавшись на мошенничество в крупных размерах, опасность массовых отравлений и заболеваний, а тем паче аварий, власти дают задний ход, пытаются что-то изменить. Дай-то Бог!

3. В условиях тотального дефицита

Товарный дефицит на прилавках – самое слабое звено советского жизненного уклада. Люди были измучены необходимостью не покупать за свои деньги, а «доставать» необходимые продукты и товары, которых постоянно не хватало.

Плановая система и ценообразование здесь явно буксовали. Дефицит усугублялся незыблемыми ценами, которые перестали служить естественным регулятором. Зарплаты росли, а цены нет на фоне отставания производства товаров массового спроса.

Рецепт от дефицита на прилавках прост и известен со времён «царя Гороха» – рыночные, а не директивные механизмы регулирования спроса-предложения.

Это наглядно показали введение в разорённой России в начале 20-х годов НЭПа, политика Дэн Сяопина в Китае в начале 70-х, и, наконец, гайдаровская «шоковая терапия» в 90-х.

Главным регулятором в этих случаях выступали цены. Полки в 90-х наполнялись товарами не потому, что их вдруг стало больше, а как следствие невозможности для многих их купить. Но «неудачники» отступали на задний план – их просто не замечали.

Гайдару его сторонники в реформаторском раже присвоили даже статус чуть ли не «спасителя России от голода» (при том же количестве имевшегося в стране продовольствия).

Но это – вопросы большой политики, с решением которых запоздали, а как в то время жили в Селятино?

Как вспоминают ветераны, жили не так уж плохо. В Министерстве среднего машиностроения с самого начала был установлен так называемый режим «рабочего снабжения».

Наверху, в министерстве, расположился ГлавУРС, а в городах и посёлках – УРСы и ОРСы (управления и отделы рабочего снабжения). Расчётные нормы потребления в них были выше, чем по стране.

В Селятино вместе с ростом жилого фонда и населения строились всё новые магазины, столовые, развивались складская и заготовительная база, холодильное хозяйство, где ОРС выступал заказчиком. В распределении дефицита контроль осуществляли общественные комиссии профсоюза.

Характерную запись о Селятино в начале 70-х оставил Александр Александрович Беликов, приглашённый на работу в МСУ-24 из Донбасса:

9 мая 1971 года я приехал в Селятино. Мне предложили выполнить спецзаказ по бурению скважин на Новой Земле до 2-х тысяч метров с самым большим диаметром под испытание мощной водородной бомбы.

Новая Земля, экзотика, белые медведи, да и работа для меня будет интересной…

Я загорелся желанием и захотел посмотреть, где я буду работать. Когда я приехал в Селятино, то сразу обалдел, потому что после Донбасса увидеть такую красоту – в магазинах горы апельсинов, яблок, бананов.

И вот тут я даже ради детей, а у меня их было уже двое, готов был в любой конец света уехать, а увидев такой рай – все сомнения сразу улетучились.

В Донбассе меня начали уговаривать остаться. Но для себя я уже всё решил.

4. А ведь жизнь была интересной!

С момента закладки производственной базы треста в 1956 году и строительства жилого посёлка Селятино большую часть его населения составляла молодёжь до 30 лет. А это значит – огромная потребность в общении, занятии спортом, развитии различных направлений культурной жизни, развитии детского творчества.

Первым клубом, где смотрели кино, занимались самодеятельностью, устраивали танцы, был солдатский клуб-барак, построенный вместе с казармами для военных строителей. Среди молодёжи его называли «Чудильником». Там завязывались знакомства, создавались семьи, и у многих он оставил тёплые воспоминания.

Но он был мал, не справлялся с нагрузкой, и, как воздух, был нужен полноценный Дом культуры как центр притяжения духовной жизни. Оказалось, это не так-то просто для рабочего посёлка. Строительство подобных учреждений допускалось лишь в городах с достаточным населением и, как исключение, в сельской местности. По этому пути и пошли отцы-основатели «Гидромонтажа».

Выбрали приличный типовой проект сельского клуба на 400 зрительских мест, разработанного для центральных усадьб крупных совхозов и колхозов, основательно его переработали, улучшив фасады и предусмотрев необходимые помещения для клубной работы.

В ГлавУКСе министерства, под напором Я.А. Кузнецова, закрыли глаза, и в итоге в 1966 году вошёл в строй прекрасный клуб с романтическим названием «Мечта», придуманным коллективно в ходе устроенного конкурса. В целях конспирации его продолжали называть клубом, что по содержанию ничего не меняло.

Радости от такого приобретения не было границ. Во-первых, пошли новые фильмы, чуть ли не первым экраном, лишь с небольшим отставанием от московских кинотеатров. А иногда и одновременно.

Во-вторых, под руководством В.В. Маркиной сразу же был создан драматический коллектив и оркестр под управлением Виктора Кузнецова, музыканта, только что завершившего службу в соседней воинской части.

Клуб «Мечта». 1971 год

Как весенний гром среди ясного неба, стала для жителей постановка в клубе красочного музыкального спектакля-оперетты «Свадьба в Малиновке». С собственными декорациями, оркестром и узнаваемыми артистами-коллегами по работе. Восхищённые зрители считали – не хуже московской оперетты, и ехать никуда не надо!

Стараниями Черепанова создали сильный детский коллектив, организовали самодеятельность из прибывающих молодых специалистов, попробовавших себя ещё в период студенчества на этой стезе.

В то время в Селятино не существовало музыкальной школы, а потребность родителей приобщать своих отпрысков к музыкальной грамоте была огромной. Люди шли на затраты, приобретали музыкальные инструменты, подыскивали частных репетиторов.

Ответом на этот общественный запрос стало открытие при клубе музыкальной студии для обучения детей. Преподавателей-энтузиастов удалось найти. Среди них Владимир Семёнович

Урман, имевший высшее музыкальное образование, который вместе с женой, тоже музыкальным работником, организует в посёлке прекрасный хор.

Позже он станет заметной фигурой в столичных музыкальных кругах, создаст вместе с Мининым Московский камерный хор и долго будет там хормейстером.

Бурно развивалась художественная самодеятельность, вытаскивавшая под свет юпитеров подлинные таланты из народа. Вот как об этом говорит Лидия Дмитриевна Черепанова:

Ежегодно устраивались смотры, которые собирали полные залы. Конкуренция была очень сильная. Мощная поддержка этих мероприятий ощущалась со стороны парткома, ОПК, многих руководителей подразделений. Нельзя не вспомнить Лебедева Леонида Николаевича, главного врача нашей медсанчасти, Андрухова Евгения Николаевича, Лужкову Луизу Михайловну, Шепелева Юрия Александровича, который был в МСУ-24 председателем объединённого профкома. Он сам занимался в нашем театральном коллективе. Когда мы однажды давали спектакль, к нам приехала комиссия из Щукинского театрального училища. И когда они посмотрели на Ю.А. Шепелева, то сказали: «Он не может быть любителем, вы наняли профессионального актёра!»

В 1973 году «треугольнику» треста (партком, профком, администрация) удалось добиться финансирования полноценной музыкальной школы.

Основанием была многолетняя и успешная работа самодеятельной музыкальной студии при клубе, где обучалось более ста детишек. Интересно, что их передача в школу, каждого в соответствующий класс, аттестовалась специальной комиссией, которая подтвердила все заявленные уровни подготовки.

Профсоюзная библиотека расположилась поначалу в клубе. С расширением книжного фонда и числа читателей переехала в другое здание, где оборудовали хранилище на 30 тысяч книг и открыли читальный зал. Неоценимый вклад в просветительскую работу внесли подлинные энтузиасты Л.Н. Харитонова и Н.В. Безрукова.

И сегодня, не глядя на интернет, поселковая библиотека работает, выполняя свою культурно-просветительскую миссию. Её книжный фонд вырос до 53 тысяч томов, а число читателей составило 6 тысяч.

Уже на следующий год после открытия клуба получил старт, поначалу в маленькой комнате, кружок «Умелые руки» под руководством Василия Николаевича Афанасьева, большого энтузиаста и умельца. Вскоре он перерос в исключительно популярный среди подростков клуб «Юный техник». Заработали кружки начального технического моделирования, радиолюбителя, авиа- и ракетомодельные, резьбы по дереву, «охоты на лис».

Со временем ребятам стало тесно, и взрослым дядям пришлось искать более просторные помещения. Их нашли в подвале дома № 15. Оборудовали его, завезли станки, в шефы определили Опытный завод.

Ребята становились медалистами ВДНХ, чьи изобретения получали призы на соревнованиях в Японии, Болгарии.

После Афанасьева клубом «Юный техник» руководил П.П. Мирошниченко. Он пытался до последнего сохранить эту детско-юношескую организацию. Но не получилось.

Сегодня это Дом детского творчества, который работает в стиле культурно-досугового центра с маленькими детьми – дошколятами. Дело, бесспорно, нужное для начального развития, но не замена подростковой технической подготовке. Нужны и то, и другое.

Трудно переоценить важность привития с младых ногтей умения работать руками, что-то конструировать, изобретать, работать в коллективе. Ведь мы, скорее, созидательная, инновационная, а отнюдь не торговая нация, и это призвание надо бы поддерживать.

К сожалению, подобные навыки теряют свою актуальность для молодёжи. Незаметно приоритетом для многих становится место среди «офисного планктона», заполонившего крупные города и мегаполисы. Это тоже веяние времени, и что-то нужное, может быть, приносит, но никогда не станет альтернативой технической культуре.

Если течение дел и дальше пойдёт подобным образом, то скоро, с уходом стариков, проблемой станет найти сантехника или электрика для обслуживания жилищно-коммунального хозяйства.

А кто будет проектировать и строить лучшие в мире самолёты и космические корабли, искать нетрадиционные источники энергии, создавать новые города и скоростные дороги?

5. Культура и спорт на селятинской площадке

В посёлке, где люди вместе работали и по соседству жили, знали друг друга с молодых лет, а порой, с детства, всегда было стремление и в беде, и в радости быть рядом, поддерживать друг друга. Вместе выходили на субботники, коллективно отмечали праздники, семьями подгадывали отпуска и разъезжали по стране в туристические поездки. Люди встречались, пели песни, веселились и радовались жизни.

Обратимся к запискам Л.Д. Черепановой:

Некоторые традиции зарождались сами собой – например, в новогоднюю ночь собираться у ёлки к часу ночи. Люди поздравляют друг друга, обнимаются, целуются, разливают шампанское. Глядя на это, стали к ёлке вывозить эстраду, включать музыку, запускать фейерверки. А накануне в клубе обязательно проводили «Голубой огонёк».

Некоторые традиции появлялись инициативно. Так, секретарь парткома В.Е. Вергун предложил отмечать проводы русской зимы. Так тогда называли Масленицу. В первый же год получился замечательный праздник с тройками лошадей, со скоморохами. С лошадьми помог командир конного полка, а полк предназначался для участия в съёмках фильмов. С его участием снимались батальные сцены в фильме Бондарчука «Война и мир». Организовать всё было непросто – специальный транспорт для перевозки лошадей, костюмы для скоморохов, которые шили сами, но сколько радости было у детей и веселья у взрослых!

Хорошей традицией стало приглашение в клуб «Мечта» известных артистов, режиссёров, писателей и просто интересных людей. Этим занималась не только администрация клуба, но и инициативные люди, объединившись в Клуб интересных встреч, – Р.К. Русалкин, Г.А. Чернаков и многие добровольные активисты.

Клуб стал эпицентром культурной жизни в посёлке. Там постоянно проводились какие-то мероприятия, собиравшие сотни и сотни людей.

Однажды приехал известный и популярный композитор Френкель. Он поиграл на клубном инструменте и сказал: «У вас тут клавиши западают». На следующий день это обсуждалось на рабочих местах. «Слышали, у нашего рояля клавиши западают?»

Дошло до Розовского. Он заявил Л.Д. Черепановой: «Что это такое, почему у нас нет нормального инструмента? Купите немедленно рояль, большой, концертный рояль!»

Купили – хороший, с немецкой механикой, он до сих пор стоит на сцене, хотя места ему там мало. Со временем в клубе скопилось пианино и роялей больше, чем во всех учреждениях культуры Наро-Фоминского района.

Ещё одна маленькая деталь, которую припомнила директор клуба Л.Д. Черепанова. Однажды, приехав с учёбы, на которую периодически собирали клубных работников по линии Министерства культуры, она зашла к Розовскому (профсоюз содержал клуб) и предложила устроить платный концерт, чтобы заработать денег. На что тот ответил весьма характерно для того времени: «Если денег мало, возьмите ещё, а люди пусть ходят и смотрят концерты бесплатно».

Со спектаклями в клуб приезжал московский Малый театр. Особым успехом пользовался спектакль «Единственный свидетель» с Ангелиной Степановой в главной роли, народной артисткой СССР.

Особая дружба установилась с Центральным телевидением. В гости к селятинцам приезжали известные дикторы Светлана Жильцова, Владимир Ухов, Игорь Кириллов, Валентина Леонтьева, Светлана Моргунова.

Появлялась Алла Пугачёва во времена своей песни «Арлекино». Ещё не примадонна, но уже популярная и узнаваемая.

В начале семидесятых в клубе был анонсирован концерт Владимира Высоцкого. Зрительный зал оказался набит до отказа – люди стояли в проходах. Билет стоил 1 рубль.

Замалчиваемый официальной пропагандой, средствами информации, Владимир Семёнович пользовался подлинной народной любовью. Его песни, его хриплый баритон звучали из миллионов проигрывателей и магнитофонов по всей шестой части суши.

Поражает тупость тогдашних идеологов – чего такого вредного они находили в его творчестве? Это был редкий самородок, подлинный бард, прославлявший мужество, дружбу, подвиг отцов. В его песнях находили себя учёные и водители-дальнобойщики, спортсмены и циркачи, моряки и истопники. В них звучали тонкая ирония и открытая насмешка над приевшимися пропагандистскими штампами.

В тот памятный вечер в клубе «Мечта» В.В. Высоцкий в своём неизменном чёрном свитере, потёртых джинсах и с гитарой через плечо пел без перерыва более двух часов. Зал как заворожённый молчал, то переживая вместе с его героями, то улыбаясь вместе с ними. На прощание с ним в июле 1980 года вышла, кажется, вся Москва. Как скажет о том драматическом моменте в своём послании-реквиеме другой любимый советский бард Булат Окуджава: «Белый аист московский на белое небо взлетел, чёрный аист московский на чёрную землю спустился»…

В 1972 году в Селятино приезжал и оставил свою приветственную запись легендарный диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан, объявленный в годы войны личным врагом Гитлера. Именно он зачитал 9 мая 1945 года текст правительственного сообщения о победоносном завершении Великой Отечественной войны.

В разное время с клубной сцены выступали такие звёзды советского кино и театра, как Михаил Казаков, Николай Сличенко, Галина Волчек, Мария Неёлова, Савелий Крамаров, Евгений Евстигнеев, Борис Щербаков, Игорь Костолевский, Николай Караченцов, Ирина Мирошниченко, Вячеслав Тихонов, Леонид Куравлёв, Сергей Юрский, певец Лев Лещенко, юмористы Арканов, Измайлов, Винокур.

Это почти полное созвездие тогдашнего культурного небосвода, так богатого подлинными талантами. Трудно вспомнить, кто не отметился на подмостках клубной сцены.

Селятино того времени смотрелось, как Мекка, которую стремились посетить известные люди. Доброжелательная и интеллектуальная аудитория, тёплая атмосфера небольшого зала, где контакт с людьми «глаза в глаза», становились неким оселком, на котором они поверяли свою подлинную популярность и связь с народом. На их творческие встречи-концерты неизменно собирался полный зал. Селятинцы следили за афишами – как бы чего интересного не пропустить.

Как это не похоже на нынешнюю коммерциализацию культуры, всяческие столичные корпоративы, где за участие «звезды» дерут немыслимые деньги в твёрдой валюте, и на тот «чёс», который они бесстыдно устраивают в провинции.

Осуждать их сложно – новые времена, новые ценности и моральные установки. Их довод прост – все так делают…

Нужно хотя бы немного сказать о другой стороне культуры – физической. Спорт всегда в Селятино был любим. Поначалу, в 60-е годы, силами молодых энтузиастов, иногда целыми семьями, обустраивались спортивные площадки – футбольные поляны, волейбольные и городошные площадки, заливались катки, хоккейные коробки для детей.

Сложилась сильная спортивная общественность, которая потребовала от администрации треста и профкома более серьёзного отношения к развитию спортивной базы. Партком поддержал, и лёд тронулся.

В начале 70-х на уже оборудованном стадионе построили две полноразмерные хоккейные коробки, игровые площадки с деревянным покрытием. Позже были введены капитальные раздевалки с душевыми и туалетами для хоккеистов и других спортсменов. В лесном массиве от госпиталя вдоль Киевского шоссе оборудовали освещённую кольцевую «Тропу здоровья» со спортивными снарядами, протяжённостью более километра. Объединённый комитет профсоюзов профинансировал прокатную базу на 500 пар лыж. После работы любой человек мог пробежать по морозцу по накатанной лыжне свою дистанцию, какую позволяли здоровье и физическая подготовка.

В рамках ОПК профсоюза создали комитет по физической культуре, в котором собрались авторитетные люди – подлинные любители спорта. В разное время его возглавляли Виталий Сергеевич Самгородецкий и Лев Николаевич Головченко. Они организовывали соревнования внутри подразделений треста, а также обеспечивали участие в первенстве предприятий 12-го Главного управления.

Объединённый построечный комитет профсоюза за счёт средств профбюджета и социального страхования приобретал спортинвентарь и спортивную форму для команд. Был учреждён спорткомбинат «Строитель».

Возникла идея строительства полноценного спорткомбината. Руководством треста был заказан проект, и к 1980 году разработаны рабочие чертежи на строительство в Селятино спортивного комплекса[1].

Надо было выбивать финансирование, обходя существовавшие ограничения по численности населения (разрешалось строить в городах с населением от 50 тысяч жителей). Обратились в Госстрой за разрешением, убедили, но при условии гарантии финансирования. Минсредмаш такую гарантию дал. Но, тем не менее, всё находилось на грани фола.

Началось строительство футбольного поля с трибунами на 2500 зрителей и подтрибунными помещениями, закрытого спортивного комплекса с двумя плавательными бассейнами и спортзалом для игровых видов спорта, площадок для прыжков в длину и высоту.

По ходу строительства улучшали проект, финансируя изменения за счёт треста. Внимательно подошли к сооружению футбольного поля, пригласили московского специалиста по дренажным системам в «Лужниках». Газон выращивали в течение 3-х лет.

Неожиданно, когда уже был виден финиш строительных работ, в 1982 году поступил запрет на финансирование подобных объектов. Но столь нужному для людей благому делу не дали умереть.

Начальник треста В.Д. Захаров собрал руководителей предприятий и всех общественных организаций и поставил вопрос

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1. Д. 13-07. Л. 68–70.

ребром – или мы «берём под козырёк» и ставим комплекс на консервацию, или достраиваем за счёт собственных сил и средств уже в текущем году.

Решение было единодушным – достроить в 1982 году. Каждому МСУ выдали задание – кому плавательный бассейн, кому кровля, кому отделочные работы.

Так родился лучший на то время в районе спортивный комплекс. Уже в следующем году на его базе открыли детско-юношескую спортивную школу со многими отделениями. Профинансировал её содержание Объединённый профсоюзный комитет. Первым директором стал Махов Вячеслав Иванович – подлинный подвижник спорта.

На созданной спортивной базе регулярно проводились не только районные и областные, но и российские, и даже международные соревнования. Здесь выросли многие мастера спорта и мастера спорта международного класса по каратэ, художественной гимнастике, пулевой стрельбе, плаванию и боксу.

Сложился высококвалифицированный тренерский и преподавательский состав.

Заложенные в 80-е годы семена физической культуры и большого спорта дают и сегодня прекрасные плоды. В 19 секциях и оздоровительных группах занимается более 3000 человек. Для небольшого поселения – это невероятная цифра.

Селятинский комбинат дал путёвку в большой спорт многим талантливым ребятам. Так, Алексей Межевцев стал трёхкратным чемпионом Москвы в одной из самых жёстких разновидностей каратэ – кеку-синкай, 5-кратным призёром России, трёхкратным чемпионом мира. По его стопам пошёл и родной брат. А сколько маленьких ребятишек с восторгом на них взирают!

Сегодня заложен первый камень строительства в Селятино Ледовой арены с искусственным льдом, который сделает доступным для всех категорий населения многие, доселе недоступные зимние виды спорта, круглый год.

Глава XX
О РОЛИ ЛИЧНОСТИ

1. Как трест остался вне игры

В конце декабря 2010 года по инициативе Совета ветеранов, поддержанного руководством ОАО «Трест Гидромонтаж», состоялась научно-практическая конференция, посвящённая 100-летию Якова Андреевича Кузнецова. Собравшиеся ветераны треста, знавшие его десятилетиями, все как один высоко оценили деятельность этого человека и саму незаурядную личность.

В.Д. Захаров, принявший в 40 лет трест от 70-летнего Я.А. Кузнецова, по всем статьям был достоин выдвижения, но допустил лишь одну, решающую ошибку – с началом приватизации вышел из состава министерства и отправился в вольное плавание за обещанными «коврижками». Однако выплыть не смог – в «новой экономике» потребовались иные качества.

В тресте, оторванном от профессионального сообщества, пошёл процесс распада и деградации. Сами «умники», ратовавшие за самостоятельность, найти заказчиков не смогли, хотя рядом была Москва, где начинался бум элитного жилья, торговых и развлекательных центров, логистической и складской базы. И всё это по новым расценкам за большие деньги.

Трест со своими кадрами, техникой, заводом металлоконструкций, производственной и ремонтной базой остался вне игры.

Его опередили молодые хищники, нашедшие в Москве новую «золотую жилу» и, не имея изначально «ни кола ни двора», ставшие долларовыми миллиардерами.

Потрясённая Россия вместе с обобранными застройщиками, увидела молодого и отвязного ухаря-нувориша Полонского, и долго размышляла над его высказыванием: «У кого нет миллиарда, может идти в ж… у».

Свой миллиард он сделал на жильё, прибыв в Москву со стороны и умело представив себя московским чиновникам исполнителем с «понятиями». А «понятия» эти просты, как мычание.

«Делиться надо»! – подсказал ельцинский министр финансов профессор Лифшиц. Прибывшие «строители» делиться научились раньше, чем строить… Конкурировать с «героями нашего времени» старая средмашевская гвардия не сумела. Она не выучила правила, по которым всё покупается и продаётся – в том числе честь и совесть.

Но если вы так не умеете, то зачем рвать пуповину с министерством? В итоге, потеряв профильные заказы, потеряли всё, в том числе и свои должности. Каждое подразделение принялось выплывать самостоятельно, большинство утонуло.

Могло подобное случиться при Кузнецове? Трудно представить такое – это был человек-государственник, аскет, заботящийся вначале об интересах дела, о доверившихся ему людях. Приманки в виде личного обогащения на него не могли подействовать.

2. Я.А. Кузнецов – государственная личность

Я.А. Кузнецов пришёл к руководству п/я 646 (прообраз будущего «Гидромонтажа») в середине 50-х с уже состоявшимся складом характера, пониманием приоритетов и целей.

То было время, когда у руля ещё стояли «железные наркомы». Рядом с ними – Генеральные Конструкторы – полновластные правители в своих епархиях, директора крупнейших предприятий, имевшие не только широчайшие полномочия, но и огромную ответственность. Они свершили индустриализацию, выиграли войну, а в стране витал дух победителей – нам всё по плечу!

Яркий пример – Ефим Павлович Славский, его соратники и коллеги. У нас не было передовой авиации – и вот она как из-под земли появилась. К окончанию войны у нас не было ракетостроения, а уже в 1957-м мы первыми запустили спутник, а потом и человека в космос. У нас не было ядерного оружия и ядерной энергетики, но всего за 4 года мы их создали. Как всё это умещалось в столь короткий срок? Откуда брались ресурсы?

А теперь взглянем на наших олигархов, уже 20 лет как взявших на себя ключевые отрасли. Того же Дерипаску – алюминиевого короля, или Потанина – никелевого, Мордашова – стального магната, или Прохорова, неизвестно чем управляющего (помимо баскетбольного клуба в Нью-Йорке).

Об Абрамовиче, Смоленском, Гусинском – некогда медийном лице ведущих российских СМИ, или покойном Березовском умолчим в силу нулевого влияния их уворованных миллиардов на экономику России.

Какие проблемы в стране ими решены? В чём их заслуга? Понабрали в западных банках долларовых кредитов, играют на бирже, прикупая зарубежные активы, прибыль прячут в офшорах, а от кризиса к кризису лезут к государству с протянутой рукой – помоги, иначе всё отберут супостаты. Их безответственность, полная безнаказанность и сладкая жизнь, о которой трубят СМИ, рождаёт у молодых желание идти по их стопам. Бытие определяет сознание…

Но постепенно тает эйфория начала 90-х, разожжённая доморощенными пропагандистами новых «ценностей», приходит понимание, что олигархическая экономика, навязанная стране, как и бессмысленная погоня за скорой наживой – цивилизационный тупик, утрата идентичности, и, как следствие, неминуемый распад и внешнее управление. Скатившись к сырьевому придатку более сильных экономик, утратив целые отрасли народного хозяйства и отстав в развитии на 20 лет, Россия оказалась снова на развилке исторического пути…

Якову Андреевичу Кузнецову выпала другая жизнь. Его судьба – это судьба поколения, поднятого из народных низов к яркой, созидательной жизни. Он родился в крестьянской семье в Смоленской области. До 18 лет трудился пастухом на хуторе Обломовском Знаменского района[1].

В 1928 году, будто по сигналу боевой трубы, бросает это занятие и отправляется в город – учиться. Три года навёрстывает упущенное на рабфаке – великом изобретении ранней советской власти. Сколько будущих инженеров, конструкторов, учёных, руководителей промышленности прошли через рабфаки, используя предоставленный шанс как стартовую площадку!

В 1936 году оканчивает Ленинградский автодорожный институт по специальности «Инженер-механик по эксплуатации

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Личное дело Я.А. Кузнецова.

дорожно-строительных машин». С 1936 по 1941 год – работа на строительстве автомагистрали Москва–Минск и до 1947 года в системе Главного управления железнодорожного строительства МВД СССР с присвоением первого воинского звания – «Лейтенанта».

С августа 1947 года начинается его заполярная «одиссея» на строительстве № 501 Главного управления лагерей МВД СССР. До 1955 года прошёл ряд должностей от начальника электромеханического отдела Управления строительства № 501 до начальника района спецработ Строительно-монтажного управления Главпромстроя МВД СССР в звании инженера-капитана.

В эти годы развернулось строительство Трансполярной широтной железной дороги Чум–Салехард–Игарка – одного из самых грандиозных проектов времён ГУЛАГа. В нём участвовало до 80 тысяч заключённых и немалое число военнослужащих и вольнонаёмных.

Два Управления строительством шли навстречу друг другу: № 501 – от Салехарда и № 503 – от Игарки. Стройка была засекречена, о ней в стране мало кто знал.

Условия труда и жизни находились на пределе человеческих сил. Как вспоминают участники, и для заключённых, и для охранников, и для вольнонаёмных. Зимой – страшный холод, метели в темноте полярной ночи, а летом – сырость, гнус, непролазная грязь. Жили в землянках и полуземлянках, частично торчащих над землёй, в каркасно-засыпных и сборно-щитовых бараках. На человека приходилось от 1,5 до 3-х квадратных метров. Отапливались железными печками.

Трассу железной дороги в основном проложили, отсыпав насыпь по вечной мерзлоте и построив сотни временных мостов. Закончить полностью и открыть постоянное движение не успели. В 1953 году, по инициативе Берии, ГУЛАГ был упразднён, проведена амнистия. На свободу по стране вышло более 1,2 миллиона заключённых, многие стройки забросили или законсервировали.

Дорога постепенно разрушилась. Достроили лишь участок Чум–Лабытнанги (на левом берегу Оби, напротив Салехарда),

соединив его с Печорской железной дорогой. Многие годы поддерживалось функционирование телеграфной линии Салехард–Игарка–Норильск, проложенной по столбам вдоль трассы.

В 1966 году в районе прохождения магистрали открыли второе по величине в мире Уренгойское газовое месторождение. На повестку дня вновь встало строительство Северного широтного хода трансполярной железной дороги Салехард–Надым–Игарка. К тому же, ещё в 70-е станция Новый Уренгой была соединена южной веткой с Сургутом. Ныне запроектирован мост через Обь у Салехарда и ведётся строительство капитального моста через реку Надым.

Я.А. Кузнецов проработал в Заполярье 8 лет. В марте 1955 года Главпромстрой МВД СССР передаётся в Минсредмаш. С этого времени он – главный инженер МСУ-8 (п/я 646). С мая 1956 года – начальник этого предприятия с присвоением звания «Инженер-майор».

Он пришёл на роль первого руководителя, уже хорошо познав жизнь во всех её проявлениях. Отсюда, наверное, его внимательное, чуткое отношение к людским нуждам. От той школы, которую он окончил, одни ожесточаются, становятся тиранами, а в других просыпаются лучшие человеческие качества.

О встрече с Я.А. Кузнецовым ещё на Севере рассказывает ветеран треста Филоненко Филипп Тимофеевич, в то время юный выпускник дорожно-механического техникума:

В начале 1948 года к нам пришёл Я.А. Кузнецов, военный в чине лейтенанта, познакомиться с нами, молодыми специалистами и объяснить задачу по перевозке экскаваторов до конечной точки. Мы должны разобрать экскаваторы и погрузить каждый на трое специальных саней. И вот колонна из 46 тракторов двинулась в сторону Полярного Урала. Вдруг колонна, примерно на середине Уральского хребта, остановилась. Тракторист головного трактора боится дальше буксировать сани, так как впереди очень крутой проход: справа – обрыв, а слева – скала. Пришёл Кузнецов, побеседовал с трактористом – пожилым и опытным человеком, но тот наотрез отказался от дальнейшей буксировки. Тогда Кузнецов попросил его выйти из машины. Тракторист ему

место не освобождал, пока не пришёл начальник тракторной колонны. Он долго уговаривал Кузнецова не садиться на трактор. Но тот сел и благополучно прошёл этот опаснейший участок пути. Потом он ещё на двух тракторах повторил свои действия.

Март 1949 года. За год мы дошли отсыпкой железнодорожного полотна до станции Лабытнанги, и опять повторилась та же история заброски по зимнику строительной техники на участок от Лабытнанги до станции Надым. Дорога через Обскую губу была наморожена. Начальник колонны дал указание одному из трактористов взять на буксир снегоочиститель. Тракторист съехал с намороженной дороги и вместе с трактором ушёл под лед. Это было ЧП с гибелью человека.

Яков Андреевич понял, что тракториста уже не спасти, а трактор можно попытаться вытащить – там ведь человек остался. Промерили глубину – 10,5 метров.

И Кузнецов обратился к заключённым: – «Кто из вас сможет зацепить буксировочный трос за фаркоп утонувшего трактора?» И дал слово, что тому, кто это сделает, он, Кузнецов, добьётся через руководство строительством снижении срока заключения наполовину. И своего добился – трактор был поднят, а заключённому срок был снижен.

Можно представить, как подобные поступки разносятся на пространстве огромной стройки, как они отражаются на авторитете такого руководителя.

Таким он оставался всегда – спокойным, сосредоточенным и решительным. Человеком слова и дела, хорошо знающим свою цель.

Рассказывает Юрий Иванович Казаков, приглашённый Кузнецовым с одного из подольских заводов директором на строящийся Опытный завод в период его становления:

Яков Андреевич сумел вселить в меня интерес к новой работе. Он обладал талантом широкомыслящего, государственного и убеждённого человека. Признаюсь, многие его замыслы в тот момент казались мне фантастикой. Но год от года они выполнялись.

Кузнецов Яков Андреевич

За 15 лет работы, когда приходилось порой ежедневно встречаться с ним и решать разные, в том числе спорные и острые вопросы, Яков Андреевич никогда не повышал голос. Я не слышал оскорблений, крика, надменности, унижения.

Он умел убеждать по-деловому. Идёшь к нему и знаешь, что всё будет спокойно, по-деловому, и он отнесётся к тебе с сочувствием и пониманием, даже если что-то невыполнимо. Также можно отметить, что к решению личных вопросов работников он относился с вниманием, всегда оказывая необходимую помощь. Это отмечают наши бригадиры и мастера, которых Яков Андреевич часто собирал отдельно, без руководителей, как говорится, с глазу на глаз.

Приходилось удивляться его информированности в вопросах жизни и работы коллектива. Это результат его общения с подчинёнными. Его интересовало всё. Он умел отличить пустые лозунги от честной и добросовестной работы. Ценил подчинённых и видел всех насквозь. И всегда в критические моменты в работу с кадрами включался лично.

Умение опережать события, готовиться к ним, вовремя учесть обстановку и последствия были неотъемлемой частью опыта и таланта Я.А. Кузнецова.

Мне приходилось бывать на рабочих встречах Я.А. Кузнецова с заместителем министра П.К. Георгиевским, начальником Главка А.С. Пономарёвым, главным инженером Главка В.А. Крайко, и почти всегда они относились к мнению Якова Андреевича с большим уважением и доверием, всегда прислушивались к нему.

Многие запомнили Я.А. Кузнецова в уже зрелом возрасте – с благородной сединой и умным, спокойным лицом, уравновешенным характером. Но попасть к нему «на ковёр» никому не улыбалось. Он умел спросить так, что человек сам осознавал, что он чего-то не доделал, и старался побыстрее исправиться.

Это контрастировало с манерой главного инженера С.Ф. Береснева, у которого, как говорили подчинённые, «был короткий фитиль».

При этом, что важно, Кузнецов мог возражать начальству, отстаивая интересы треста, а Береснев, как вспоминают сотрудники, всегда «брал под козырёк», оставаясь принципиальным лишь с подчинёнными.

В отношениях с коллективом главным приоритетом для Якова Андреевича была справедливость, безотносительно, какую должность человек занимает.

Рассказывает Юрий Александрович Шепелев, в то время инженер-конструктор МСУ-24:

Шепелев Юрий Александрович

Меня в составе группы от МСУ-24 направили в Северодвинск и Североморск для приёма оборудования, в связи со свёртыванием работ на Новой Земле и передачей его на другие объекты треста.

Я с заданием справился, но получил взыскание. Кое-какую технику за время пути разукомплектовали, попросту ограбили. Например, с машины «Урал», пришедшей в Семипалатинск, сняли кабину. Я считал, что меня обидели, и пошёл в партком.

Секретарём парткома в то время был А.П. Сирота. Я к нему: «Петрович, ну, ёлки зелёные, ночью работал. В Североморске грузили с моря, с теплохода на железнодорожный состав в ночное время. И вдруг это взыскание! За что меня обижают?»

Он выслушал всё это дело и говорит: «Пошли!» – «Куда?» – «Пошли к Кузнецову.» Сначала он набрал номер: «Яков Андреевич, можно к тебе?» – «Можно».

Приходим к Якову Андреевичу. А.П. Сирота говорит: «Вот, пришёл мужик, слёзы льёт, что его обижают».

Он вызывает главного механика треста Н.Н. Поспелова и говорит: «А почему ты, старый конь, молодёжь обижаешь? Сейчас же отмени решение и восстанови справедливость, потому что люди там так работают! День и ночь оборудование перегружают!»

И действительно, проходит время, М.Д. Леонов (начальник МСУ-24) вызывает меня и говорит: «Слушай, а тебе ещё и благодарность объявили». Вообще, Яков Андреевич был большой души человек.

Будучи человеком умным и дальновидным, Я.А. Кузнецов выработал дипломатические навыки в отношениях с вышестоящими инстанциями. Он не рубил правду-матку сплеча, не становился в позу, а шёл к своей цели терпеливо, но неуклонно, часто обходными путями. Понимал, что добрые отношения с начальством должны с его стороны оплачиваться исполнительностью и обязательностью. Это рождало у начальства уверенность – «что ему ни поручи – справится». Но и как не пойти навстречу такому товарищу?

Поэтому ему удавалось без задержки решать вопросы прописки, землеотвода, подключения к сетям с местными партийными и советскими органами, так же, как и добиваться нужного финансирования, выделения техники и получения различных разрешений и согласований в Главке и Министерстве.

С вниманием и готовностью относился Я.А. Кузнецов к заданиям по сельскохозяйственному строительству в Наро-Фоминском районе.

В начале 70-х трест выполнил уникальные работы на Кузнецовском свинооткормочном комплексе, первом в стране по производству 12–ти тысяч тонн мяса в год, на бройлерной птицефабрике «Дружба» под Наро-Фоминском на 15 тысяч тонн мяса бройлеров, а также ещё в десятке совхозов района своего базирования.

Выполнялись задания по изготовлению металлоформ для домостроительного комбината, оборудования для птицефабрик, жилищному и промышленному строительству.

Как уже говорилось, в конце 70-х подразделениями треста, по поручению Московского обкома партии, всего за полгода была построена экспериментальная деревня Софьино по соседству с Селятино, с великолепной школой и семейным клубом.

Её посетила группа членов Политбюро вместе Предсовмина СССР А.Н. Косыгиным. Побывали там позже и Горбачёв, и Ельцин. Правда, примером в масштабах страны этот опыт усадебного строительства не стал.

Хотя можно предположить, что при принятии его на вооружение людям, занятым строительством дома для собственной семьи, в конце 80-х стало бы недосуг бегать на митинги и защищать прибалтийских националистов.

Но не случилось. Всё пошло по накатанной дорожке к последовавшей через 7 лет «горбачёвщине».

Тем не менее это не умаляет деяний треста и самого Я.А. Кузнецова, который на той встрече с высшим руководством страны скромно стоял сзади.

Масштаб личности можно оценить лишь с временной дистанции, абстрагируясь от горячки будней, когда всякое бывало.

Бывали и недовольные, и обиженные действиями начальника треста. Но на поверку остаются результаты, а не слова и эмоции. Многие ветераны, пришедшие в трест совсем молодыми и отдавшие ему лучшие годы жизни, называют его своим учителем, а некоторые отцом.

Яков Андреевич Кузнецов был не просто хозяйственник, руководитель организации. Он был государственным человеком, не замыкающимся лишь на корпоративных интересах. Он понимал, что нужно стране, нужно государству.

Крах Советского Союза стал возможен лишь с эрозией этих качеств у многих представителей советской элиты. Стремление к созиданию как-то ползуче и незаметно вытеснило новое божество – личное обогащение.

3. В Тресте «Гидромонтаж» – новый руководитель

На смену Я.А. Кузнецову в 1980 году пришёл Валерий Дмитриевич Захаров[1]. Его назначение стало для многих полной неожиданностью и, прежде всего, для него самого. В министерстве довольно долго решали – на какой кандидатуре остановиться. На роль начальника треста готовился А.М. Уланов. Тоже полковник, выросший в тресте с лейтенанта, руководитель МСУ-28 и вот уже в течение трёх лет занимавший должность замначальника треста.

Но, при более глубоком изучении вопроса в 12-м Главке и в Управлении кадров Министерства засомневались.

Захаров Валерий Дмитриевич

Вопрос касался личных качеств Алексея Михайловича Уланова. Как производственник он был готов, но руководить ему придётся людьми, а не механизмами, огромным, многотысячным коллективом, и в острых ситуациях неизбежны сравнения с Я.А. Кузнецовым.

И вот здесь была существенная разница – в отношении А.М. Уланова к людям, как к расходному материалу производственного процесса.

В роли «кронпринца», без пяти минут большого начальника, в расцвете сил, он считал себя вправе подтрунивать над стариком-Кузнецовым, выработавшим, по его мнению, ресурс. Вроде в шутку, но это резало глаз. Сослуживцы, знавшие его смолоду, говорили: «Алексей Михайлович перешагнёт через любого, если посчитает, что это ему на пользу».

Ошибки при подборе руководящих кадров уже бывали и дорого обходились для дела. Если коллектив не принимал такого выдвиженца, то вместо производства приходилось заниматься

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1-лс. Л. 148–181.

выяснением отношений и, в конце концов, искать замену. Рисковать одним из лучших трестов в министерстве не захотели.

Остановились на кандидатуре В.Д. Захарова – начальнике МСУ-28, в то время крупнейшего подразделения треста, своей специализацией давшего ему название. Кандидатура, как положено, была согласована с Московским обкомом и оборонным отделом ЦК.

Валерия Дмитриевича вызвали в министерство, провели по высоким кабинетам, в том числе и в ЦК, и на другой день представили в тресте. Корабль «Гидромонтаж» пошёл дальше прежним курсом, не снижая скорости.

Захарову, как он рассказывал, потребовалось время для морально-психологической перестройки, чтобы воспринять как должное свалившуюся на плечи весьма нелёгкую ношу.

Алексея Михайловича Уланова неожиданный оборот дела, крах всех надежд выбили из колеи. Он выпал из захаровской команды. Вроде бы и брался за то, что ему поручали, но без огонька, без неизбежного риска, когда надо брать на себя ответственность. Получилось – получилось, а не вышло – и так сойдёт, и я здесь ни при чём! Захаров не считал для себя возможным ему на это указывать.

В Главке и в Министерстве это видели и предприняли шаги, чтобы развести бывших конкурентов. Уланову была предложена должность начальника военного училища в Дубне с квартирой и перспективой генеральского звания. Но он отказался и, обиженный на всех, бессмысленно тащил свой камень в гору, всё надеясь что-то доказать.

В.Д. Захаров сумел адаптироваться к новым условиям работы и к своему положению. Производство он знал досконально, не зря месяцами сидел в командировках. Теперь, как сам считал, необходимо было поглубже вникнуть в дела буровиков и технологию механомонтажа. Но это было делом времени. Базовое инженерное образование позволяло – Московский инженерно-строительный институт, который он окончил в 1961 году по специальности «Инженер-гидротехник». Учили тогда хорошо.

Распределение получил в систему Минсредмаша, в п/я 646, где поработал проектировщиком в гидротехнической группе

отдела главного технолога. Затем – МСУ-28, путь в 15 лет от прораба, начальника участка, начальника ПТО до главного инженера и руководителя предприятия.

На выбор профессии и на место работы повлиял авторитет отца – Дмитрия Семёновича Захарова – крупного строителя, хорошо известного в системе. Он руководил строительством первого промышленного атомного реактора «А», ряда гидротехнических сооружений, о нём в своей книге с уважением вспоминает генерал армии Комаровский, в то время начальник Главпромстроя МВД СССР.

Соответствовал ли В.Д. Захаров столь ответственной должности? Ответ дали последующие 13 лет его руководства, когда трест развивался, наращивал объёмы, не срывал ответственных заданий. Рос и развивался посёлок Селятино, где перешли к строительству домов повышенной этажности и комфортности, построили великолепный спортивный комплекс, наращивали социальную и производственную базу.

Такое само не приходит. Это плоды успешного управления, результат спокойной, деловой обстановки в коллективе, товарищества, взаимовыручки большого числа людей, нацеленных на дело, умения ладить с верхним этажом – Главком и Министерством.

Ему приходилось летать на объекты в персональном самолёте министра Славского, беседовать с ним. И хотя он сам об этом не говорил, было понятно, что легендарный министр благоволил к молодому и хваткому монтажнику.

Хорошо известно, что руководителей строительных трестов, как шрамы бойцов, украшали выговоры, строгие выговоры, угрозы снятия с работы. Но у людей стойких, сильных характером они только дубили кожу. К тому же это компенсировалось орденами, премиями, почётными званиями.

Известен конфликт Захарова с первым секретарём Томского обкома партии Е.К. Лигачёвым, в последующем переведённым в Москву, на кадры, и притащившим в ЦК (на свою голову) Ельцина.

На совещании на строящемся средмашевском объекте он в своём стиле пригрозил снять Захарова с работы и исключить из партии. Обвинение было несправедливым – не разобравшись, товарищ погорячился. На это всегда спокойный и малословный

начальник треста встал и, не оправдываясь, дерзко заявил, что, мол, руки коротки – снять с работы его может лишь Министерство, а из партии исключить только Московский обком, где он стоит на партучёте. После чего покинул зал.

Болея за дело, Захаров не жалел себя. Месяцами сидел в командировках, вытягивая отстающие работы, вникал в детали, как рядовой прораб, а иногда и просто рисковал жизнью.

Как-то произошла утечка радиоактивности на действующем объекте. Прорвало трубу, хлынул поток воды с повышенным фоном – таким, что зашкаливало дозиметр. Нужно было определиться с характером аварии, выработать схему её устранения, для чего провести разведку. Начальник треста не послал кого-то, хотя имел такое право, а на резиновой лодочке отправился сам.

В памятные апрельские дни 1986 года, когда объявили о чернобыльской аварии, он сказал:

Мне дали день на подготовку, а затем приказали вылететь в Чернобыль и произвести разведку по своей части, чтобы определиться, какие силы и средства туда перебрасывать. Я не полечу, а поеду на УАЗике со своим водителем Ваней Бабием и возьму с собой Геннадия Сазонова.

Помимо необходимого оборудования и всего для жизни в тех условиях загрузим пару ящиков «Столичной». Как у Высоцкого: «Говорят, „Столичная“ очень хороша от стронция».

Кто был там, рассказывают, как Захаров лично шёл туда, где опасно. Ещё и подтрунивал над трусостью некоторых прибывших из столицы начальников.

Из-за отсутствия необходимых дозиметров в первой командировке он толком и не знал, сколько рентген нахватал. Так, приблизительно – на пределе, хотя на самом деле выше всяких пределов.

По какому-то закону подлости, награды, почести и деньги первыми получают «штабные», которые крутятся возле начальства и видят битву со стороны. А подлинные герои остаются в тени или безвестными сходят в могилу.

Захаров не озаботился своевременно оформить ни своё участие как ликвидатора, ни инвалидность. Не обращался даже

в селятинскую медсанчасть для фиксации последствий облучения, считая это использованием служебного положения. Хотя медсанчасть № 48 в составе третьего Главного управления Минздрава СССР на этом специализировалась.

Ну, а потом, когда всё рухнуло, что-либо доказать стало практически нереальным. Только в самом конце жизни ему присудили прибавку к пенсии, которой он так и не воспользовался. А ведь болезнь, его сгубившая – прямое следствие облучения, что и было официально признано Государственной медкомиссией, как говорится, «постфактум», когда уже было поздно.

Можно сказать, что умные люди в своё время разглядели в нём лидерские качества в сочетании со спокойным, уравновешенным характером, житейской мудростью, позволявшие принимать взвешенные, продуманные решения.

Ещё в студенчестве он был старостой группы. Как-то профессор М.И. Сканави, известный учёный, автор учебника математики, блестящий, артистичный и любимый студентами преподаватель, спросил в присутствии всей группы: «Скажите, Захаров, почему вас называют Дедом?»

Не задумываясь, тот ответил в духе учителя: «За мудрость, Марк Иванович, за мудрость!»

За этой шуткой скрывалось нечто серьёзное. Он был на голову выше страстишек, свойственных мелким людишкам, любителям всяческих интриг, подсидок и склок. Всегда был сосредоточен на деле, в котором стремился разобраться до тонкостей. Он был немногословен, лаконичен, не любил пустых разговоров.

Его «теза» – «Совещание, которое длится более часа, считается неподготовленным».

О таких руководителях говорят – он технократ, и добавляют – хозяйственник. Личные интересы, деньги для них на 9-м месте. Их амбиции лежат в другой плоскости. Таким был и Кузнецов, и в этом смысле Захаров достойный его преемник. Беда только, что к концу 80-х подобная генерация оказалась вымирающей, как мамонты.

Ей на смену пёрли карьеристы и прилипалы, готовые пройти по головам с совершенно другими устремлениями. Они-то и поделили, когда легла карта, советский пирог.

4. На переломе

В сердце Валерия Дмитриевича открытой раной было чувство вины за допущенные ошибки при акционировании треста, который с горбачёвской перестройкой был переименован в Производственное монтажно-строительное объединение (ПМСО).

Наши люди кинулись в этот омут с головой, руководствуясь больше эмоциями, чем разумом. Ошибиться тогда мог любой – мало кто толком разбирался в хитросплетениях приватизации, обрушившейся как стихийное бедствие. Но стать собственником, как трубила пропаганда, разбогатеть на халяву, охотников нашлось много. Телевизионная реклама неустанно крутила историю разбогатевшего Лёни Голубкова с его клоунской антрепризой – «Я не халявщик, я партнёр!»

Ошибок допущено было несколько – стоило ли создавать после раздачи акций в коллективе открытое акционерное общество, предполагавшее свободное движение акций, или лучше было ограничиться закрытым (ЗАО), с именными акциями без права их продажи? Осмотреться и разобраться.

Спешили, будто на последний поезд, но вскоре контрольный пакет скупили посторонние шустрые люди, которые, став подлинными собственниками, сменили и руководство. Незамысловатая двух ходовка, которую не распознали.

Второй (параллельной) ошибкой был выход из министерства и поиск собственного пути в штормовом море дикого рынка.

Можно предположить, что работники треста, с лёгкостью продававшие свои акции неизвестно кому за копейки, не ведали, что делают. Поверили рекламе, позарились на небольшие, в сущности, деньги, но, однозначно, не хотели губить собственное предприятие. Им просто внятно не разъяснили.

Ну а когда это случилось, нашли крайнего – начальника треста В.Д. Захарова. Почему не оградил? Почему не защитил?

Такова правда жизни – воюющая армия боготворит победителей, а поражение – всегда сирота. Все разбегаются и указывают на одного – кто на самом верху.

Мы уже задавались вопросом, почему руководство треста вкупе с руководителями подразделений хотя бы на селятинской площадке не сумели выйти на строительный рынок Москвы.

Почему не предвидели скупку акций в ими же созданном ОАО и не подготовились к противодействию?

Не хватило денег? Но ведь можно было продать часть техники, добиться кредита под залог имевшихся активов, но обязательно победить. Ничего этого не произошло. Позиции были сданы без боя.

Но осуждать, тем более задним числом, зная результат, всегда легко. Лучше вспомним, какая была атмосфера в обществе. Как «на ура» воспринимались «реформаторы» во главе с «харизматичным» Ельциным, победившим надоевшего пустозвона Горбачёва.

Какие заманчивые картины рисовались молодым да ранним Гайдаром, пробивным, как полковая гаубица, Чубайсом?

Как многим виделось скорое богатство – надо, мол, только вовремя подсуетиться с дележом госсобственности. Нельзя отстать!

Вокруг Захарова крутилась толпа советчиков, его толкали в спину. Но главную свинью всем подложил зам. по экономике – чрезвычайно активный И.А. Переверзев, возомнивший себя большим спецом, видевшим дальше других.

Вряд ли это был шекспировский злодей, специально подводивший под монастырь своего начальника, играя на другой стороне. Скорее всего – банальная некомпетентность, профессиональное невежество. Свидетельством тому его нынешний статус. Переверзев по-прежнему живёт в Селятино, не нажил «палат каменных», и его самого, как и остальных, «кинули» в лучших традициях того времени.

Но, несмотря на несостоятельность Переверзева, решения принимал Захаров. И он не мог себе этого простить, неся груз вины до конца жизни. Признавался, что не может спокойно смотреть в глаза людям и не рискнул приехать на 55-летие треста в 2010 году.

Хотя тот же Переверзев, да и другие «советчики», чувствовали себя как ни в чём ни бывало.

Но Валерий Дмитриевич не оценил своих товарищей. Проводили его в последний путь достойно. В памяти людей остаются дела, а не эмоции.

5. Судьба человека как отражение судьбы поколений

Скажем подробнее ещё об одной яркой личности Треста «Гидромонтаж» – уже упоминавшемся ранее Михаиле Дмитриевиче Леонове. Он пришёл в «Гидромонтаж» в 1971 году начальником МСУ-24, будучи не только классным специалистом-буровиком, но и соавтором нового способа реактивно-турбинного бурения скважин большого диаметра и глубины, освоенного на Донбассе.

13 лет его работы в МСУ-24 ознаменованы самыми крупными достижениями буровиков, отмеченными многими правительственными наградами, почётными званиями и новыми технологиями на базе изобретений. Это был «золотой век» старейшего подразделения «Гидромонтажа», выросшего объёмами работ настолько, что встал вопрос о создании на его базе нового бурового треста на селятинской площадке.

Все, кто общались с Михаилом Дмитриевичем в тот период, отмечают его светлый ум, выдающийся профессионализм, организаторские способности и человечность в отношениях с людьми.

Его авторитет в коллективе был всегда высок, в известной степени являясь залогом благожелательной атмосферы, творческого поиска, открытости и товарищества.

С такими руководителями легко работается, о них долго помнят, а когда они уходят из жизни, говорят: «Светлый был человек».

Судьба М.Д. Леонова – зеркальное отражение судьбы целого поколения – детей фронтовиков, которые сами, в силу малости лет, не успели повоевать, но вынесли на плечах тяжесть военных и голодных послевоенных лет наравне со взрослыми.

С августа 1941 года по сентябрь 1943 года, пятнадцатилетним подростком он оказался на оккупированной немцами территории, под Смоленском. После освобождения добровольцем в семнадцатилетнем возрасте пошёл в Красную Армию, где прослужил 7 лет до 1950 года.

За годы службы закончит 8-й и 9-й классы средней школы, а после демобилизации – 10-й. Затем – Ленинградский горный институт, дневной факультет, после окончания которого, в 1956 году, получит распределение в Донбасс, где пройдёт трудовой путь от начальника буровой партии до управляющего трестом.

Тяжёлое время учёбы – начало 50-х, в стране голодно, длинные очереди за хлебом. Как мог выжить студент без поддержки из дома? Сейчас это трудно понять, но тогда – мог!

Бесплатное общежитие, стипендия, дешёвая студенческая столовка-кормилица, случайные подработки, присущий таким людям аскетизм…

Подобная целеустремлённость, неистребимая тяга к знаниям, к постоянному новаторству в своём деле – характерная черта этой неординарной, одарённой личности. Он пришёл за высшим образованием, имея не по годам горький жизненный опыт и раннюю седину.

Из воспоминаний жены, Анны Тихоновны Леоновой, с которой он встретился в светлые времена студенчества и прошёл всю жизнь:

В 1941-м Смоленск уже был оккупирован фашистами. Начались зверства. В лесу поймали дядю, маминого брата, партизана. Всю деревню согнали на площадь, и на глазах у жителей заставляли его рыть яму. Когда вырыл, фашисты его закопали. Живого! Зимой они подожгли дома. Жить было негде. Случайно не сгорела банька, где они и ютились всей семьёй.

Отец попал в плен под Смоленском, его загнали в концлагерь, где замучили и ещё живым крючком стянули в яму, где лежали такие же.

Сейчас на этом месте воздвигнут памятник, где в длинном списке погибших выгравировано имя Леонова Дмитрия Дмитриевича. Миша стал старшим мужчиной в семье. Любимый старший брат Алексей погиб в 20 лет в Брестской крепости в 1941 году.

Жить было негде. 15-летний Миша и 13-летний брат Дима, голодные, обессиленные, начали строить домик. Из леса волоком тащили брёвна. Они казались совершенно неподъёмными, пила была больше, чем ребята. И всё же выполнили непосильную задачу – построили небольшой домик с печкой.

Но при отступлении немцы во второй раз лишают семью дома, разобрав его по брёвнам для строительства оборонительных сооружений. Всех подростков фашисты согнали в Смоленск для работы на лесопилке. Работа шла под наблюдением немецких солдат. За неповиновение, попытку убежать – концлагерь.

Работать на врага Мише было мучительно, он страдал, искал выход. Ему потребовался месяц, чтобы разобраться в устройстве двигателя и разработать план – при работе вставить клин в механизм. Машина сломалась. Долго не могли обнаружить виновного. Фашисты арестовали всех рабочих, грозились всех расстрелять, если не выдадут виновного.

Чтобы спасти друзей, Миша сознался. Его посадили в одиночку, три дня над ним издевались – хотели выяснить сообщников. В итоге приговорили к расстрелу.

Бежать помогла учительница немецкого языка из его школы, работавшая переводчицей в тюрьме. Она достала немецкий пропуск и предупредила, чтобы домой не появлялся.

Миша долго скрывался в лесу на болотах. Умирал от голода, поседел.

«Память, стой, замри, это надо,
То из жизни моей – не из книжки…
Из растерзанного Смоленска
Привезли седого мальчишку.
Я смотрела на чуб с перламутром
И в глаза его очень взрослые.
Среди нас он был самым мудрым,
Поседевший от горя подросток…»

Человек, переживший такое, ценит жизнь, глубже понимает людей во всех проявлениях их сущности. Или ожесточается, или идёт по жизни с добром.

М.Д. Леонов был человеколюб, оптимист, а также прирождённый инженер-практик, блестящий организатор производства. Он держал дисциплину не угрозой наказания, а осознанием каждым личной сопричастности к тому большому, государственному делу, которое сообща вершилось.

Леонов прибыл в МСУ-24 не один, а с группой специалистов-буровиков из Донбасса. Он расставил их на решающих участках,

и они сумели быстро вписаться в коллектив, найти своё место. В.П. Коротков стал главным инженером управления, Л.С. Матюшенко – начальником технического отдела, Л.Н. Любимцев – начальником участка на Семипалатинском полигоне, В.С. Соколов – главным механиком управления, А.А. Беликов – старшим прорабом буровых установок, И.Л. Щербина, В.Ф. Скоморохов, А.И. Гайдаш – буровыми мастерами на Новой Земле.

Эти люди привнесли техническую культуру, подняли общий уровень управления. Велик их личный вклад в выполнение государственных задач как на испытательных ядерных полигонах в Семипалатинске и на Новой Земле, так и на урановых рудниках в Навои и Учкудуке, на строительстве шахтных стволов большого диаметра под ключ.

Министерство задумалось о формировании на базе МСУ-24 на селятинской площадке второго монтажного треста с упором на производство большого объёма буровых работ с использованием передовых разработок.

И только ранний уход из жизни М.Д. Леонова в 1983 году снял этот вопрос с повестки дня.

Его ученик и соратник Александр Александрович Беликов, тоже личность незаурядная, так сказал о Леонове:

Это человек, в котором признавали безоговорочно нравственное превосходство, идущее от благородного, ничем не замутнённого чувства долга перед делом и Родиной. Всю жизнь его отличал не показной, а естественный демократизм и природный аристократизм духа. Он был прост, обаятелен и благороден. В нём просматривалась особая, спокойная основательность, прочный нравственный стержень. И ещё одно – он был прирождённым руководителем социалистического типа. Его не стало 9 мая 1983 года после сложной операции. Он ушёл из жизни на День Победы, как солдат, не вернувшийся из боя.

Глава XXI
ЧЕРНОБЫЛЬЦЫ

1. Нам не забыть тот взрыв, Чернобыльский разлом…

Катастрофа на Чернобыльской АЭС произошла ночью, в 1 час 23 минуты по московскому времени, 26 апреля 1986 года. Это была одна из крупнейших атомных станций Советского Союза – четыре действующих энергоблока-миллионника и два строящихся. Она производила 10% всей электроэнергии Украины – экономически самой развитой республики Советского Союза.

Взрыв произошёл на 4-м энергоблоке, здание которого частично обрушилось, а в окружающую среду было выброшено огромное количество радиоактивных веществ, в том числе наиболее опасных – йода-131, цезия-137, стронция-90. Остатки активной зоны расплавились, смесь из расплавленного металла, песка, бетона и фрагментов топлива растеклась по подреакторным помещениям.

Окружающая 4-й энергоблок территория оказалась завалена радиоактивными фрагментами начинки реактора и частей строительных конструкций.

Масштабы и последствия катастрофы носили планетарный характер. Под радиоактивные осадки попала территория Украины, Белоруссии и России в 200 тысяч квадратных километров, соразмерная с Польшей. Задела страны Северной и Восточной Европы. В СССР пришлось отселять большое число населения, устраивать необитаемые заповедные зоны.

К устранению аварии, непосредственно на станции, были привлечены десятки тысяч человек, признанных позже «ликвидаторами». Тысячи из них заплатили своими жизнями и здоровьем. 600 тысяч человек в стране признаны пострадавшими.

Уже на второй день, 27 апреля, было осуществлено выселение всех жителей города Припять, расположенного в 18 километрах от АЭС, установлена 30-километровая запретная зона с последующим принудительным отселением проживающих. Масштаб происшедшей катастрофы стал доходить до сознания высшего руководства страны, которое поначалу заняло позицию приуменьшения и умолчания.

Страх перед последствиями Чернобыля охватил Европу. Атомная энергетика во всём мире получила нокаутирующий удар.

С 1986 по 2002 год в мире не построили ни одного атомного энергоблока. Экономические и нравственно-психологические последствия Чернобыля позже легли на чашу весов, сыграв деструктивную роль в распаде Советского Союза и советской идеологии. Они подорвали доверие народа к главному перестройщику М.С. Горбачёву и вкупе с его антиалкогольным законом и последующими глупостями низвели в народном сознании, поначалу принятого как реформатора, на уровень антигероя и козла отпущения всех грехов.

Перестройка – важный фактор,
Да не выдержал реактор,
И теперь советский атом
Вся Европа кроет матом…

Единого, общепринятого мнения о причинах аварии в экспертном сообществе нет до сих пор. В 1986 году, по горячим следам, Государственная комиссия причиной квалифицировала ошибки операторов энергоблока.

Но уже в 1993 году ею были названы конструктивные недостатки самого реактора РБМК-1000.

Истина, как всегда, посредине. Альтернативные версии о воздействии шаровой молнии, локальном землетрясении или диверсии с атакой тектоническим оружием наукой не рассматриваются.

Сложность окончательного вердикта в том, что в научном сообществе нет единой точки зрения на природу самого взрыва, разрушившего реактор. По одной версии – это паровой взрыв, по другой – химический или даже ядерного характера.

Главный вывод из происшедшего, на долгое время закрепившийся в сознании мировой общественности – атомная энергетика на сегодняшний день – дело дорогое, небезопасное и загрязняющее планету радиоактивными отходами с периодом полураспада в тысячи лет. Их уже сегодня некуда девать. А что будет завтра? А если террористы? Многие страны стали закрывать свои АЭС, а другие отказываться их строить.

К атомным электростанциям снова вернулись в начале нового века от безальтернативности – химические виды топлива тоже портят экологию и к тому же исчерпаемы.

Выход – в поиске и овладении источниками энергии на иных физических принципах. К этому идёт дело при переходе человечества к шестому технологическому укладу. Вот только кто его первым оседлает?

Хотя ЧАЭС входила в состав Минэнерго, руководство страны для ликвидации аварии доверилось Минсредмашу. 15 мая принимается Постановление Правительства СССР, в котором определяются задачи министерств и ведомств, устанавливается срок ликвидации аварии – конец 1986 года.

Всё закономерно – именно в ведомстве Славского трудились лучшие кадры атомщиков – учёных, проектировщиков, эксплуатационников урановых комбинатов, строителей и монтажников. Имелся опыт устранения аварий, связанных с утечкой радиоактивности, начиная с сопоставимой по масштабу аварии 1957 года на «Маяке».

В министерстве создаётся штаб по ликвидации последствий аварии во главе с заместителем министра А.Н. Усановым. В его состав входит начальник 12-го Главка В.И. Рудаков.

Они вылетают на место, проводят там много времени, входя во все детали, намечая последовательность и характер предстоящих работ по локализации радиоактивного заражения. Подтягивают людей, технику, организуют ротацию кадров с тем, чтобы ограничить их пребывание 30-ю днями.

Приказом министерства 20 мая создаётся специальное Управление строительством УС-605, которому предстоит в рекордный срок построить над разрушенным 4-м энергоблоком гигантское противорадиационное укрытие, названное позже «Саркофагом», очистить территорию от радиоактивных обломков.

Предстояло в кратчайшие срок, выдать все проектные решения, проложить дороги, подключить электроэнергию, обеспечить непрерывную поставку бетона, металлоконструкций, устроить безопасное и оборудованное всем необходимым жильё для тысяч прибывающих людей.

2. Презрев опасность, в радиоактивное пекло

Начальник Треста «Гидромонтаж» В.Д. Захаров на совещании у министра Е.П. Славского 23 мая назначается заместителем начальника УС-605 по монтажу и получает задание по выполнению работ на аварийной станции. Уже 25 мая 1986 года вместе с Г.В. Сазоновым, Е.В. Шапошниковым и водителем И.В. Бабием он выезжает на машине на объект[1].

Они пробудут там полтора месяца, до 12 июля 1986 года. За это время В.Д. Захаров произведёт разведку, в том числе облёт территории станции на вертолёте, определит характер предстоящих работ и, поддерживая связь с трестом, наметит первые смены специалистов, которые вскоре начнут прибывать на место.

Основная тяжесть легла на коллективы МСУ-23 (инженерные коммуникации) и МСУ-24 (буровые работы), хотя там побывали специалисты и из других подразделений треста – в общей сложности 380 человек, в том числе более 30 инженерно-технических работников.

Сам В.Д. Захаров уже в первой командировке нахватает большие дозы облучения, которые поначалу даже не фиксировались. Когда доза перевалила за 20 рентген (на самом деле гораздо больше), его отправили домой. Большую часть времени с ним находился Г.В. Сазонов.

Также безоглядно вели себя руководитель министерского штаба А.Н. Усанов и начальник монтажного Главка В.И. Рудаков.

Презрев опасность, эти люди с блеском исполнили порученное им дело. Платой станет их ранний уход из жизни.

Заслуживают высокой оценки принимаемые управленческие решения, и среди них – чётко организованный конвейер по замене одних специалистов, по мере накопления ими предельных доз облучения, другими, прибывающими к сроку и в нужном составе.

Благодаря принятым комплексным мерам, координации работы тысяч людей, сооружение «Саркофага», названного в официальных документах «Укрытием», завершилось на месяц раньше установленного срока.

---

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1. Д. 01-37. Л. 1–3.

30 ноября 1986 года это циклопическое сооружение Государственная комиссия приняла в эксплуатацию.

Помимо прокладки трубопроводов и бурения скважин для обеспечения водой бетонных заводов, монтажа самих заводов, специалисты подразделений Треста «Гидромонтаж» были задействованы на изготовлении на Опытном заводе и монтаже на месте более 300 тонн металлоконструкций для «Саркофага».

14 заводчан откомандировали на ЧАЭС для установки свинцовой защиты прибывающей на площадку тяжёлой строительной техники.

Свой весомый вклад внесли водители УМАТа, доставлявшие бетон к месту сооружения саркофага, а также крановщики при погрузочно-разгрузочных работах, монтаже трубопроводов и металлоконструкций.

Когда приняли решение монтировать конструкции укрупнёнными блоками, собираемыми на монтажном полигоне у аварийного реактора, в работу вступили 300, 500 и 650-тонные краны. Для обслуживания этих штучных, уникальных машин были вызваны электрики, гидравлики, слесари из того же УМАТа.

Предоставим слово участнику тех событий, в то время начальнику МСУ-23 Юрию Андреевичу Канову:

В работе принимали участие практически все подразделения Треста «Гидромонтаж» во главе с В.Д. Захаровым, который находился там дольше всех, запредельно, не соблюдая нормы и не глядя на дозиметры.

Собрали и мы свой караван. Автомашины загрузили трубами из своих запасов, генераторами, сварочными аппаратами,

Канов Юрий Андреевич

арматурой. Взяли тушёнку, макароны, гречку, сухие пайки, запасную одежду и обувь, одеяла. Каждая мелочь была важна.

В первый рейс со мной поехали лучшие бригадиры, классные сварщики, молодые ребята-монтажники, сантехники. Никто не отказался. Надо – так надо. Спасибо им всем и земной поклон за всё.

Радиационный фон был высокий, и долго работать человеку было смертельно опасно. Люди менялись, одни уезжали, другие приезжали, текучка была большая. Нужно было всех расселить более или менее безопасно и, главное, обеспечить водой бесперебойно, чтобы смывать радиоактивную пыль.

У нас была задача обустроить два военных городка со всей инфраструктурой, а также наладить водоснабжение бетонных заводов, непрерывно подающих бетон на сооружение «Укрытие», его потом назовут «Саркофагом».

Вместе мы выстояли, с задачей справились и даже получили благодарность от Минсредмаша.

Чернобыльцы-ликвидаторы вспоминают, что молодых ребят – выпускников профтехучилищ, солдатиков, старались по возможности беречь, не посылать в особо опасные зоны – это был негласный закон. Говорят и о патриотизме простых людей – когда требовались добровольцы, они всегда находились.

По свидетельству участников, когда встал вопрос о возведении разделительной стенки между третьим и четвёртым блоками станции, размером 34х72 метра и толщиной в один метр, – один из важнейших элементов укрытия – решили отобрать 105 монтажников и сварщиков из числа резервистов, призванных военкоматами на шесть месяцев. Вызвали добровольцев, пообещав после выполнения задания отпустить всех по домам, и недостатка в них не было.

Задание они выполнили за две недели, работая под прямым воздействием радиации в виде радиационной пыли, поднимаемой строительной техникой и автотранспортом, что ещё более опасно. Дышать приходилось через респиратор.

В то же время Валерий Дмитриевич Захаров с презрением рассказывал, как ловчили некоторые чиновные люди, изображая усердие, но сторонясь опасных зон, предпочитая посылать других.

Михайлов Виктор Васильевич

Большая часть работников монтажного района ночевала в пионерлагере за 120 километров от места работы. Только дорога занимала по два часа в один конец, да плюс рабочий день с восьми утра до восьми вечера, да без выходных. Когда случались радиоактивные выбросы на станции, это ощущалось в виде першения в горле ржавым железом.

О том времени рассказывает Виктор Васильевич Михайлов:

12 июля 1986 года меня вызвали к главному инженеру треста С.Ф. Бересневу. Вместе с заместителем начальника треста по кадрам Д.С. Горожанкиным они предложили мне срочно выехать в Чернобыль в качестве кадровика в штаб монтажного района УС-605. На раздумье дали одни сутки. Уже 13 июля я вместе с бухгалтером МСУ-28 А.Е. Евсеевым и старшим инженером планово-экономического отдела Л.П. Сунцовым вылетел к месту назначения. Штаб монтажного района находился в двухэтажном здании сельхозтехники, рядом, через дорогу, была вертолётная площадка.

Под окнами штаба проводились сборка и сварка металлоконструкций для разделительной стенки. Монтажный район занимался укрытием взорвавшегося реактора. Мне особенно запомнились Рудаков Владимир Иванович, начальник 12-го Монтажного главка (умер вскоре после Чернобыля в московской поликлинике) и начальники монтажного района В.В. Мигунов и Ким (ныне покойный), которые круглые сутки находились в 30-километровой зоне, решая производственные вопросы.

По своей работе я почти ежедневно бывал у руководства штаба, получал задания по обеспечению монтажного района кадрами нужных профессий, посылал заявки на пополнение взамен убывших рабочих. Принимал на работу командированных и увольнял при получении дозы облучения 20–25 БЭР ежедневно от 100 до 250 человек.

3. На пути радиоактивного шлейфа

Монтажники, буровики, механизаторы подразделений треста, работавшие на атомных объектах и ядерных полигонах, больше других имели представление об опасности и коварстве радиации.

Многие знали о последствиях 1957 года на «Маяке» и, тем не менее, шли туда, где требовались их опыт и умение. Не деньги же, в конце концов, двигали такими поступками!

Отказы от командировки были редким явлением и чаще всего обоснованными. Подобное поведение – не одно лишь проявление личного мужества каждого из ликвидаторов-чернобыльцев, за что им слава и благодарность, но и образец нравственности, чувства сопричастности к судьбам страны, характерные для психологии советского человека. Таков был тогда психологический фон.

Как и массовое самопожертвование на фронте и в тылу ради победы в Великой Отечественной войне.

Тем большей загадкой остаётся безразличие и безволие тех же советских людей, допустивших всего через 5 лет распад Советского Союза, своей общей, большой Родины (исторической России, создаваемой веками потом и кровью поколений), когда верх взяла группа временщиков-стяжателей со своими «новыми» ценностями.

Не материальные же причины (и не такое переживали) и не жажда западных канонов демократии так замутили общественное сознание, что из него выпало понимание простой истины – реформы (улучшение жизни) и разрушение собственной страны – диаметрально разные вещи!

Глядя на корчи близкой по крови и духу Украины, мы наблюдаем тот же симптом массового отравления.

Бригада Н.Т. Глебова на фоне роторного экскаватора ЮГ-2

Близкие нам люди перестали нас понимать, как пациенты психиатрической клиники не узнают родственников. Неужели таким вселенским ядом оказались всего лишь информационные технологии, подмена понятий, наглая подтасовка фактов?

Скорее, это набор инструментов – где-то рядом скрывается сам хирург, охотник за органами, склонившийся со скальпелем над усыплённой жертвой. Остаётся признать, что мозговые центры за океаном всё-таки обрели свой «философский камень», так и не найденный средневековыми алхимиками.

Проворачивая свои «оранжевые революции» (смена неугодных режимов), они с его помощью вселяют злой дух в глиняного истукана. И вот он встаёт и начинает шагать, круша всё на своём пути. Даже если его завалят, то те, кто послал, ничем не рискуют – ядерные ракеты в ответ не полетят.

Наблюдая, как старушка-Европа, подобно домашнему пуделю, угождает «дяде Сэму», невольно задумываешься – а не боится ли она чего-то? В самом деле, ведь если ослушаться, легко получить и у себя безумного Голема – процесс отлажен. А «скелетов в шкафу» у каждой нации предостаточно.

Глебов Николай Тимофеевич

Есть подозрение, что к нашей народной ментальности, неискушённой и наивно чистой, обломавшись с другими способами приручить, и применили в конце 80-х подобные технологии. Грех было не воспользоваться моментом, когда, по выражению Наполеона, «во главе армии львов оказался баран».

Как уже говорилось, из всех подразделений треста, наибольшая нагрузка в Чернобыле выпала на долю МСУ-23. Первой в составе десантной колонны выехала бригада Котко Николая Пантелеевича. Через 30 дней её сменила бригада Якушева Владимира Ивановича. Затем бригада Николая Тимофеевича Глебова. Сам бригадир отработал с 24 июля по 27 сентября, сменив два состава бригады.

Бригады пополнялись военнослужащими до 25–30 человек. Главной задачей был монтаж узла перегрузки бетона в 500 метрах от АЭС.

С бетонных заводов туда приходил поток «чистых» машин – преимущественно самосвалы из УМАТа, а с узла перегрузки на «Саркофаг» бетон везли «грязные» миксеры, которые сгружали его в бетононасосы. Провели также монтаж мойки «грязных» машин и оборудования, теплотрассы на бетонный завод, стационарной котельной. Вот как описывает то время Н.Т. Глебов:

За время пребывания в Чернобыле дозиметристы мне выдали справку в том, что во время работ по ликвидации последствий я получил такую-то дозу внешнего гамма-излучения. Много ли это, я не придал значения, так как уже участвовал в запуске в работу 4-й очереди ГМЗ по переработке урана, 3-й очереди обогатительной фабрики по переработке урановой руды, АЭС на быстрых нейтронах, вошёл в пушечный реактор в Центре атомных исследований в Таджуре, Ливия.

Величину заражения местности уже определял по сухости во рту и покалыванию через сапоги в пятках. Затем смотрел на гамма-индикатор и принимал меры к понижению загрязнения с помощью воды и бульдозера.

За работу на Чернобыльской АЭС получил поощрения в виде почётных грамот и ценных подарков. А когда приехал после командировки на лечение грязями от гамма-облучения в г. Адлер, санаторий «Южное взморье», администрация встретила меня цветами и поздравлениями в честь присуждения мне высшей награды СССР – ордена Ленина. Радостно было до слёз, что я не забыт.

Нужно добавить, что орденами Трудовой Славы III степени были также награждены монтажник Н.П. Котко и водитель В.И. Зорькин, а бурильщик Е.В. Пронин и электросварщик А.С. Жернаков – медалями «За трудовое отличие».

Среди трестовских ликвидаторов были и женщины: Л.Г. Блинкова и Л.В. Васильева с Опытного завода, Н.В. Мочалова и Е.А. Нефеденкова из УМАТа. Получив дозы облучения, ушли из жизни руководители и инженерно-технические работники: А.М. Уланов, Ю.А. Канов, В.И. Юшин, А.Г. Никитин, Н.С. Балтрушевич, Б.И. Пшеничников, М.И. Симаков, В.Б. Подлипалин.

Чернобыльцы-ликвидаторы Треста «Гидромонтаж» для защиты своих прав сумели объединиться в общественную организацию «Союз инвалидов Чернобыля». Организация насчитывает 214 человек. Возглавил её такой же ликвидатор Евгений Николаевич Беденко.

Беденко Евгений Николаевич

Организация помогает своим членам восстанавливать их права и льготы, которые не всегда исправно осуществляются государственными службами социальной защиты и пенсионной поддержки.

Есть высшая справедливость в том, что подвиг этих людей – ликвидаторов тяжелейшей Чернобыльской катастрофы, шедших в радиоактивное пекло ради безопасности страны и будущих поколений, так же, как и их товарищей и коллег – испытателей ядерного оружия, запечатлён навечно в величественном памятнике в Селятино.

Профинансировали его создание акционеры АО «Трест Гидромонтаж». Честь им, хвала и глубокая благодарность от ветеранов, их семей и потомков за столь гуманный и человечный акт, тем более благородный, так как совершён в трудное кризисное время.

Глава XXII
ПРИВАТИЗАЦИЯ ИЛИ «ПРИХВАТИЗАЦИЯ»?

1. Недолгая дорога вниз

Пика производственного могущества Трест «Гидромонтаж» достиг в 1986–1987 годах. Дальше постепенно, поначалу незаметно, но неумолимо пошло движение под уклон.

В стране начался процесс брожения, поиска путей, пересмотра истории. На свет божий вылезли разного рода разоблачители-провокаторы, искатели простых решений для оздоровления экономики под флагом строительства демократии. Массы пришли в движение.

Это была технология «оранжевых революций», успешно применённая против геополитического противника, где немалая роль отводилась верховной власти, в случае, когда она демонстрирует слабину.

В СССР момент представился. Сам новый Генсек правящей партии, высшее должностное лицо в стране, на «голубом глазу» заявил, что причиной неудач предыдущих реформ была незыблемость политической системы. Отсюда вытекало, что начинать надо с неё – учинить разруху в головах.

Но не сразу и не резко – иначе такого инициатора быстро раскусят и скинут раньше отведённого срока. Рядом с Горбачёвым немедленно нашлись «умные» советчики – люди типа А.Н. Яковлева (просидел, обиженный властью, 10 лет послом в Канаде, где ему, видимо, мозги и промыли). «Агенты влияния» – назовут их позже. Такие всегда найдутся, дай им только волю!

Горбачёва, как слепца, «добрые люди» заботливо поведут «под руки», раз за разом повышая ставки, и заведут в итоге в личностный тупик (оказался не нужен никому), а страну – к развалу.

Не подозревая, он послушно выполнит роль козла-провокатора, бодро ведущего стадо на бойню. (Чтобы до времени не запаниковало и не разбежалось.)

Искусство переворота состояло в постепенности и последовательности хорошо продуманных шагов. Осторожному, поначалу, размыванию основ идеологии. А без идеологии государство

беспомощно. Если нет новой идеологии – пустота заполняется псевдоценностями. И чем они проще – тем лучше!

Движению дали название – «Перестройка». Её «прорабами» внедрялась «теза» – главным тормозом на пути в «цивилизованный мир» является отсутствие частной собственности и руководящая роль КПСС.

Отсюда логичное утверждение: «Даёшь всеобщую частную собственность и роспуск партии!» А всё, что делалось раньше – плохо, ошибочно, даже преступно, и потому нынешнюю систему на свалку истории, и будет нам счастье. Быстро, за 500 дней!

А обывателю, не вникающему глубоко, всегда хочется быстрых результатов – «Вынь да положь!»

Не напоминает ли это программу, запущенную на Украине? Подход тот же, только «теза» несколько иная – всеобщее «украинство» (оголтелый национализм) и разворот в Европу, к её сладкой жизни. И не тяните резину, результат придёт быстро! Главное, подальше от России, как вселенского зла и главного препятствия в рождении «единой» нации, истоки которой (древние укры) восходят к временам фараонов.

Развёртыванию деструктивных процессов и тогда, и теперь способствовали совпавшие по нескольким векторам негативные условия, среди которых одно из главных – вертлявая позиция первого лица государства, его капитулянство. Государственность в это время оказывается «колоссом на глиняных ногах». Толкни – и развалится. Легитимная власть теряет монополию на насилие, и её можно брать голыми руками.

Воспользовавшись моментом, в СССР в конце 80-х легализовался прибалтийский, украинский и кавказский национализм, всегда дремавший на периферии общественного сознания. Трогать его было запрещено из гуманистических соображений. Не получив отпора, он постепенно брал верх на своих территориях, выбрасывая метастазы по всей стране.

Ситуация скатывалась к анархии, а экономика – к развалу. В таких условиях проведение глубоких экономических реформ рискованно и противопоказано.

Но для политических авантюристов такое время – самое то! Вместо движения шаг за шагом по пути строительства планово-рыночных механизмов, при поддержании правопорядка – под флагом реформ начался обвальный дискурс, получивший позже наименование «Большого Хапка».

В образовавшуюся воронку втягивалась политически активная часть общества. Психологи к ней относят небольшой процент населения, пенсионариев, формирующих повестку дня, остальных считают ведомыми, следующими за господствующими (навязанными) на данный момент представлениями.

Главная задача – правильно сформировать новые представления, сделать их привлекательными. Упростить до примитива, сведя, буквально, к «кричалкам», как у футбольных фанатов, которые сами себя заводят.

О необходимости массовой приватизации в СССР заговорили уже в 1990 году. Впереди всех шагала Россия со своим, специально придуманным и избранным в 1990 году Съездом народных депутатов. Всё пока в рамках единого Союза, но Россия, в лице председателя Верховного Совета Б.Н. Ельцина (избранного на Съезде народных депутатов с третьей попытки), уже противопоставляла себя союзным органам власти как более демократичная и продвинутая.

Основной посыл реформаторов – без частной собственности построение рыночной экономики невозможно. КПСС – тормоз прогресса. Союзное правительство его отклонило, и тогда, где-то не у нас, решили его просто-напросто убрать.

Чисто, интеллигентно, «без крови» – президент исчезнувшей страны ушёл сам, пролив на прощанье фальшивую слезу.

Правда, кровь в изобилии польётся позже – как без неё на таких поворотах, но это уже будет другая история. И только немногие, поначалу, увидят связь.

Реформы в Китае проходили под руководством КПК и удались потому, что впервые был найден способ соединения сильных сторон двух, до того противоположных экономических систем, – плановой и рыночной. Частной, государственной и иных форм собственности.

Ещё задолго до событий подобный процесс в аналитических кругах называли «конвергенцией» (взаимопроникновением).

Остановить его победное движение, смертельно опасное для долларового мира, попытались в 1989 году – китайской «оранжевой революцией». Как всегда в столице. На стороне «революционеров» оказался Председатель КПК (китайский Горбачёв), некоторые члены Политбюро и отдельные армейские части.

Зрел переворот, который западные «демократии» представили бы как глубинное движение масс к демократии (смотри Майдан 2013–2014 на Украине) и немедленно признали. А дальше – раскол, гражданская война и 5–10 слабых, но «демократичных китаев» на месте одного. Что и требовалось доказать.

Но нашёлся Дэн Сяопин – маленький человечек в преклонном возрасте, но со стальным стержнем внутри. Всё закончилось в одну ночь на самой большой площади в мире – Тяньаньмэнь. Пекинский «Майдан» не прошёл. Официально признана тысяча погибших, фактически, наверное, больше.

Но фарисейские слёзы по этому поводу неуместны, если представить, сколько миллионов жизней спасено! А мир получил на геополитической арене великую державу, растущий Китай, идущий своим, «специфическим путём». А что касается насилия, то передела власти без него не бывает, и государство обязано иметь на него законную монополию, как и неуклонное соблюдение законности.

2. Названия меняются. Дорога вниз продолжается

Приватизация в 1992–1993 годах пришла в «Гидромонтаж» неотвратимо, как смена времён года. Остаться в стороне было невозможно – такая была создана атмосфера. По всей стране горячо обсуждали, по какой схеме приватизироваться – первой или второй. С точки зрения конечного результата – «что в лоб, что по лбу».

Гайдар и Чубайс, как опытные пропагандисты, оставляли решение на усмотрение коллектива, отвлекая его от ключевого вопроса – а актуально ли это для него вообще.

И «процесс пошёл»! Ну чем не массовая коллективизация конца 20-х годов, также не дававшая выбора и дружно оплёванная позже (с безопасного далёка) либералистами?

Средства информации неистовали, показывая убедительные факты дележа госсобственности в «интересах рядовых членов коллективов». Его прогрессорскую функцию. Обеспечивали идеологическое прикрытие проводимой акции, демонстрируя её, якобы «справедливую» и «гуманную» сущность.

Заодно зачёркивали всё советское как отжившее и вредное. И народ потреблял эту жвачку, не задумываясь, как не задумываются простые украинцы над усердно рисуемым всеми их отечественными СМИ образом врага-России, от которой все текущие беды.

Ещё в 1989 году трест был переведён на новые методы хозяйствования – полный хозрасчёт и самофинансирование, и стал называться ПМСО (производственное монтажно-строительное объединение)[1].

С 1 января 1991 года ПМСО делается арендным – к названию добавляется буква «А»[2]. Начальником утверждается В.Д. Захаров (путём заключения контракта на 5 лет). Это уже не начальник, а менеджер, нанятый трудовым коллективом.

В новом качестве «Гидромонтаж» активно принимается входить в различные коммерческие организации, плодившиеся вокруг в большом числе. Появилось много активных людей, откуда-то знающих, как можно делать «быстрые деньги».

Впоследствии часть таких «активистов» сгинет в бандитских разборках, другие успеют сбежать с уворованным за границу, а самые удачливые станут миллионерами и олигархами, «солью земли русской».

Лучшим коммерческим партнёром АПМСО «Гидромонтаж» проявит себя АО «АВЭС-АСКО», совместно с которым в ноябре 1991 года они, первыми в Московской области, откроют таможенный терминал в Селятино, на площадке Опытного завода.

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1. Д. 01-07. Л. 72–74.
[2] Там же. Д. 01-01. Л. 280–281.

Пошла растаможка импорта одежды, промышленных товаров и автомобилей. Потекли денежки, «АСКО» оказалось в шоколаде.

Но не только оно – на 1 октября 1992 года на личных приватизационных счетах АПМСО «Гидромонтаж» оказался 161 млн рублей (год назад – 3,8 млн.).

Слово «аренда» для многих советских предприятий тогда приобретало особый смысл – оно пахло деньгами. Можно ничего не делать, а денежки получать! Ходила шутка, что для полного счастья нужно взять в аренду один метр государственной границы.

Фирма «АВЭС-АСКО» (гендиректор Г.П. Крючков) арендовала под свой офис помещения на 5-м этаже в здании треста.

На 6-м этаже расположилось АОЗТ «Рос Пол» (гендиректор В.И. Попов), арендовавшее, помимо офиса, ещё и производственный корпус. Позже появились некий «Профтраст» (Л.Л. Оников) и консалтинговая фирма «Прогрессор» (В.Л. Никифоров).

Новые структуры обсели трест, как мухи сыр. Их объединяла одна цель – поживиться в скором времени от имущества некогда могущественного клиента. Слишком богат техникой, площадями, землёй – пора немножко раскулачить!

Все они, каждый по-своему, дули в уши Захарову и Переверзеву о необыкновенных перспективах, открывающихся в случае обретения трестом самостоятельности и избавления от опеки министерства. Координатором и вдохновителем новых структур выступала фирма «АСКО».

Но никто из гидромонтажников тогда не мог представить, что подселившийся кукушонок очень скоро подрастёт и заклюёт хозяина. Уже тогда зазвучали имена оборотистых людей, которые по завершении операции методами грязных подстав и обмана перехватят управление трестом и всеми его активами.

А пока АПМСО «Гидромонтаж» с головой окунулось в рыночную пучину – приняло долевое участие (деньгами и имуществом) ещё в ряде коммерческих организаций: АБ «Конверсбанк», АБ «Возрождение», ТОО «Крюковский комплекс».

Вкус первых, легко заработанных «коллективных средств», остающихся в распоряжении АПМСО «Гидромонтаж», кружил голову и толкал к расширению самостоятельности. Освободившись от опеки сверху, казалось, открываются невиданные ранее горизонты для зарабатывания денег вне связи с сокращающимся объёмом профильных работ. И не надо тянуть трубопроводы, бурить скважины, строить дома, ездить по командировкам – деньги можно делать не выходя из кабинета.

Подразделения и на селятинской площадке, и на периферии (за исключением МСУ в бывших союзных республиках) ещё вместе, но уже витает в воздухе желание выйти из подчинения вышестоящего органа управления. Для треста – это 12-й Монтажный главк Минсредмаша, а для многих МСУ – сам трест. Общий курс реформ в стране этому содействует.

14 октября 1992 года публикуется Указ Президента РФ «О регулировании арендных отношений и приватизации имущества, сданного в аренду».

Он возбуждает руководство АПМСО, и уже 23 октября (!) по их инициативе проводится совещание у первого заместителя председателя Госкомимущества А.И. Иваненко, на котором принимается решение о создании АООТ «Гидромонтаж» (акционерное общество открытого типа). Оно оформляется протоколом за подписью А.И. Иваненко и станет основой для последующих нормативных документов.

Как рассказывают ветераны, широкого обсуждения приватизационных схем не было. Они готовились при закрытых дверях у начальства и представлялись затем как свершившийся факт. Забойщиком выступал И.А. Переверзев.

Именно то решение предопределит дальнейшую судьбу треста. Выразив желание акционироваться как общество открытого типа, руководители треста, как трамвай по рельсам, покатились к его распаду. А сами – к утрате собственных должностных мест. Но, наивные, этого ещё не понимали.

У Чубайса оценили инициативу новоявленных приватизаторов бежать впереди паровоза. Одарили особым вниманием

и дали отмашку на дальнейшее оформление документов, заодно обкатывая на практике задуманную схему.

При наличии в стране тысяч и тысяч предприятий, подлежащих приватизации, «Гидромонтажом» занимается лично первый зам Чубайса. Никакой волокиты, всё под зелёный свет!

Уставной капитал акционерного общества открытого типа «Гидромонтаж» устанавливается в размере 343,5 млн рублей. Под них выпускается 343 516 акций с номиналом 1000 рублей за акцию.

Распоряжением Госкомимущества от 21 января 1993 года АПМСО «Гидромонтаж» преобразуется в АООТ[1], которое является юридическим лицом, правопреемником всех имущественных прав и обязанностей АПМСО, в том числе права пользования землёй.

Учредительным собранием АООТ избирается первый Совет директоров в количестве 15 человек во главе с Ю.А. Кановым (начальник МСУ-23). В его составе руководители всех подразделений, оставшихся в тресте. Генеральным директором назначается В.Д. Захаров.

Сроки этой гонки рекордные, как при первых пятилетках. Народ безмолвствует, мало чего понимая, но рассчитывая на лучшее, как ему это каждый день внушает телевизор.

Названия предприятия меняются, идут сокращения, зарплату всё чаще задерживают. Тут поверишь, что вот-вот придёт настоящий хозяин, он по справедливости и рассудит. Скорей бы уж!

3. Смерть по собственному желанию. Народ безмолвствует

Хитрость чубайсовского плана всеобщей приватизации была в том, что под флагом наделения акциями рабочих, ИТРовцев и служащих создавались условия для скупки в ближайшем будущем по бросовой цене крупнейших предприятий. Прежде всего передовых.

В стране двузначная месячная инфляция, деньги обесцениваются каждый день, а стоимость акций фиксированная. Люди,

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1. Д. 01-01. Л. 11.

получившие их бесплатно, легко с ними расстаются – пока окончательно не обесценились.

К тому же, выкупая акции, будущим «эффективным собственникам» разрешено на 80% расплачиваться не деньгами, а обезличенными приватизационными чеками, которые за копейки скупаются у каждой станции метро. Люди, лишившиеся работы, не знают, что с ними делать, и с готовностью продают хоть за какие-то деньги.

Таким путём приватизаторы рассчитывали в короткие сроки получить собственников-капиталистов, которые и преобразуют «застойную» советскую экономику. Переналадят её с отраслевого управления по Государственному плану – на рыночную конъюнктуру, как принято во всём «цивилизованном мире».

При этом социальные противоречия исключены – у рабочих ничего не отбирается – сами отдадут, да ещё и спасибо скажут. В стране тишь и гладь, но утром встал, а за окном уже другой строй.

В реальности эти благие пожелания выльются в разгром всей производственной сферы, материальные потери, сопоставимые с Великой Отечественной войной. Восстановить советский ВВП удастся лишь через 20 лет и то далеко не по всем направлениям.

По «Гидромонтажу» приватизация выглядела следующим образом: 56,3% от общего числа акций изначально принадлежат Госкомимуществу, то есть государству, в лице вышестоящего органа управления – Минсредмаша.

43,7% распределяется бесплатно физическим лицам – всем членам коллектива, которых на тот момент зафиксировано 6400 человек. При этом обыкновенные акции, переданные Госкомимуществом Российскому фонду федерального имущества на сумму 193 млн рублей (те самые 56,3%, принадлежащие государству), могут быть выкуплены в течение 1993 года акционерами АООТ.

По этой схеме в подразделениях «Гидромонтажа» и начался процесс выкупа акций у государства в плюс к уже имевшимся у людей на руках. На 5 апреля 1994 года Российский

фонд федерального имущества подтвердил, что все акции АООТ «Гидромонтаж» выкуплены членами трудового коллектива бывшего АПМСО «Гидромонтаж».

Стоимость приватизационного чека – 10 000 рублей. Для выкупа указанных акций, в придачу к уже полученным бесплатно, необходимо иметь лишь 19 300 таких чеков.

У 6400 акционеров они вполне могли найтись (вместе с членами семей и родственниками). Почти не потратив живых денег, люди становились акционерами, то есть собственниками. Это грело душу и рождало надежды.

Но имелись и побочные последствия, поначалу не всеми понятые – таким путём трест выходил из подчинения вышестоящего отраслевого органа управления и отправлялся в свободное плавание.

В рамках АООТ, само собой, нет ограничений в торговле акциями, их перекупки у мелких акционеров, естественно, сугубо по их собственному желанию. Тем самым открывался игорный дом с рулеткой, в которую никто из производственников по определению играть не умел.

Здесь и кроется причина вскоре последовавшего краха Треста «Гидромонтаж». Его отстраивали и налаживали почти 40 лет, а убили в одночасье при молчаливом согласии коллектива.

Если это не обман многих тысяч людей, то что это? И кто за такое мероприятие должен ответить? Так же, как и за появившиеся как побочный продукт различные финансовые пирамиды, вычищавшие карманы доверчивых сограждан тщательнее пылесоса.

Где ответственность государства? Почему оно спало, а не защищало своих подданных? К сожалению, сегодня это пока вопросы риторические. Подлинные оценки впереди.

4. Подковёрные игрища с плачевным финалом

Частный собственник пришёл в «Гидромонтаж» путём выкупа акций у рядовых акционеров сразу же после завершения всех процедур с оформлением АООТ. К тому времени, разорвав пуповину с 12-м Монтажным главком, трест утратил возможность

получения заказов по производственному профилю. Ушли отраслевые заказчики, а с ними и привычные работы.

В филиалах АООТ «Гидромонтаж» на 1994 год ещё оставались объёмы строительно-монтажных работ по предыдущим объектам. Но они не сопоставимы с прежними и к тому же конечны. Прошла первая волна массовых сокращений ИТР и рабочих на селятинской площадке. На предприятиях начались задержки по зарплате.

В этих условиях активизировались и вчерашние «партнёры» по выстраиванию различных схем по добыче денег. Но устремления их уже резко изменились. Пришло время поживиться, как хищники от тела загнанной жертвы.

В помещении клуба «Мечта» и в выделенной комнате на 2-м этаже общежития организуются пункты скупки акций у рядовых держателей. Общее руководство осуществлял В.Л. Никифоров, замдиректора консалтинговой фирмы «Прогрессор».

Трат на рекламу и убеждение клиентов не жалели. По кабельному телевидению в Селятино крутили специально отснятый ролик, где кораблик под названием «Гидромонтаж», команда которого дремлет, каждый раз шёл ко дну.

Должного противодействия поползновению на суверенность треста со стороны Совета директоров и генерального директора не последовало. Кое-кто уже подумывал, как спастись самому, соскочив с тонущего корабля.

Охотной продаже акций способствовало безденежье акционеров. К тому времени работы, как и зарплаты, не было. Дело пришло к предсказуемому финишу.

Нельзя сказать, что не было попыток к созданию закрытого акционерного общества (ЗАО). Как-то начальник МСУ-65 из Сарова (Арзамас-16) А.А. Бурнашев привёз на Совет директоров своего экономиста – спеца по приватизации, объяснившего «на пальцах» все подводные рифы выхода из структуры Министерства.

На таких же позициях стоял и начальник МСУ-105 из г. Озёрска (Челябинск-40) А.И. Лобода, основавший на базе этого МСУ ЗАО «УралГидромонтаж», который жив и работает в прежнем

ключе до сих пор. Чужаков они к себе не пустили и из системы не вышли.

Но в то время подобным противникам с жаром оппонировал И.А. Переверзев, как заведённый доказывавший преимущества АООТ, усердно пиля под собой сук.

Совсем скоро, будто бы насмехаясь, предательница-судьба жёстко накажет этого упёртого человека. При смене собственника его уволят первым, а бывшие коллеги одарят презрением.

Интересно, что для победы недавних «партнёров» по бизнесу не требовалось выкупать сразу контрольный пакет АООТ. Оказалось, для смены власти достаточно и 15%, которые были предъявлены Никифоровым на общем собрании акционеров в клубе «Мечта».

Большего пакета ни у кого не было. 19 октября 1994 года В.Л. Никифоров назначается заместителем гендиректора АООТ «Гидромонтаж» по экономике, финансам и коммерции – на место И.А. Переверзева. Мавр сделал своё дело и стал никому не интересен…

Нагрянувшую беду командиры «Гидромонтажа» встретили, как русские князья батыево нашествие – разобщённо.

В ноябре на «тайную вечерю» собирается Совет директоров, где соглашаются с необходимостью смены гендиректора – В.Д. Захарова. Тот подаёт заявление на увольнение по собственному желанию.

9 ноября 1994 года на основании решения Совета директоров и.о. генерального директора АООТ «Гидромонтаж» назначается Л.Л. Оников. Увольнение В.Д. Захарова оформляется с 4 января 1995 года[1].

Рейдерский захват АО «Гидромонтаж» осуществлён. Пришедшие люди к его специфике отношения не имеют. Они даже профессиональной терминологией не владеют, зато держат себя специалистами в области обращения ценных бумаг. Главное – вытряхнуть из заполученного актива всё возможное. И чем быстрее, тем лучше!

[1] Архив Треста «Гидромонтаж». Ф. 1. Оп. 1-лс. Д. 01-03. Л. 58.

Но здесь существует своя конкуренция. Об этом говорит хроника последующей смены руководства. Вот список генеральных директоров после В.Д. Захарова:

Л.Л. Оников – январь 1995 г. (утверждён в должности – июль 1996 г.);

В.Л. Никифоров – август 1996 г. – август 1997 г.;

А.В. Полянский – сентябрь 1997 г. – март 1998 г.;

Г.П. Крючков – май 1998 г. – март 2001 г.;

В.И. Крамков – апрель 2001 г. – май 2003 г.;

А.В. Миронов – май 2003 г. – декабрь 2006 г.

А.Д. Хван – январь 2007 г. – июнь 2010 г.

А.В. Буренков – июнь 2010 г. – февраль 2013 г.

М.П. Шилин – февраль 2013 г. по н/в.

Почему они так часто менялись, внятных объяснений найти не удалось. Чем-то это напоминает процедуру гирудотерапии, когда лечебные пиявки отваливаются сами, напитавшись крови пациента. Никто же их обвинять не станет – пациент сам выбрал такое лечение!

Подобный процесс «оздоровления» «застойной» советской экономики шёл по всей стране. Его результатом стала деиндустриализация, утрата целых отраслей. Особенно пострадало машиностроение. Удар «под дых» получило сельское хозяйство.

Мы имели отечественное станкостроение – теперь полностью зависимы от импорта. Мы летали на отечественных самолётах – теперь на «Боингах» и «Эрбасах». Мы сами производили дорожную и строительную технику – теперь питаем заказами рабочие места за кордоном. Даже в нефтегазовой сфере, которая «наше всё», растеряли собственные технологии и полностью зависимы от импортного оборудования, которое, как оказалось, подвержено санкциям.

В сельском хозяйстве разгромлено молочное производство – появилась зависимость от импорта, а на прилавках новый продукт – «молочный напиток» – из консервированного порошка. Утрачены семеноводство и племенное животноводство. Чтобы посеять или завести высокопродуктивную ферму, надо платить

твёрдую валюту, брать неподъёмные кредиты, которые так и норовят подорожать.

Рухнула лёгкая промышленность, и народ радостно оделся в китайские изделия, чаще всего замаскированные под псевдоевропейские бренды.

Сегодня не принято искать виновных в приватизации госимущества столь неразумным, варварским способом, который народ назвал «прихватизацией». Некоторые по инерции продолжают верить в некую прогрессорскую миссию Гайдара с товарищами. Но когда Россия найдёт свой путь в новом мире и выйдет на траекторию уверенного роста, тогда и придёт время оценок и суда истории. Срока давности здесь не бывает!

Не осуждённая глупость, как и не наказанное зло, имеют привычку возвращаться.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Трест «Гидромонтаж» разделил судьбу тысяч и тысяч успешных предприятий на территории бывшего СССР. Акт «коллективного суицида» свершился…

Если бы реформаторы, толкнувшие страну к массовой приватизации в начале 90-х, одномоментному слому плановой системы во имя благих целей, могли бы заглянуть вперёд на 10–15 лет – они бы ужаснулись. К сожалению, предвидение не было их сильной стороной.

Нынешняя экономика «реформированной» России, слепленная по либеральным лекалам МВФ, Всемирного банка (ВБ) и под диктовку американских советников (наполовину из офицеров ЦРУ), выживает от кризиса к кризису. Не останавливаясь, работают сотни и тысячи насосов по откачке из неё сотен миллиардов долларов, заработанных «непосильным» трудом появившихся в одночасье отечественных нуворишей. Пациент после такого «лечения» хоть и жив, но бледен, худосочен и уже с трудом передвигает ноги, будто его съедает внутренний недуг.

Долларизация финансовой системы неуклонно тащит страну к утрате суверенитета. Где-то за пределами России решают – казнить её или миловать, если она вдруг озаботится собственными интересами…

Выстроенная по Гайдару–Чубайсу финансово-экономическая конструкция торжествует, хотя и трещит по швам. Сырьевой приоритет и бесконечная торговля произведёнными не у нас товарами, как и финансовая привязка к долларовой системе, создают опасную зависимость от интересов и воли подлинных хозяев мира. Всё большему числу граждан становится понятно, что эту пуповину надо резать и выходить на самостоятельный путь развития. Процесс будет болезненный и нескорый, но иного выбора нет.

Жизнь идёт вперёд, прокладывает свои, непредсказуемые теоретиками пути. Россия – уникальное на планете государственное образование не только по своим масштабам, но и по способности непознаваемым образом держать удар, выкручиваться

Здание Треста «Гидромонтаж»

из немыслимых ситуаций. Вынесла она и очередной жестокий эксперимент. Не взорвалась бунтами, не развалилась на удельные княжества. А оправилась от шоковой терапии, наполовину залечила раны, переварила «комиссаров в пыльных шлемах»

Спуск на воду понтонной площадки с крановой стрелой

(Березовского, Ходорковского, Смоленского, Гусинского, Невзлина…). Оглядевшись, приступила к восстановлению вокруг себя дружественного геополитического пространства. К мучительному развороту – от сладкого сна «нефтяной иглы» к импортозамещению и инновационным технологиям.

К построению с другими странами-партнёрами нового мирового финансового порядка. Как пойдёт этот процесс – зависит от политической воли руководства страны и внутреннего настроя общества.

Главное – сегодня в нём есть единство и есть национальный лидер, которому доверяют. А также горький опыт 90-х, как надёжная прививка от всяческих благоглупостей. А также наш российский упёртый характер – нас бьют, а мы крепчаем!

ОАО «Трест Гидромонтаж» выбрался из анабиоза и занялся производством. Эти перемены люди сразу отметили и связывают с появлением новых акционеров. После всех пертурбаций, как сейчас говорят – «покупок-продаж, слияний и поглощений», их оказалось два основных, принимающих решения: Благотворительный фонд «Воскресение» и Региональный общественный фонд «Память

мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». Оба, как бы это ни представлялось странным, имеют религиозную, православную окраску и хорошо взаимодействуют друг с другом, работая по законам рынка, но без ненужных крайностей.

Как это произошло – отдельная история. Нас интересует другое – последовавшее в 2010 году изменение политики новых собственников. Решительный курс на возрождение производства, восстановление исторической справедливости в оценке прошлого Треста «Гидромонтаж».

Буренков Александр Васильевич

Из числа ветеранов треста был создан Научный совет, проделавший за 3 года огромную работу по сбору материалов о советском периоде треста (с 1955 г.) и его героях. Главную роль в этом благородном деле сыграл Александр Васильевич Буренков, представляющий в Совете директоров ОАО один из фондов-акционеров. Поработав генеральным директором, он ушёл в сферу общественной деятельности, сохранив авторитет и сильные позиции в Совете директоров.

Сегодня он – директор Института русско-славянских исследований имени Н.Я. Данилевского, главный редактор учреждённой Благотворительным фондом «Воскресение» общественно-политической газеты «Гражданин-Созидатель», инициатор и организатор пришедших в Трест «Гидромонтаж» перемен.

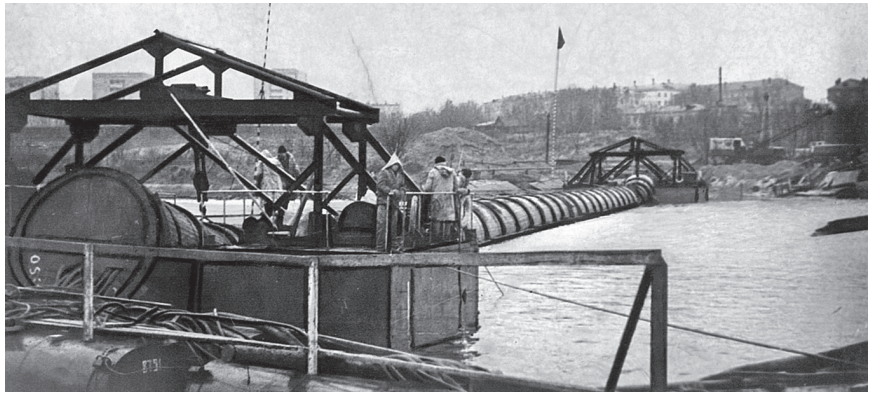
ПО «Маяк». М.Н. Гуменюк. 1972 год

Строительство Ульяновского авиакомплекса

Человек организованный, строгий и требовательный в делах, наделённый широкой душой русского православного человека-патриота. Это новое, удивительное явление в отечественном предпринимательстве.

Под его председательством Научный совет собрал ценные архивные материалы, воспоминания участников для создаваемого музея, подготовил к изданию книгу памяти. Немалые затраты вложены в создание памятника испытателям ядерного оружия и ликвидаторам последствий чернобыльской аварии.

Зачистка стыка при опускании колонны



Прокладка теплофикационного коллектора через р. Москва, г. Химки

Не оставляет без внимания А.В. Буренков и житейские, бытовые проблемы заслуженных ветеранов, оказывая им, по возможности, всяческую поддержку и помощь.

Спуск ядерного изделия (заряда)
в скважину на глубину 540 метров, г. Семипалатинск

Шаблонирование скважины Ю-3 и приём её к испытанию.
Слева – А.Г. Харыбин. Новая Земля. Сентябрь 1972 года

В сфере производства для предприятия наступил новый этап. Застройка Селятино вышла на качественно иной уровень. Один за другим строятся жилые дома повышенной этажности и комфортности с применением передовых технологий в жилищном строительстве.

Турбореактивный бур в сборе

В содружестве с новым руководством муниципального образования «Городское поселение Селятино» (глава администрации Е.Н. Голубев, также деятельный и честный человек) и Советом предпринимателей развернулась комплексная работа по созданию более комфортных условий жизни населения.

Эти условия выражаются не только в строительстве качественного жилья, но и в создании широкой сети торгово-бытовых учреждений, развитии культуры и спорта, уличном освещении, достаточном числе автостоянок, световой рекламе, чистоте тротуаров и дорог.

Построен великолепный пятиглавый храм прп. Серафима Саровского, который сделает честь любому областному центру, начато строительство Ледовой арены. Создан уникальный памятник испытателям ядерного оружия и ликвидаторам-чернобыльцам – единственный в России.

Меняют облик дворовые территории, которые детскими и спортивными площадками, зонами отдыха и цветниками могут поспорить со столичными. Один украинский товарищ, побывав в Селятино, походив по улицам, заглянув во дворы, навестив торговые центры, воскликнул: «Так це ж – Европа!»

Большим огорчением для деятельных людей явился недавний административный запрет осваивать для городского строительства единственное оставшееся лесное направление между железной дорогой и Киевским шоссе. Решение об отводе там под застройку 73 гектаров, принятое ещё в советское время, аннулировано.

Инспирирован запрет некими элементами (в народе их зовут «пятой колонной», для которой всегда – чем хуже, тем лучше), присвоившими для камуфляжа громкое наименование «зелёных». Эксплуатируют эти «зелёные» благородную цель защиты природы, но на самом деле в ходе предвыборной борьбы просто обманывают доверчивых людей.

Их позиция легко опровергается самим рождением посёлка Селятино в лесном массиве, бережно сохраняемым на протяжении десятилетий. «Новая Москва» также строится в лесах, и никакие «зелёные» в истерику не впадают, во всяком случае, московские власти на поводу у них не идут.

«Защитников» зелёной природы не волнует массовая и гибель в Подмосковье на сотнях тысяч гектаров хвойных лесов от расплодившегося жучка-вредителя, брошенных на произвол после необдуманных реформ лесного хозяйства.

Ещё в Селятино сложилась небольшая группка противников любых конструктивных начинаний власти под идейным руководством некой Павловой. Некоторые из них в качестве депутатов свою миссию видят в постоянном препятствовании деятельности администрации. Они не только против развития Селятино за счёт освоения указанных 73 гектаров, но и против сооружения памятника, а когда его всё-таки построили, заблокировали выделение в бюджете средств на его содержание.

В пылу предвыборной борьбы за пост главы администрации поселения они сумели заморочить голову жителям 2–3-этажных домов старого посёлка. При сооружении Трестом «Гидромонтаж» на последней свободной площадке квартала домов «Комфорт» предполагалось зарезервировать необходимое количество квартир для последовательного расселения жителей старого посёлка и сноса отслуживших свой век домов. Через несколько лет на их месте вырос бы прекрасный, благоустроенный и озеленённый микрорайон. Но большинство жителей отказались от этого варианта, поддержали на выборах Павлову и потеряли возможность на обозримую перспективу кардинально улучшить свои жилищные условия.

Есть основания надеяться, что новые подходы в экономике страны, которые стучатся в двери, преодолеют сложившийся застой, позволят поставить на повестку дня создание и в Селятино новых высокотехнологичных рабочих мест, организацию массового жилищного строительства. В этом случае можно говорить о превращении бывшего рабочего посёлка в уютный и сбалансированный городок XXI века, исправлении старых просчётов, преодолении бросающейся в глаза градостроительной незавершённости.

Это будет поселение на 25–30 тысяч жителей с площадями и скверами, парками и искусственными водоёмами, утопающее в зелени окружающего облагороженного леса. С развитой медициной, новыми образовательными учреждениями, многочисленными объектами культуры и спорта.

В таких городках живёт большая часть старушки-Европы, и их образ жизни не может нам не нравиться. Он разительно отличается от сумасшедшей гонки мегаполисов с их загазованностью, криминогенностью, суетой, лишь укорачивающих человеческую жизнь, но никак не делающих её счастливее.

Подобное будущее стало бы достойным завершением дела 60-летней давности, когда на заболоченную лесную площадку у неприметного железнодорожного полустанка Селятино высадился первый десант молодых и амбициозных людей, будущих солдат «Холодной Войны».

Им предстояло решить задачу государственной важности в сжатые сроки, и всякие «зелёные», попытаясь они им препятствовать, выглядели бы глупцами и ничтожествами. Или просто дураками. Но разве их потомки, внуки и правнуки – из другого генетического материала и разучились работать, а брошенные им временем вызовы легче?

ГИМН ТРЕСТА «ГИДРОМОНТАЖ»

Музыка заслуженного работника культуры РФ Р. Мухаева

Слова С. Шохиной

Двадцатый век гремел великими делами.
Наш Трест «Гидромонтаж» во многом первым был.
И шахты он бурил для многих испытаний,
И ядерным щитом Державу оградил!

Припев:
«Гидромонтаж» – гордимся мы по праву!
«Гидромонтаж» – всегда на высоте!
«Гидромонтаж» принёс России славу
В науке, обороне и в труде!

Он строил города, спускался на глубины,
Селятино возвёл и поднял здесь свой флаг!
Чернобыльской весной он защитил полмира,
Со всеми возведя могучий саркофаг.

Припев.

Селятинский наш трест – спецназ всего Средмаша.
И в трудовых боях он побеждал всегда.
Традиции в веках продолжат внуки наши,
И славу пусть несут России их дела!

Игорь Евгеньевич Клочков

Призванные «холодной войной»

Селятинцы 1955–1992 годов

Дизайн обложки – ***Ю.С. Трубникова***
Компьютерная вёрстка – ***Д.А. Гук***
Корректоры – ***Ю.В. Рудакова, Л.И. Дудова***

Подписано в печать 25.07.2017 г.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 19,99. Тираж 300 экз. Заказ 555

Отпечатано в ООО «Тамбовский полиграфический союз»
392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14А
Тел. 8 (4752) 53-26-27
E-mail: info@tps68.ru
www.tps68.ru